

x

ОСНОВНАЯ ФОРМА

КОРРЕАЛЬНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ И КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО РИМСКОМУ ПРАВУ.

Н. ДЮВЕРНУА.

Nikolai Lvovich Duvernua

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1874.

+

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго
Лицея, 19 января 1874-го года.

Директоръ М. Клаустинъ.

SEP 29 1931

9/29/31

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о коррeальномъ обязательствѣ составляетъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ легко и удобно наблюдать существенные законы развитія юридическихъ организмовъ вообще, и съ другой стороны, въ ближайшемъ отношеніи къ обязательствамъ, это одинъ изъ центральныхъ вопросовъ всей системы римскихъ обязательствъ, до сихъ поръ, какъ извѣстно, составляющей ключъ къ разумнѣйшую современныхъ системъ

Что касается интереса изслѣдованія коррeалитета, въ связи съ стипуляціей, съ общей историко-юридической точки зрѣнія, то, въ самомъ дѣлѣ, едва ли на какомъ другомъ явленіи возможно прослѣдить съ такою ясностью этотъ необходимый процессъ, это постоянное и медленное стремленіе права отъ первоначально строгихъ, условныхъ, абсолютно-необходимыхъ, сливающихся съ существомъ права формъ и обрядовъ къ болѣе свободному, менѣе условному и формальному его проявленію. Съ другой стороны, въ исторіи римской стипуляціи мы съ рѣдкой отчетливостью видимъ постепенное образованіе изъ отвлеченныхъ, безразличныхъ въ матеріальномъ смыслѣ, чисто-формальныхъ, заключающихъ въ себѣ въ возможности любое матеріальное содержаніе сделокъ, изъ формальныхъ актовъ, въ которыхъ воля сама въ себѣ, аутономически, находитъ законъ своего проявленія, — изъ этихъ математическихъ линій договорнаго права позже слагающіяся опредѣленные и постоянныя фигуры отдѣльныхъ институтовъ обязательствен-

наго права. Моментъ воли, въ которомъ лежитъ разгадка столь многихъ явленій исторіи римскаго гражданскаго права, является здѣсь опредѣляющимъ весь процессъ образованія отдѣльныхъ институтовъ. Сперва находя себѣ выраженіе въ римскомъ понятіи лица, *persona sui iuris*, которое само въ себѣ заключаетъ цѣль своего существованія, воля лица составляла вездѣ послѣднюю основу юридическаго института. Позже, съ ослабленіемъ энергіи воли, этой силы, нѣкогда въ самомъ человѣкѣ, въ его сознаніи находившей себѣ регулятора, тѣ же явленія регулируются внѣшнимъ, объективнымъ образомъ, въ нормахъ закона. Съ этимъ вмѣстѣ внутренний, скрытый моментъ, которымъ опредѣлялось ея движеніе, становится все болѣе и болѣе внѣшнимъ, измѣримымъ, матерьяльнымъ. Такъ развиваются, вообще говоря, всѣ институты римскаго гражданскаго права, которыхъ послѣдняя генетическая и психическая основа лежитъ въ дѣятельной волѣ лица, но которые, раскрываясь исторически, получаютъ видъ внѣшняго образованія, гетерономическаго, внѣ воли лежащаго начала. Въ основѣ и конечномъ результатѣ, словомъ въ принципѣ вся система римскаго частнаго права есть ничего болѣе, какъ объективный организмъ воли лица въ извѣстной, исторически опредѣлившейся сферѣ отношеній. Мы говоримъ, что здѣсь, въ исторіи развитія римской стипуляціи и въ ея историческихъ функціяхъ, лежитъ одно изъ самыхъ простыхъ и наглядныхъ выраженій этого общаго историческаго закона развитія юридическихъ организмовъ.—Съ другой стороны, мы сказали, что вопросъ о коррeальномъ обязательствѣ составляетъ одинъ изъ центральныхъ въ системѣ римскихъ обязательствъ... Да, и именно въ томъ смыслѣ,

что въ этой формѣ возникаетъ очень существенная модификація субъективныхъ отношеній въ такой сферѣ, гдѣ все опредѣляется одними только личными отношеніями. Итакъ, здѣсь, на отдѣльномъ живомъ явленіи испытывается основная черта этого особаго вида правъ—необходимая связь такого права съ опредѣленнымъ лицомъ.

Мы считаемъ полезнымъ заранѣе объяснить относително нашего способа изслѣдованія.

Вопросъ о природѣ корреального обязательства и необходимой, прямо свойственной ему, подлинной для него формѣ, не есть разрѣшенный, когда описанъ механизмъ, техника корреалитета, хотя бы на самомъ точномъ основаніи источниковъ. Вопросъ о природѣ корреального обязательства не разрѣшенъ, по нашему мнѣнію, и тогда, когда согласно буквѣ источниковъ установлено понятіе о корреальномъ обязательствѣ какъ единомъ со многими вѣрителями или должниками (*una plurimum obligatio*) ¹⁾, или какъ объ обязательствѣ аль-

1) Это господствующая и теперь теорія корреалитета, которую справедливо называютъ именами обоихъ изслѣдователей различныхъ сторонъ того же явленія Keller—Ribbentrop'овскою. Она извѣстна во Франціи и у Demangeat остается не тронутой въ своихъ результатахъ, хотя въ способѣ изслѣдованія вопроса этотъ писатель, по нашему мнѣнію, стоитъ выше вѣмцевъ и больше способенъ возбудить къ правильной постановкѣ задачи изысканія. Мы обозначимъ здѣсь заглавіе всѣхъ трехъ сочиненій, которыя имѣемъ подъ руками. Ueber Litis Contestation und Urtheil nach classischem römischem Recht von D. F. L. Keller, Zürich Gesner'sche Buchhandlung, 1827. Zur Lehre von der Correal—Obligationen von d—r G. I. Ribbentrop, Göttingen, in der Dieterich'schen Buchhandlung, 1831. (Предшественница его же диссертация не важна для насъ.) Des obligations solidaires en droit Romain, commentaire du titre de duobus reis au Digeste. Par Ch. Demangeat, Paris. A Marescq aîné, 1859.

тернативномъ (*obligatio alternativa personarum*)²⁾. Я не отрицаю ни важности, ни достоинства изслѣдованій унитаристовъ, ни заслугъ новыхъ изслѣдователей вопроса. Если методъ изслѣдованія есть только догматическій, то нѣтъ сомнѣнiя, что объ теорiи еще долгое время будутъ раздѣлять между собою мнѣнiя юристовъ, ибо и та и другая съ догматической точки зрѣнiя больше или меньше находятъ себѣ прямую поддержку въ текстахъ источниковъ.

Мы, однако, избираемъ совершенно другой путь изслѣдованiя. Если задачу изысканiй составляетъ не извлеченiе догматическихъ тезисовъ изъ *Corpus juris*, а анализъ природы историко-юридическаго явленiя, тогда недостаточно указать мѣста, на которыхъ основано, или въ которыхъ встрѣчаетъ поддержку извѣстное ученiе, на основанiи ихъ опредѣлить понятiе, указать способъ установленiя, прекращенiя и только. Хотя бы намъ такимъ образомъ удалось совершенно воспроизвести догматически изслѣдуемое явленiе, мы имѣли бы только внѣшнiй его очеркъ, а вовсе не его природу. Ни разумность его возникновенiя, ни условiя, въ которыхъ оно образовалось, ни условiя, въ которыхъ оно способно су-

2) Эту новую теорiю называютъ также по именамъ ея творцовъ, которымъ дѣйствительно она обязана серьезной постановкой на почву источниковъ, *Girtanner—Fitting'овской*. Кунце находитъ предшествующую попытку у *Hertius'a*: *Diss. de electione ex obligatione alternativa debitori debita* въ его *Comm. et Opusc. Vol. 1. Tom. 3, p. 234* и въ его же *Diss. de pluribus nominibus personam unam sustinentibus. Vol II. Tom. 3, p. 55*. Самъ Гиртаннеръ не ссылается на *Hertius'a*. Сочиненiя обоихъ писателей суть слѣдующiя: Гиртаннера—*Die Bürgschaft nach gem. civ. Recht, 1851, стр. 75 и слѣд., 397 и слѣд., 568*. Другое того же автора—*Die stipulation und ihr Verhältniss. Kiel, 1859*. Фиттинга—*Die Natur der Correal-Obligationen Erlangen, 1859*.

ществовать, ни процессъ его развитія и исчезновенія не станутъ для насъ понятными, словомъ—историческій законъ его существованія останется для насъ тайной. Если дозволено сравненіе изъ другой области вѣдѣній, мы, возстановляя догматически черты отжившаго института, уподобляемся минералогу, который описаніемъ минерала ограничиваетъ задачу своего изысканія. Полагаемъ, что такая работа, въ смыслѣ вѣдѣній, можетъ служить только первыми шагомъ въ изученіи. Если мы не имѣемъ при этомъ въ виду мѣста рожденія минерала, если намъ не извѣстна формація, которой свойственны такіа образованія, если мы не отыскали условій химическихъ, метеорологическихъ и т. д., въ которыхъ образовался, видоизмѣнился и исчезъ предметъ изслѣдованія, то передъ нами вѣчно будетъ лежать объектъ, форма, и этой формой, этимъ простымъ наблюденіемъ, этимъ внѣшнимъ знаніемъ, или—вѣрнѣе—этимъ незнаніемъ его природы будетъ ограничиваться все наше отношеніе къ нему. Предѣлы знанія никогда и ни въ какой области не должны быть такими внѣшними, такъ механически ограниченными.

Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь,—корреальность въ римскомъ правѣ, описано съ величайшей тщательностью и согласовано съ источниками въ томъ или другомъ направленіи настолько точно, что самый внимательный пересмотръ ихъ едва даетъ въ результатѣ незначущій пробѣлъ въ отношеніи къ объекту наблюденія. Есть частные споры, касающіеся того или другаго отдѣльнаго пункта изысканій, но какая черта отличаетъ корреалитетъ отъ близкихъ къ нему, но иного характера явленій,—объ этомъ никто не споритъ. Существенный признакъ корреального обязательства, въ отличіе

отъ солидарнаго, заключается въ томъ, что въ солидарномъ удовлетвореніи (*perceptio, satisfactio*), послѣдовавшее отъ одного изъ должниковъ, погашаетъ все обязательство; въ корреальномъ искѣ (*litis contestatio, electio*) одного изъ вѣрителей или противъ одного изъ должниковъ консумируетъ, поглощаетъ требованія всѣхъ остальныхъ вѣрителей или либерировать всѣхъ остальныхъ должниковъ.

Но за симъ идетъ вопросъ, откуда-же возникаетъ эта особенность, зачѣмъ нужно такое построение обязательства, какимъ техническимъ процессомъ происходитъ погашеніе обязательства посредствомъ иска? На это найти отвѣта въ источникахъ, у писателей, обращавшихся съ живымъ явленіемъ, прямо даннаго, — нельзя. Для нихъ понятна вся эта техника, ибо она совершается на ихъ глазахъ въ условіяхъ, которыя не заключены въ самомъ явленіи, а существуютъ еще и рядомъ съ нимъ, въ другихъ подобныхъ явленіяхъ. Представимъ себѣ инныя условія, гдѣ это явленіе не повторяется, а гдѣ оно воспроизведено въ полной особности, гдѣ институтъ изображается намъ какъ отдѣльный объектъ, какъ не живущій, а отжившій. Тогда непонятность ³⁾ его тѣмъ большая, чѣмъ другому времени болѣе чужды условія его образования, и возможность его разумнѣя дается только мѣрой приближенія мысли къ совѣмъ инымъ условіямъ, гдѣ оно первоначально возникло. ⁴⁾

3) Любопытно, что самъ авторъ теоріи единства видитъ въ корреальномъ обязательствѣ *Etwas Befremdendes, dem Begriff der Obligation Widersprechendes*. Риббентропъ, стр. 14—15. Мы будемъ далѣе цитировать выше названнаго сочиненія по именамъ авторовъ.

4) Одинъ изъ руководящихъ людей въ современной нѣмец-

Заслуги современной нѣмецкой науки въ разъясненіи историко-юридическихъ задачъ въ римскомъ правѣ по справедливости можно назвать неопѣненными, и въ наше время едва-ли кто способенъ стать независимымъ отъ нѣмецкихъ изслѣдованій не только въ разрѣшеніи такихъ задачъ, но даже въ постановкѣ вопросовъ.. Но, однако, вопросъ о корреалитетѣ со стороны его исто-

кой науѣ права Оттонъ Бэръ, сочиненія котораго мы будемъ имѣть случай не разъ цитировать, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ: *die Anerkennung als Verpflichtungsgrund, von d—r Otto Bähr, Cassel und Göttingen, Georg H. Wigand. 1867. (2-е изд.), стр. 172,*—говорить слѣдующее: если въ этимъ договорамъ (различнаго вида современные формальные договоры) должны быть прилагемы начала римскихъ формальныхъ обязательствъ, то въ основаніи этого лежитъ тотъ взглядъ, что мы не можемъ произвольно отрѣшиться отъ той основы (римской), на которой покоится современное обязательственное право, а должны все къ ней же обращаться, чтобы въ ней отыскать родственные нашему юридическому быту элементы. При этомъ римскія положенія не должны быть съ слѣпой вѣрой выставлены какъ нормы, а лишь служить намъ въ качествѣ научнаго авторитета, который дѣлаетъ насъ способными правильно уразумѣть современное право. Римскія ученія въ особенности пригодны для этого, потому что постоянно видное въ нихъ противоположеніе между *jus strictum* и *aequitas* вноситъ такую ясность въ отношенія, каковой нельзя достигнуть никакимъ инымъ путемъ. (Тѣ-же идеи блестящимъ образомъ выражены у Keller'a, Pand., введение). Въ стипуляціи олицетворилась вся крайность формализма, абсолютной абстракціи, и отъ нея начала эквитета производили обратное движеніе въ извѣстной мѣрѣ къ матеріальнымъ основамъ. У насъ наоборотъ матеріальный принципъ составляетъ исходную точку, и сквозъ него пробивается потребность въ охранительныхъ формахъ и достигаетъ извѣстной степени формализма. Такимъ образомъ римское и современное право встрѣчаются на той срединѣ, которая отвѣчаетъ истиннымъ требованіямъ жизни. Но у насъ не достаетъ той формы, которая бы привела къ полному сознанію и въ основѣ нашихъ сдѣлокъ лежащую абстракцію; у насъ нѣтъ того свѣтлаго построенія, которое, подобно алгебраической формулѣ, изображаетъ результаты, не разрушая элементовъ, и этотъ недостатокъ и составляетъ то, что дѣлало до сихъ поръ правильное обсужденіе такихъ сдѣлокъ больше плодомъ неопредѣленнаго чувства, чѣмъ яснаго разумѣнія.—Мы

рической природы не разъясненъ, и возможность его разъясненія зависѣла вовсе не отъ изслѣдованія именно этого явленія, отдѣльно взятаго, а отъ разумѣнія другихъ явленій болѣе общаго характера, которыхъ коррелятъ составляетъ лишь одинокое проявленіе.

Вопросъ о коррелятивности есть, вообще говоря, вопросъ о свойствахъ формальнаго обязательства,

сомнѣваемся, чтобы кому-нибудь до сихъ поръ удалось въ столь немногихъ словахъ вмѣстѣ такое изобиліе мыслей, способныхъ освѣтить не только ближайшія къ автору явленія, но и совершенно невѣдомыя ему, совсѣмъ изъ другаго міра... Эта ошущая идущая юридическая практика, которая иной разъ способна изумить своимъ таинственнымъ тактомъ и которая тутъ же, рядомъ, въ самыхъ простыхъ вещахъ, не можетъ дать себѣ никакого отчета! Мы сейчасъ замѣтили, что Риббентропъ невольно высказалъ известное чувство отчужденности отъ строгихъ конструкцій коррелятиваго обязательства. Гориздо позже Савинья, *Das Obligationenrecht*, erster Band, Berlin, bei Veit und C^o, 1851, на вопросъ — какая цѣль института? — отвѣчаетъ: *Sicherheit und Bequemlichkeit in der Rechtsverfolgung* (стр. 218), указывая при этомъ мѣсто изъ Марцелла, гдѣ коррелятивъ является въ самомъ отдаленномъ, какъ увидимъ, приложеніи, именно въ консенсуальныхъ контрактахъ. Мы не можемъ не замѣтить, что тутъ именно на явленіе чисто формальнаго характера установлена такая точка зрѣнія (материальная), которая весьма характерна для позднѣйшаго римскаго и современнаго права и совершенно чужда времени формализма, откуда ведетъ свой генезисъ понятіе коррелятивности. Въ данномъ случаѣ мы совершенно раздѣляемъ взглядъ Брицца, который въ критическомъ этюдѣ, обращенномъ преимущественно противъ Савиньи (*Krit. Blätter* № 4), на встрѣчу его мыслямъ о цѣляхъ института коррелятивности (обезпеченность и удобство въ защитѣ права), спрашиваетъ: если такова дѣйствительно цѣль, то отчего не солидарность, а коррелятивность? Совершенно вѣрно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обѣ цѣли достигаются гораздо легче при солидарной ответственности, ибо тогда не искомъ, а удовлетвореніемъ (*perceptio*) прекращаются притязанія вѣрителя къ другимъ должникамъ. Мы будемъ имѣть случай дальше доказать самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ римскомъ правѣ именно для этихъ цѣлей устанавливалось солидарное обязательство. Мы не думаемъ однако, чтобы Бриццу удалось найти правильную точку отправленія въ изученіи явленія. Въ основѣ у него та же ошибка, какъ

объ исторической и оборотной его функціи. Такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока не выяснилась все болѣе и болѣе природа формальнаго контракта, въ особенности стипуляціи, пока не опредѣлилась въ чертахъ, совершенно распознаваемыхъ, особенно историческая сторона вопроса о преемствѣ въ обязательствахъ,—до тѣхъ поръ двойственность субъектовъ оставалась въ извѣст-

и у другихъ, именно онъ беретъ вовсе не свойственную римскому въ извѣстную эпоху, а свойственную германскому праву материальную точку зрѣнія на явленіе и утверждаетъ, что начальный и типическій случай корреалитета былъ тамъ, гдѣ два лица, каждое на извѣстную долю участвовало въ долгѣ, а въ другой долѣ принимало на себя *alienum negotium*. Неговоря о томъ, что это прямо противорѣчитъ источникамъ (ср. мѣсто изъ Юлія Павла: *non alterius nomine ei, т. е. тому изъ двухъ вѣрителей, котораго стипуляція недействительна, solvitur, sed suae obligationis, quae nulla est. L. 128, de V. O.; ср. еще L. 41. § 5 D. de proc. et defens. 3.3*), мы думаемъ, что Бринду можетъ быть возвращенъ вопросъ, который онъ дѣлаетъ Савиньи, только въ обратномъ смыслѣ,—отчего же въ такомъ случаѣ не вездѣ корреалитетъ, а въ иныхъ случаяхъ солидарность? Если я вмѣстѣ съ другимъ нанесъ вредъ, и съ меня ищутъ *in solidum*,—я отвѣчаю отчасти за свое дѣяніе, отчасти за чужое,—отчего-жъ здѣсь нѣтъ корреалитета?—Во всякомъ случаѣ, въ литературной исторіи вопроса, со стороны Савиньи и Бринда это, конечно, большая заслуга—вызвать на сцену вопросъ о цѣли института. Здѣсь, быть можетъ, лежитъ *mot d'ordre* для цѣлаго потока позднѣйшихъ изслѣдованій, которыхъ количество приводитъ въ смущеніе даже Виндшейда, какъ нѣкогда Нухта смущался изобиліемъ книгъ по владѣнію, и торжественно заклиналъ не писать больше. Пока господствующее отношеніе къ римскому праву носило на себѣ этотъ характеръ слѣпаго поклоненія, отъ котораго смѣло отрывается Бэръ, твердость юридическихъ конструкцій усложнялась точностью воспроизведенія источниковъ. Это было въ извѣстномъ смыслѣ счастливое время. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не позавидовать Зибенгаару, который, по его словамъ, 30 лѣтъ своей жизни спокойно провелъ подъ безусловнымъ господствомъ Keller-Ribbentrop'овскихъ идей (*Siebenhaar, Correaloblig. nach römisch., gemein und sächsisch. Recht, 1867—68 г.*) Но мы не хотимъ вмѣстѣ съ Виндшейдомъ искать возврата (*zurückwünschen, Pandekt. II. 1870, стр. 124*) къ этому счастливому времени. Напротивъ, мы склонны видѣть въ этомъ новомъ движеніи

ной степени загадочнымъ явленіемъ, и лучшіе представители римскаго правовѣдѣнія не могли встрѣчаться съ нимъ безъ нѣкотораго недоумѣнія. Одинокое, среди условій совершенно иного характера поставленное явленіе можетъ получить лишь косвенное, отрицательное опредѣленіе, условленное не ему свойственными, а ему чуждыми, въ наше время преимущественно матерьяльными моментами. Подлинная почва корреалитета въ другой формации, въ иной системѣ. Возможность его возникновенія, исторія его развитія принадлежитъ другому наслоенію, и лишь въ связи съ явленіями этой иной атмосферы его природа, его особенности перестаютъ поражать насъ, и мы, уразумѣвая его въ этой связи, ставимъ себя въ возможность сказать, гдѣ и когда и при какихъ условіяхъ то же явленіе повторится, станетъ снова живымъ и снова само собою понятнымъ, какъ было при своемъ первомъ явленіи.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе, которое въ основѣ есть только историко-юридическое, не можетъ быть названо заранѣе антикварнымъ, только къ познанію древ-

(которое Кунце назвалъ бурей, а писателей новаго направленія— чайками) залогъ успѣха, признаки совершенно новой постановки цѣлей изслѣдованія, при чемъ, вмѣстѣ съ новымъ методомъ, очень многіе вопросы теоріи гражданскихъ институтовъ получаютъ совершенно иную постановку, чѣмъ прежде.—Для насъ, ближайшимъ образомъ, именно въ такомъ свободномъ отношеніи къ римскому праву, заключается первый призывъ къ участию въ общеевропейскомъ научномъ движеніи, ибо мы не связаны съ римскимъ правомъ гуртовой реценціей (in complexu) его институтовъ, и если за это несли пока однѣ невыгоды такого отчужденія отъ великихъ культурныхъ факторовъ европейской жизни, то теперь, при правильно поставленныхъ задачахъ школы, можемъ извлечь и изъ прежнихъ невыгодъ преимущества независимаго и не условленнаго привычкой сужденія.

ности направленнымъ, а въ лучшемъ смыслѣ практическимъ, ³⁾ ибо никакая эпоха въ развитіи права не есть совершенно чуждая элементовъ формализма, въ которыхъ образовался корреалитетъ, хотя, быть можетъ, никакая не есть ему столь свойственная, какъ та, въ которой онъ первоначально возникъ.

Какія же ближайшія условія историческія, какія сосуществующія корреалитету явленія, которыя дѣла-

5) Мы назвали нашу задачу практической и знаемъ хорошо, сколь многое имѣютъ намъ замѣтить противъ этого съ извѣстной точки зрѣнія. Всѣхъ возможныхъ возраженій противъ изслѣдованій по классическому праву мы здѣсь не беремъ на себя устранять. Но одно соображеніе, которое въ насъ вызываетъ не тѣ, такъ называемые критики, которые предъявляютъ только требованія отъ другихъ и не даютъ сами ничего, а довольно распространенный приемъ изслѣдованія у людей часто совершенно серьезныхъ, побуждаетъ насъ здѣсь объясниться. Мы называемъ задачу изслѣдованія практической, не смотря на то, что не дѣлаемъ указанія ни на русское, ни на другое современное законодательство. Выписать рядъ статей, больше или меньше подходящихъ къ извѣстному положенію изслѣдуемаго права не значитъ прилагать сравнительный методъ изученія. Между тѣмъ, такимъ именно сопоставленіемъ нерѣдко у насъ думаютъ стяжать себѣ право на вниманіе практическихъ людей. Такое сопоставленіе можетъ быть вовсе бесполезно, но только для очень опредѣленныхъ цѣлей. Тотъ кто, воспользовавшись извѣстной французской книгой: *Concordance entre les codes civils étrangers et le code Napoleon, par Saint-Joseph, 1856, 4 v.*, выпишетъ отсюда къ соответствующему, напримеръ, договору положенія хоть всѣхъ новыхъ законодательствъ, — сдѣлаетъ тоже, быть можетъ, очень важную услугу людямъ, желающимъ знать статьи извѣстнаго законодательства. Но это, вѣдь, вовсе не изслѣдованіе научнаго вопроса и вовсе не сравнительный методъ изученія права. Кто когда либо пытался изслѣдовать, тотъ знаетъ хорошо разницу понятій изслѣдованія и простаго списыванья. Мы не назначаемъ вовсе нашего труда для тѣхъ практическихъ цѣлей, для которыхъ служатъ карманные словари, справочныя изданія разныхъ текстовъ, библиографическіе указатели, календари и проч.; мы хотимъ установить границу, которую, къ сожалѣнію, часто забываютъ, между требованіями отъ такихъ изданій и отъ ученыхъ

ювь понятнымъ и въ известной степени необходимымъ появленіе этого особаго рода сочетанія обязательствъ? Всѣ они въ одинаковой степени противоположны материализирующей тенденціи новаго права и всѣ носятъ одинъ характеръ строгаго формализма,—это *novatio, litis contestatio et delegatio*; и разъясненіе формальныхъ функций каждаго изъ этихъ актовъ составляетъ (независимо, конечно, отъ предшествующихъ литературныхъ и во многомъ очень важныхъ трудовъ, о которыхъ мы бу-

трудовъ. Совершенно разные вещи—языковѣднiе и карманный словарь, правовѣднiе и сопоставленіе текстовъ, астрономія и календари. Совершенно желая успѣха и этимъ предпріятіямъ, мы рекомендуемъ неоптвенную для такихъ цѣлей по нашему вопросу небольшую книжку Франца Самхабера,—*Zur Lehre von der Correall-obligation im römischen u. heutigen Recht von d—r Franz Samhaber. Erlangen. 1861.* Она предлагаетъ обширный литературный очеркъ, останавливаясь, впрочемъ, преимущественно на книгахъ, прямо имѣющихъ предметомъ корреальность и солидарность. Позднѣйшія явленія отиѣчены у Виндшейда въ учебникѣ; см. соотвѣтствующие §§, а также въ словарѣ Holtzendorff'a подъ словомъ *Solidar und Correallobligationen*, гдѣ любопытные могутъ найти увазанія на санцонское законодательство и на *Codice civile italiano*. Сожалѣемъ, что не можемъ точно процитировать одной книги по австрійскому праву, которую намъ случайно привелось видѣть въ Геттингенѣ и которой мы не нашли позже въ Прагѣ. Самхаберъ въ упомянутомъ сочиненіи дѣлаетъ также увазанія и выдержки изъ торговаго и вексельнаго права, изъ законодательствъ прусскаго, австрійскаго, французскаго, цюрихскаго и римскихъ проектовъ. Что касается статей русскаго законодательства, то въ нихъ мы вовсе не нашли бы побужденія взять вопросъ о корреальности предметомъ специальныхъ изысканій; но это не значитъ, чтобъ для русскаго права и для русской практики вопросы, которыхъ мы касаемся, не имѣли бы практическаго интереса. Ближайшаго примѣненія нашихъ выводовъ къ требованіямъ русской практики мы не принимаемъ на себя, въ виду необходимости для этихъ цѣлей совершенно другаго характера изысканій, чѣмъ тѣ, которыя мы дѣлаемъ. Быть можетъ, у насъ найдутся люди, которымъ будетъ подругише сдѣлать такія изысканія, чѣмъ намъ, и мы думаемъ, что нашимъ трудомъ мы скорѣе пособствуемъ, чѣмъ помѣшаемъ ихъ успѣху.

дѣтъ говорить дальше) оущественнымъ образомъ ученую заслугу писателей середины шестидесятихъ годовъ. Различіе делегации и новации строго и точно проведено лишь Сальвиусомъ. Въ связи съ формальнымъ дѣйствіемъ новации, особенно въ виду совершенно специфическаго дѣйствія римской делегации (*solvit qui reum delegat*), которую новая германская практика вовсе не признаетъ, давая приказу лишь тогда силу, разрѣшающую обязательство, когда по немъ послѣдовало матеріальное удовлетвореніе (*Anweisung ist keine Zahlung*), въ связи съ этими двумя явленіями, столь родственными формальной природѣ корреального обязательства, — становится совершенно понятнымъ и одинаковое отчужденіе отъ нихъ тѣперешней мысли и невозможность яснаго уразумѣнія ихъ оборотнаго значенія одного безъ другаго. Если достаточно акта делегации, чтобъ, независимо отъ его матеріальныхъ послѣдствій, разрѣшено было обязательство между делегирующимъ (*delegans*) и делегатомъ съ одной стороны и делегатаромъ съ другой, — если тутъ ничего, кромѣ формальнаго акта, не нужно, если то же самое явленіе, та же формальная сила дѣйствуетъ и въ новации, если она составляетъ основное свойство стипуляціи, — то, спрашиваемъ мы, можетъ ли быть иначе при корреалитетѣ, гдѣ, какъ мы покажемъ дальше (см. объ установленіи корреального обязательства), все дѣло въ противопоставленіи двухъ стипуляцій *eiusdem potestatis*, которыя не поглощаютъ тотчасъ одна другую потому только, что въ минуту ихъ возникновенія неизвѣстно, *non potest reperiri, cur altera potius quam altera consumeretur*, и которыя должны конзумировать одна другую, едва ирмѣнится это ихъ сначала взаимно нейтрализованное противопоставленіе? На этотъ во-

прось—можетъ ли быть иначе съ этимъ явленіемъ, чѣмъ со всѣми другими подобными въ эту эпоху—мы отвѣчаемъ, что здѣсь должна дѣйствовать та же абсолютная сила фORMALНЫХЪ актовъ, какъ и въ делегации, должна съ закономъ фORMALНОЙ логической необходимости.

Итакъ, исходя отъ одного явленія, мы дѣлаемъ вопросъ общимъ для цѣлаго ряда ихъ, и отвѣтъ дается самъ собой. Развитие фORMALНЫХЪ обязательствъ и всей техники, съ ними связанной, есть выраженіе той эпохи въ жизни народа, или того состоянія народнаго духа, гдѣ аутономія воли въ сферѣ частнаго права составляетъ послѣдній критерій достоинства и силы сдѣлки. Актомъ воли, выразившейся въ словѣ, безапелляціонно, безъ всякаго приложенія матерьяльныхъ критеріевъ, безъ всякой послѣдующей повѣрки или поправки силы акта, разрѣшаются окончательно всѣ вопросы права. Эти акты въ ней самой, въ волѣ лица находятъ себѣ свою лучшую пробу. Не нужно ждать, оправдается ли матерьяльнымъ образомъ мой расчетъ или мои ожиданія, когда разъ я выразилъ мою волю. Бдительность мысли и зрѣлость воли не можетъ быть заподозрѣна: это ея качества, безъ которыхъ ея нѣтъ, безъ которыхъ не существуетъ ни лица, ни права въ эту пору здороваго развитія дѣловыхъ характеровъ. (Тѣ же черты отличаютъ обязательства и нѣкоторые виды процесса въ современномъ англійскомъ правѣ.)

Въ какомъ противуположеніи съ этими началами стоятъ явленія позднѣйшаго и современнаго общаго права,—мы не имѣемъ надобности здѣсь еще разъ говорить,

указавъ выше, что лишь упорнымъ научнымъ трудомъ и совершеннымъ отреченіемъ мысли отъ характеристическихъ признаковъ современнаго права (матерьяльность) возможна стала правильная теоретическая реконструкція совсѣмъ иныхъ началъ, на которыхъ покоится римскій формализмъ и вся система строгаго права.

Если, однако, такъ слѣдуетъ характеризовать современное общее право, то совершенно иные признаки, приближающіеся къ началамъ римскаго формализма, — та же бдительность и зоркость, та же зрѣлость воли, та же рѣшающая сила ея, не зависящая отъ повѣрки матерьяльными соображеніями, — усматриваются въ свойствахъ специальныхъ институтовъ торговаго и вексельнаго права. Любопытно, что юридическія формы сдѣлокъ въ торговыхъ центрахъ сѣверной Германіи (Гамбурга, Любека) служатъ для ученыхъ юристовъ — практиковъ, каковъ Вэръ, въ особенности Сальпусъ, средствомъ истолкованія самыхъ загадочныхъ явленій римскаго кредитнаго оборота.

Если опытъ, сдѣланный Ihering'омъ на девятомъ съѣздѣ юристовъ, возстановить въ сознаніи руководящихъ людей достоинство и практическую пригодность одного изъ элементовъ римскаго формализма (*condictiones*), не имѣлъ полнаго успѣха, то это свидѣтельствуетъ не о недостаткахъ предложеннаго, а о свойствахъ почвы, на которую оно упало. Очевидно, въ общемъ господствующій уровень ниже, чѣмъ предполагалъ знаменитый истолкователь римскаго права, и та точка зрѣнія на свой-

ства народнаго сознанія, которую старался установить Гессе ⁶⁾, при всѣхъ ея нелестныхъ свойствахъ, есть болѣе справедливая.

6) Ueber das Wesen und die Arten der Verträge. von d—r Ch. A. Hesse. Iena, Mauke's Verlag 1868. Въ заключеніе своего труда, отыскавъ свой идеаль права въ эпохѣ позднѣйшихъ цезарей (восточныхъ), Гессе, *по поводу формальныхъ контрактовъ*, съ неожиданнымъ безстрашіемъ обращаетъ республиканское *Senatusconsultum ultimum* къ юристамъ и государственнымъ людямъ, которые будутъ участвовать въ законодательствѣ по обязательственному праву. Впрочемъ, все сочиненіе носить болѣе агитаторскій, чѣмъ научный характеръ. Гессе, изслѣдуя римское право, съ особымъ чувствомъ собственнаго достоинства отворачивается отъ лучшихъ приемовъ исторической критики, чтобы получить тѣ результаты, какіе ему, по его соображеніямъ, кажутся полезными. Впрочемъ, для торговаго міра тѣ же опасности, которыми онъ старается запугать будущихъ законодателей, и по его мнѣнію, не существуютъ.

ОТДѢЛЪ I.

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ДВУХЪ ТЕОРІЙ КОРРЕАЛЬНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Въ виду установленной такимъ образомъ задачи изслѣдованія возможно обратитъ къ намъ вопросъ: что же, и до сихъ поръ изученіе природы корреального обязательства было ошибочно направляемо, и именно въ той литературѣ, которая для насъ же самихъ служитъ такимъ необходимымъ, такимъ существеннымъ пособіемъ? Мы отвѣчаемъ — да. Чтобы по возможности ориентироваться въ многочисленныхъ попыткахъ объяснить загадочное явленіе, мы избираемъ двѣ главныя, къ которымъ съ точки зрѣнія историко-юридической становимся въ отношеніе критики, — это теорія единства обязательства, съ одной стороны, и субъективной альтернативности, съ другой. Ближайшимъ образомъ первая принадлежит Риббентропу, вторая Фиттингу.

Независимо отъ заслугъ Риббентропа, которыхъ нельзя не признать за нимъ, въ первый разъ ⁷⁾ точно,

7) Слѣдуетъ замѣтить, что трудъ Риббентропа, названный выше, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ изслѣдованіемъ Keller'a, Ueber Litis Contestation und Urtheil, von d—r Keller, Zürich, 1827. Связь эта не есть внѣшняя, а внутренняя, ибо выдающуюся черту въ природѣ корреального обязательства составляетъ именно специфическое дѣйствіе на него *litis contestatio*. И такъ, изслѣдованіе Келлера составляло необходимое предшествованіе для работы Риббентропа. Въ свою очередь изслѣдованіе самого Келлера

на основаніи источниковъ и послѣдовательно проведеннаго противуположенія солидарныхъ и коррелятивныхъ обязательствъ, въ какое собственно отношеніе ставить

находится въ самой тѣсной зависимости отъ недолго до того сдѣлавшихся извѣстными четырехъ книгъ комментарий Гая. Оба писателя, и Келлеръ и Риббентропъ, стоятъ на границѣ между старой и новой литературой по тѣмъ вопросамъ, которые они изслѣдуютъ, и это не только въ смыслѣ различія взглядовъ, но также въ смыслѣ различія средствъ и, нѣкоторымъ образомъ, самаго предмета изслѣдованія. Съ этихъ обоихъ писателей мы имѣемъ право считать происхожденіе вопросовъ въ новомъ видѣ и при новыхъ средствахъ, которыя даетъ Гай. Для состоянія вопроса до появленія обоихъ сочиненій можно найти указанія у Келлера, стр. 15—31 (Келлеръ, какъ и его знаменитый учитель Савиньи, не считаетъ себя обязаннымъ пересчитывать всевозможную литературную рухлядь, съ которой такъ бережно обращаются другіе писатели—юристы, стр. 15, примѣч. 2) и у Риббентропа §§ 1 и 2, также у Samhaber'a въ указанномъ выше сочиненіи и у Кунде, *Singul. iur. stran.* 117. Независимо отъ важныхъ заслугъ для исторіи процесса, у Келлера мы находимъ прямо опредѣлившимся положенія, которыми такъ или иначе пользовались позже въ ученіи о коррелятивѣ (см. стр. 419—496). Литературныя замѣтки Риббентропа вовсе не лишены важности. Если со времени glossы и позже, наконецъ у Куяція и Антона Фабера *litis contestatio* толкуется какъ *petitio effectualis*, чѣмъ сглаживается существенный признакъ различія между коррелятивностью и солидарностью, и вопросъ сводится на ту матеріальную точку зрѣнія, которая ему наименѣе свойственна, то два позднѣйшіе экзегета, Дуаренъ и Мельхиоръ-де-Валенсія, съ поразительной вѣрностью отмѣтили ту черту различія между обязательствами (*obligationes stricti juris ubonae fidei*), которой существенно условливается свойство коррелятивности съ одной стороны и солидарности съ другой. Риббентропъ, къ сожалѣнію, очень невысоко цѣнитъ ихъ заслуги. Но въ послѣднее время одинъ изъ солиднѣйшихъ французскихъ романистовъ, Demangeat, въ указанномъ выше сочиненіи, гдѣ онъ обнаруживаетъ полное обладаніе и источниками и современной нѣмецкой литературой, очень близко подходит (по видимому независимо отъ названныхъ экзегетовъ) къ ихъ идеямъ. Что касается Pothier, то нѣмцы мало къ нему обращаются, и мы приводимъ здѣсь указанія Demangeat, имѣющаго, конечно, больше другихъ побужденій изучать его, такъ какъ система обязательствъ въ Code civil построена, главнымъ образомъ, на его сочиненіяхъ. (См. стрр. 16 и 17, 47 и 48, 49, 78, 91, 119, 130, 137, 194, 237, 278 и слѣдующія, 311, 315, 360, 378, 381).

себя этот писатель къ материалу, который у него подъ руками? Съ помощью новыхъ свѣдѣній о дѣйстви *litis contestatio* на обязательства, которыя даетъ Гай, Риббентропъ останавливается на существенной чертѣ, отличающей корреальное обязательство, на консумман обонь обязательствъ посредствомъ предъявленія иска однимъ изъ вѣрителей или противъ одного изъ должниковъ, и, спрашивая, откуда происходитъ это явленіе, обращается снова къ тѣмъ же источникамъ, для того чтобы найти въ нихъ отвѣтъ. Такимъ образомъ, ему нужна готовая теоретическая конструкция института, которая *expressis verbis* была бы выражена классиками. Такова задача, и ее именно старается выполнить, этого результата достигнуть названный писатель. Мы думаемъ, что если по тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ авторъ, по изобилію историческаго матерьяла, онъ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ старые истолкователи *Corpus juris civilis*, то по приему изслѣдованія, совершенно догматическому, онъ не отличается отъ нихъ ничѣмъ.

И такъ, вопросъ въ томъ—почему *litis contestatio* прекращаетъ то и другое требованіе, или тотъ и другой искъ?

Риббентропу нуженъ отвѣтъ источниковъ, и они даютъ ему отвѣтъ, но не одинъ, а два.

Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, которыя почти всѣ исчерпаны Риббентропомъ и потомъ дополнены Фиттингомъ, мы имѣемъ опредѣленіе корреальнаго обязательства, какъ единаго со многими вѣрителями или должниками.

Пока мы станемъ на точку зрѣнія этихъ ⁸⁾ свѣдѣтельствъ, которыя для теории единства суть рѣшающія. Если въ самомъ дѣлѣ корреальное обязательство есть одно, не смотря на мультипликацію лицъ, то можетъ ли отсюда рождаться два иска? Конечно нѣтъ. Искъ долженъ быть одинъ. И такъ, одинъ или два вѣ-

8) Почему они, а не противоположныя имъ должны были казаться Риббентропу и за нимъ очень многимъ болѣе понятными и простыми,—объ этомъ мы сейчасъ будемъ имѣть случай говорить.

рителя, одинъ или два должника—это не мѣшаетъ единству обязательства. Единство обязательства есть именно то, что отличаетъ корреальность отъ солидарности.

Эта мысль о единствѣ, какъ она ни проста, не можетъ, однако, иначе получить сколько нибудь определеннаго юридическаго содержанія, какъ при слѣдующемъ предположеніи. Надо принять за несомнѣнное, что въ обязательствѣ мы можемъ различать объективный составъ и совершенно отдѣльное отъ него личное отношеніе къ обязательству, которое собственно и способно мультиплицироваться, тогда какъ объективно обязательство будетъ оставаться все тѣмъ же. Такъ именно и поступаетъ Риббентропъ вслѣдъ за Келлеромъ⁹⁾. Въ этомъ-то необходимомъ предположеніи, какъ увидимъ,¹⁰⁾ и вся трудность. Допустивъ его,¹¹⁾ мы все остальное въ теории унитета послѣдовательно должны принять безъ всякаго видоизмѣненія. И такъ, если въ обязательствѣ есть особый объективный составъ, то понятно, что будутъ и способы его прекращенія, дѣйствующіе объективно (*novatio, litis contestatio* и проч.). Рядомъ съ этимъ будутъ идти еще другіе способы которые разрѣшаютъ только субъективное отношеніе того или другаго лица къ обязательству, оставляя самое обязательство нетронутымъ (напр. *capitis deminutio*). Вотъ въ очень сжатой формѣ существенныя черты ученія.

9) У Риббентр. см. § 5; у Келлера стр. 446 и слѣд.

10) Оно съ самаго начала составляло Ахиллесову пяту всей теории; см., напр., Rückert, стр. 2, 3, 19; Beckker, *Processualische consumption* 1853, стр. 226, 227; Helmolt, *Die Correalobligation*, стр. 125 и слѣд., Kuntze, стр. 118.

11) Кунце (стр. 118) несправедливо упрекаетъ обоихъ писателей въ томъ, что источники не даютъ ни малѣйшаго непосредственнаго основанія для такого различенія. Мы согласны съ тѣмъ, что это ученіе вовсе неспособно служить къ уразумѣнію явленій римскаго обязательственнаго права, но есть несомнѣнно мѣста, въ которыхъ образъ выраженія можетъ подать поводъ къ указанному различенію. См. L. 19 D. h. t. (45. 2.), гдѣ Помпоній говоритъ: *quum persona liberatur manente obligatione....*

Въ этомъ ученіи, которое на первый взглядъ производить очень заманчивое впечатлѣніе простоты и естественности, труднѣе всего отыскать такой пунктъ, къ которому прикасаясь, Вы не разрушили бы всего зданія.

Итакъ, начнемъ съ вопроса: отчего эта конструкция казалась и кажется многимъ до сихъ поръ очень естественной? Дѣло въ томъ, что, сперва отыскивая въ источникахъ готовой теоріи, а потомъ выбирая изъ двухъ противоположныхъ отвѣтовъ, которые они предлагаютъ, одинъ и устраняя другой, Риббентропъ дѣйствовалъ не только догматически (т. е. безъ исторической критики, а съ помощью одного экзегетическаго приѣма), но еще какъ догматикъ, совершенно связанный въ разумнѣиіи явленія не условіями, въ которыхъ оно возникло, а условіями своего времени. Въ силу указаннаго нами выше (см. введеніе) начала, характеризующаго теперешнее развитіе права (матерьяльность), въ отличіе отъ римскаго (особенно отъ системы *ius civile*), всего менѣе понятна возможность такого сопоставленія двухъ обязательствъ, гдѣ одно силой (формальной), въ немъ заключенной, независимо отъ матерьяльныхъ результатовъ, способно консумировать другое. *Duae obligationes ejusdem potestatis*, которыя такъ сопоставлены, что нельзя опредѣлить, *cur altera potius quam altera consumeretur*, такая природа обязательствъ (*natura obligationum duarum*¹²) составляетъ для насъ нѣчто чуждое. Несравненно легче и проще (хотя и это включаетъ въ себѣ *Etwas Befremdendes*) представить себѣ объективно (матерьяльно) единое обязательство, не смотря на многихъ вѣрителей или должниковъ. Мы это и дѣлаемъ, мы обращаемся къ мѣстамъ болѣе для насъ понятнымъ и устраняемъ менѣе понятныя,—тогда наша теорія получаетъ всеобщее признаніе и долгое время остается

12) Всѣ эти черты мы беремъ изъ характеристики, которую даютъ корреалитету Ульпианъ и Венулей. L. 5 D. 46. 1. и L. 13 D. h. t. Все это впоследствии будетъ разъяснено полнѣе.

кормодствующей; и не смотря на то, что она распата-
на въ самомъ своемъ основаніи, теоретически, особенно со-
ставители руководствъ,¹³⁾ сожалеютъ о прошломъ вре-
мени.

Но мы, однако, не имѣли бы права возражать если
не противъ правильности построения ученія, то противъ
его аутентичности (Quellenmässigkeit), если бы въ немъ
дѣйствительно заключалась теорія, ученіе, принятое нѣ-
которыми классиками и встрѣчавшее себѣ возраженіе у
другихъ.¹⁴⁾ Чтобы убѣдиться, что источники ничего
подобнаго не заключаютъ въ себѣ, для этого достаточ-
но сравнить разныя мѣста, въ которыхъ говорится то
объ одной, то о двухъ obligationes. Тогда мы замѣтимъ,
что предполагаемое различіе теорій существуетъ вовсе
не у равныхъ писателей, а у одного и того же.¹⁵⁾ До-
пустить, что одинъ и тотъ же юристъ слѣдоваль одно-
временно двумъ противоположнымъ теоріямъ мы, конеч-
но, не имѣемъ никакого права. И такъ, въ этомъ явле-
ніи заключается что либо совершенно иное. Мы полага-
емъ, что вопросъ о примиреніи кажущихся противорѣ-
чій долженъ быть поставленъ совершенно иначе, чѣмъ
до сихъ поръ его ставили, а именно такъ: слѣдуетъ
ли вообще приписывать классикамъ эту задачу — кон-
струировать теорію коррeальности, или то, въ чемъ
мы хотимъ видѣть ученіе, теорію, имѣло у нихъ совер-
шенно иной смыслъ и иную цѣль?

Стоить, думаемъ мы, съ нѣкоторымъ вниманіемъ сли-
чить тѣ мѣста, которыя виндицируютъ въ свою пользу
современные послѣдователи унитета, между собою, для

13) Извѣстно, что составители учебниковъ обыкновенно го-
раздо консервативнѣе, чѣмъ пишущіе независимо отъ этихъ цѣлей.

14) Нѣчто подобное предполагалъ Доваль въ разлчныхъ
противурѣчивыхъ свидѣтельствахъ источниковъ. Впрочемъ, его и-
деи чрезвычайно далеки отъ современной постановки вопросовъ,
послѣ открытія Галя, и представляютъ совершенно специальный
интересъ для исторіи его времени.

15) Ср., напр., у Ульмана L. 8, § 1, h. t.; L. 5 D. 46. 1.
и L. 16 pr. D. 46. 4.

того, чтобы убедиться въ томъ, что въ нихъ нѣтъ никакого намека на теоретическую конструкцію, что они даютъ нѣчто совершенно иное, и что лишь настойчивое желаніе отыскать въ нихъ готовое учение могло дать имъ смыслъ теоретическихъ построений. Какой результатъ мы получаемъ при сличеніи? Мы видимъ, что въ этихъ мѣстахъ слово *obligatio* смѣняется словомъ *actio*. Въ мѣстахъ противоположныхъ, напротивъ, словоупотребленіе гораздо болѣе постоянно¹⁶⁾. Если мы примемъ во вниманіе столь частую замѣну понятій *obligatio* и *actio* одного другимъ въ римской терминологіи, то намъ будетъ понятно, отчего, говоря то *una eademque obligatio*, то *eadem actio*, они этимъ отмѣчаютъ вовсе не то, что мы выражаемъ нашимъ понятіемъ *obligatio*¹⁷⁾. Есть ли здѣсь теорія корреляльнаго обязательства въ нашемъ смыслѣ? Мы думаемъ, никакой тѣни. Все, что имѣютъ въ виду классики,—это только обозначить при-

16) Ср. L. 3, § 1. h. t.; L. 9 pr. D. 2. 14; L. 5 C. h. t. pr. § 1. J. h. t. L. 116 de V. O. (это главнее за умѣтеть; Фиттингъ приводитъ еще массы непрямыхъ, стр. 17). L. 9. § 2. D. h. t. L. 3. L. 13. D. eod. L. 128 de V. O. L. 21, § 4. D. 46 1, L. 5 eod. L. 93, § 2 D. 46, 3 (за двойственность). Мы не выписываемъ здѣсь текстовъ, ибо будемъ имѣть случай позже возвращаться къ нимъ. За сими мы не считаемъ возможнымъ что-либо основывать на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ о корреляльныхъ обязательствахъ говорится «*obligatio*, а не *obligationes*,» ибо здѣсь нѣтъ упоминанія на теорію единства, ср. Фиттингъ стр. 17.

17) Ульшпанъ говоритъ: *quum una sit obligatio una et summa*. L. 3, § 1, h. t. Павелъ въ очень важномъ мѣстѣ, обозначающа корреляльныхъ вѣрителей, говоритъ: *Si plures sint, qui eandem actionem habent*. Что касается вообще родства этихъ понятій въ римскомъ правѣ, то мы имѣемъ цѣлые трактаты, убѣждающіе насъ въ этомъ. См. особенно Виндшейда *Actio des römischen civilrechts* 1856; Muther'a *Zur Lehre von der römisch. actio* 1857 (рѣзкая нападка на Виндшейда). *Actio Abwehr gegen Ih. Muther Windscheid* 1857. Здѣсь ясно, въ какомъ противоположномъ отношеніи стоятъ у насъ и у Римлянъ понятія *actio* и *obligatio*. Въ первой брѣш. см. особенно стрр. 56—61. Мѣста источниковъ, напр., L. 8, § 1 D. 16. 1. L. 10 D. 19 1. Объ отклоняющемся примѣненіи слова *obligatio* еще: *Das Pfandrecht von d—r Heinrich Dernburg, 1 Band, 1860, стр. 116*. Иначе Кунце, *singul suc.*, стр. 161.

знакъ, которымъ отличается солидарность отъ корреляльности. Эти мѣста не заключаютъ въ себѣ ни одной юты больше, чѣмъ всѣ тѣ, въ которыхъ о корреляльномъ обязательствѣ говорится: *altero convento alter liberatur*. Это только черта извѣстнаго явленія. Задача теоріи (см. введеніе) вовсе не въ томъ, чтобы описать явленіе, а въ томъ, чтобы анализировать его природу. Говоря о томъ, что въ коррелятивѣ одинъ искъ или (особенно для пассивныхъ случаевъ) *una obligatio, unum debitum*, юристы ¹⁸⁾ классики не думали вовсе этимъ опредѣлить его природу, а хотѣли только указать на процессуальную сторону явленія корреляльности, отличающую его отъ другихъ, которыя (особенно въ позднѣйшемъ развитіи коррелятива, см. ниже) легко было съ ними смѣшать. Но коррелятивъ есть такое сопоставленіе обязательствъ, или—все равно—обязанныхъ лицъ, которое существуетъ до иска, которое предшествуетъ иску, которое искомъ разрѣшается, и, какъ таковое, оно вовсе не опредѣляется одной процессуальной точкой зрѣнія. Мы можемъ сказать—коррелятивное обязательство есть такое, въ которомъ нѣсколько вѣрителей, но одинъ только изъ нихъ есть истецъ, или нѣсколько должниковъ и одинъ только есть отвѣтчикъ (конечно *in solidum*). Но мы этимъ опредѣляемъ только способъ дѣйствія по такому обязательству или по такимъ обязательствамъ и отличаемъ его отъ другаго способа дѣйствія, по другому виду обязательствъ. Здѣсь виденъ только результатъ, а не факторы его. Никакого отвѣта на вопросъ—почему это такъ происходитъ—въ этихъ мѣстахъ мы не находимъ; здѣсь именно рождается вопросъ, отсюда долженъ начать свои изысканія ученый теоретикъ, а не сюда приводить ихъ; здѣсь начало недоумѣній, а не разгадка ихъ, не конецъ имъ; отсюда идетъ потребность теоретическихъ соображеній, а не здѣсь лежитъ ихъ удовлетвореніе.

18) Мы не останавливаемся здѣсь на соображеніяхъ общаго характера, такъ мало говорящихъ въ пользу склонности римскихъ юристовъ къ теоретизированью.

Мы видѣли выше, что Риббентропъ, для того чтобы дать какое-либо опредѣленное юридическое содержаніе своему понятію единства обязательства, считаетъ необходимымъ различить объективный составъ обязательства и только субъективныя отношенія. Мы сказали, что въ этомъ предположеніи вся трудность. Между тѣмъ господствующая теорія принимаетъ его какъ извѣстное и не даетъ никакого критерія для того, чтобы различить оба понятія. И такъ, мы въ правѣ спросить—что же такое въ данномъ случаѣ субъективныя отношенія, какъ ихъ опредѣлить? Составляютъ эти субъективныя отношенія то же обязательство или нѣтъ? Когда посредствомъ *capitis deminutio* прекращаются эти субъективныя отношенія, то обязательство этого лица прекращается или иное что? Мы думаемъ, что именно обязательство, ибо иного отношенія нѣтъ возможности здѣсь предположить, но здѣсь обязательство извѣстнаго лица прекращается такъ, что не оказываетъ этимъ вообще вліянія на другое. Есть другіе способы прекращать обязательство, которые иначе дѣйствуютъ. Въ чемъ заключается эта техника, отъ чего она зависитъ, гдѣ имѣеть мѣсто,— это именно и будетъ составлять задачу нашего изслѣдованія, въ его позитивной части.

Пока мы резюмируемъ результаты анализа такъ называемой теории унитаріа. Ея авторъ относится къ источникамъ не какъ историческій изслѣдователь, а какъ догматикъ. Онъ ищетъ въ источникахъ не того, что они даютъ и что способны дать, а того, что болѣе соответствуетъ требованіямъ и взглядамъ его времени и приписываетъ имъ такія задачи (теоретическія), которыя ему, а не источникамъ свойственны. Въмѣсто историческаго или историко-критическаго приѣма мы встрѣчаемся вездѣ съ настоящимъ догматизмомъ. Съ этой точки зрѣнія для Риббентропа важно устранить кажущееся противорѣчіе мѣстъ, и онъ старается этого достигнуть, жертвуя одними свидѣтельствами въ пользу другихъ. У насъ остается однако цѣлый рядъ мѣстъ, вовсе не повинующихся его видамъ. У Папиніана читаемъ: *etsi maxime rem causam suscipiant, nihilo minus in cu-*

jusque persona propria singulorum consistit obligatio. У Венулея: Si reus promittendi alteri reo heres extiterit duas obligationes eum sustinere dicendum est. У Ульпиана: quum vero duae ejusdem potestatis sint, non potest reperiri, cur altera potius, quam altera consumeretur. L. 9, L. 13 D. h. t., L. 5 D. 46, 1. Задача — открыть рѣшающій догматизмъ въ мѣстахъ источниковъ — не достигнута; въ результатъ получается вѣдѣнное описаніе явленія, безъ всякаго анализа, безъ всякаго изученія его внутренней природы.

Въ известной книгѣ Савиньи объ обязательствахъ ¹⁹⁾ ученіе о корреалитетѣ изложено именно съ той точки зрѣнія, которая опредѣлилась въ первый разъ вполне и всесторонне въ разобранномъ нами сочиненіи. Понятіе корреального обязательства получается посредствомъ противоположенія съ другими явленіями и лишь въ заключеніе мы узнаемъ, что корреальное обязательство есть единое со многими вѣрителями или должниками.

Процессъ мыслей, который проходитъ знаменитый романистъ, есть слѣдующій:

Съ существомъ обязательства необходимо связано противоположеніе двухъ лицъ, одного вѣрителя и одного должника. — Однако факты, изъ которыхъ слагается обязательство, могутъ быть такого свойства, что оно, со стороны или вѣрителя или должника, или со стороны обоихъ, относится не къ одному лицу, а одновременно ко многимъ. Для такихъ случаевъ слѣдуетъ принять какъ *правило*, что въ этомъ кажущемся простомъ обязательствѣ столько отдѣльных, независимыхъ обязательствъ, сколько лицъ на одной изъ сторонъ. Я общалъ двоимъ 100,—это то же, что каждому было бы общано по 50-ти.

Можетъ, однако, въ видѣ *исключенія*, волею лицъ, быть установлено такое отношеніе, въ которомъ одно и то же обязательство всецѣло и нераздѣльно относится

19) Das Obligationenrecht, 1851.

къ каждому изъ многихъ вѣрителей или къ каждому изъ многихъ должниковъ. Въ этомъ именно исключительномъ случаѣ такого единого обязательства со стороны вѣрителями или должниками и заключается все существо корреального обязательства (*ächte Correaltobligation*)²⁰⁾. Отсюда, изъ этого понятія должно само собою слѣдовать то дѣйствіе, какое имѣетъ на корреальное обязательство *litis contestatio*.²¹⁾ Не вездѣ, однако, гдѣ нѣсколькихъ лицъ являются обязанными на цѣлое, на все (*in solidum*), есть этотъ исключительный случай единого обязательства. Случайно тоже явленіе можетъ имѣть мѣсто и при нѣсколькихъ, независимыхъ одно отъ другаго, обязательствахъ (*unächte Fälle der Correaltät*).

Наиболѣе характерная сторона ученія Савиньи заключается въ его взглядахъ на регрессъ. Если до этого можно было думать, что Савиньи различаетъ природу формальныхъ отношеній, которыми опредѣляется корреальное обязательство, въ отличіе отъ солидарнаго, то въ ученіи о регрессѣ нельзя не придти къ совершенно иному заключенію. Посредствомъ регресса всѣ отношенія въ корреальности сводятся въ тому результату, который собственно имѣетъ мѣсто въ обязательствѣ проратарномъ. Въ виду этого и той цѣли, которою опредѣляетъ Савиньи весь институтъ (*Sicherheit und Bequemlichkeit in der Rechtsverfolgung*), трудно сказать, почему Савиньи не отрѣсся для современнаго права (съ законодательной точки зрѣнія) вовсе отъ этого института въ пользу солидарныхъ обязательствъ, которыя существенно не рознятся отъ корреальныхъ ничѣмъ, кромѣ отвлеченнаго понятія единства и характера игры (*Glücksspiel*), въ нихъ скрытаго и требующаго поправки посредствомъ регресса²²⁾.

20) Сравни § 16. Савиньи не слѣдуетъ опасному приему расчлененія въ обязательствѣ объективнаго состава и субъективнаго отношенія.

21) Ср. § 19, стр. 181; § 22—25.

22) Ср. § 23.

Въ виду такого состоянія вопроса у руководящаго писателя, меньше всего можно удивляться внезапно поднявшемуся протесту противъ всѣхъ элементовъ старой конструкціи, отчасти даже противъ всякой внутренней необходимости различать корреальность отъ солидарности. Рюкертъ смѣло объявляетъ, что всѣ особенности, отличающія корреалитетъ отъ солидарности, суть совершенно позитивнаго происхожденія.²³⁾ Такимъ образомъ природа обоихъ обязательствъ существенно не различается... Мы ушли опять назадъ, но нѣсколько дальше, чѣмъ желалъ Виндшейдъ....

Несравненно болѣе вѣрно, чѣмъ въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ попыткахъ, недостатокъ теоріи единства отмѣченъ названнымъ выше французскимъ писателемъ Demangeat. Раздѣляя, вообще говоря, точку зрѣнія господствующей въ Германіи теоріи, Demangeat дѣлаетъ ей одинъ въ высшей степени практической упрекъ. *Cette doctrine, говоритъ онъ, me paraît parfaitement exacte: la distinction entre le cas, où il y a unité d' obligation (corréalité) et le cas, où il y a autant d' obligations, que de personnes obligées (simple solidarité) entraîne des différences pratiques fort importantes.* Но, спрашиваетъ онъ, по какому же признаку мы въ данномъ случаѣ узнаемъ, что такое-то обязательство есть солидарное, а не корреальное, и наоборотъ. *A cet égard, продолжаетъ Demangeat, j' ai été frappé il y a déjà longtemps de la singulière lacune, qui existe dans les travaux des interprètes les plus estimables.*^{24) а)}

23) Ср. *Zeitschrift für Civilrecht und Process. Neue Folge* XII. I (1854) стр. 19—33.

24) а) Несомнѣнно, что французы, независимо вообще отъ большаго практическаго такта, свойства своего права, воособенности въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, поставлены въ ближайшую возможность легче уразумѣть элементы римскаго формализма, ибо уже давно, до кодификаціи, у нихъ рѣшены были тѣ вопросы, которые до сихъ поръ составляютъ предметъ горячихъ состязаній у нѣмцевъ. Такъ воособенности о *casus, quae*

Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкая юридическая литература представляетъ такое преобладающее изобиліе ученыхъ работъ и часто такъ мало даетъ отвѣта на вопросы практики, что обширныя ученныя предприятия кажутся предназначенными для чтенія опять ²⁴⁾ тѣхъ-же ученыхъ. Лишь два послѣднія десятилѣтія юридической литературной дѣятельности въ Германіи обнаруживаютъ иное направленіе въ духѣ изслѣдованія, и въ особенности имена Либбе, Тѳля, Дельбрюка, Вѳра, Гольдшмита, Сальцуса могутъ справедливо служить показателями поднимающагося уровня практическихъ требованій и возбудить самыя лучшія ожиданія при тѣхъ роскошныхъ средствахъ, которыми располагаетъ нѣмецкая школьная дисциплина.

Практическая сторона вопроса о корреальномъ обязательствѣ, какъ ее понимаетъ Demangeat, нигдѣ не можетъ получить себѣ лучшаго разъясненія, чѣмъ въ римской литературѣ, ибо и понятіе корреальности есть чисто римское, и задача римской юриспруденціи есть преимущественно практическая. И такъ, тотъ вопросъ, который представлялся юристу-классику, заключался не въ этой темѣ, съ однимъ или двумя обязательствами онъ имѣетъ дѣло, а въ совершенно другой: что въ данномъ случаѣ есть на лицо, въ какомъ качествѣ является истецъ, въ качествѣ ли прокуратора по чужому иску, въ качествѣ ли корреального ²⁵⁾ вѣрителя или солидарнаго.

indiscrete loquitur. Code Nap. art. 1132: La convention n'est pas moins valable, quoique la cause n'en soit pas exprimée. Ср. Pot-hier oblig., n. 758, 4-е.

24) Конечно, въ значительной степени, какъ протестъ противъ кабинетнаго направленія, слѣдуетъ разсматривать публикацію Ihering'омъ его новыхъ Civilrechtsfälle, гдѣ разбираемые юридическіе казусы происходятъ въ вагонахъ, гостинницахъ, съ кондукторами, кельнерами и пр.

25) Противуположеніе обѣихъ первыхъ возможностей могло бы послужить предостереженіемъ для Бринца противъ его конструиціи (см. выше).

Quum te in Gallia cum Syntropho certum auri pondus itemque numeratam pecuniam mutuo dedisse, ut Romae solveretur, precibus asseveras, aditus competens iudex, si duos reos stipulandi, vel re pro solido tibi quaesitam actionem, sive ab heredibus Syntropho procuratorem te factum animadverterit, totum debitum, alioquin quod dedisti solum restitui tibi iubebit. 26).

Какимъ образомъ узнавалъ судья во времена Диоклетіана и Максиміана, есть ли въ данномъ случаѣ корреальный или другой вѣритель, — на это самый ясный отвѣтъ даетъ римская литература.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ анализу вопроса на прямомъ основаніи источниковъ, намъ необходимо ознакомиться еще съ одной попыткой объяснить природу явленія, которая несомнѣнно выше другихъ и, главнымъ образомъ, имѣетъ для насъ важность по ея постоянно прямому отношенію къ источникамъ 27). Мы разумѣемъ Фиттинга.

Понятіе единства или множества обязательствъ, какъ оно выражается указанными выше свидѣтельствами источниковъ, не можетъ, по мнѣнію этого писателя, служить рѣшающимъ для вопроса о природѣ корреального обязательства: надо отыскать въ источникахъ другой, болѣе постоянный, болѣе надежный критерій, и этотъ критерій Фиттингъ видитъ не въ отвлеченныхъ

26) L. 9. C. si certum petatur 4. 2.

27) Мы можемъ рекомендовать приложенный въ книгѣ Фиттинга, названной выше, указатель мѣстъ, какъ почти совершенно исчерпывающій весь обширный матеріалъ, подлежащій изученію. Прямо относящихся къ вопросу мѣстъ, которыхъ бы не имѣлъ въ виду этотъ писатель, намъ удалось встрѣтить очень немногое. Мы не хотимъ сказать, чтобы указатель Фиттинга замѣнялъ собою непосредственный пересмотръ матеріала, ибо часто мѣста, стояща лишь въ отдаленной связи съ рассматриваемымъ вопросомъ, способны пролить на него очень яркій свѣтъ. Наконецъ, конечно, ничто и никогда не способно замѣнить изученія памятника, которое

положеніяхъ, выраженныхъ тѣмъ или другимъ юристомъ, а въ рѣшеніяхъ, которыя они даютъ по вопросамъ о солидарномъ и корреальномъ обязательствѣ. Въ подробномъ анализѣ этикъ, какъ ихъ называетъ Фиттингъ, рѣшеній онъ отдѣляетъ такія, которыя говорятъ въ пользу господствующей теоріи, отъ такихъ, которыя не подтверждаютъ ее. То, что Фиттингъ называетъ рѣшеніями, составляетъ собственно случаи примѣненія разныхъ способовъ прекращенія обязательствъ (acceptilatio, novatio, litis contestatio, confusio и т. д.) къ обязательствамъ, въ которыхъ нѣсколько вѣрителей или нѣсколько должниковъ. При этомъ анализѣ оказывается, что, напримѣръ, acceptilatio прекращаетъ обязательство совершенно, для всѣхъ лицъ (объективно); не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ господствующая теорія принимаетъ единое обязательство (корреалитетъ), но и въ тѣхъ, гдѣ она принимаетъ лишь солидарность многихъ должниковъ, гдѣ, стало быть, обязательствъ нѣсколько. То же самое и для novatio.

Что касается litis contestatio, то здѣсь Фиттингъ, конечно, не расходится съ господствующимъ мнѣніемъ, и самъ пользуется ею для того, чтобы положить границу между солидарностью и корреальностью, но, какъ сейчасъ увидимъ, онъ пользуется ею совершенно иначе, чѣмъ Риббентропъ, и сводитъ дѣйствіе litis contestatio не къ процессуальной консумціи, не къ началу единства обязательства, которое, разъ выведенное въ

важно не для одного только вопроса. Мы хотѣли сказать только, что указатель Фиттинга можетъ служить образцемъ для такого рода работъ во всѣхъ отношеніяхъ. На всежъ пространствѣ намъ удалось замѣтить только одну существенную опечатку, которая можетъ затруднить присканіе надлежащаго мѣста, — это указаніе на книгу пандектовъ 26, титулъ 7-ой, гдѣ слѣдуетъ 7-ой титулъ замѣнить 8-мъ. Такия мѣста, которыя прямо относятся къ вопросу (мы говоримъ только о *прямо* относящихся) и которыхъ не имѣлъ въ виду Фиттингъ, суть слѣдующія: L. 42, § 5 D. 3. 3. L. 8 D. 13. 4. L. 1 § 31 D. 16. 3. L. 31 § 10 D. 21. 1. L. 51 § 4. D. 21. 2. L. 6 § 1 D. 34. 4. L. 35 § 6 D. 39. 6. L. 25 pr. D. 42. 8. L. 15 § 2 D. 43, 24. L. 17 и 18 D. 44 7. L. 9. C. 4. 2.

судъ, не можетъ, такъ какъ оно одно, быть опять, еще разъ выведено въ судъ, а къ совершенно другому принципу.

За тѣмъ, не благопріятными понятію единства обязательства оказываются тѣ явленія (рѣшенія), въ которыхъ господствующее ученіе принимаетъ такъ называемое субъективное вліяніе, случаи, гдѣ не обязательство-де, а только личное отношеніе того или другаго вѣрителя или должника порывается силой извѣстнаго акта или событія.

Для насъ здѣсь менѣе важны тѣ возраженія, которыя Фиттингъ направляетъ противъ ученія о консумціи обязательства посредствомъ выведенія его въ судъ (*obligatio in iudicium deducta*). Эту сторону вопроса мы разъясимъ дальше. Здѣсь ближайшимъ образомъ мы имѣемъ въ виду опѣнку не критической, а догматической стороны ученія.

Мы въ правѣ сказать, что Фиттингъ ¹⁾ переводитъ вопросъ о разбираемомъ явленіи на совершенно новую точку зрѣнія. Если всѣ попытки, которыя дѣлались до тѣхъ поръ, отчасти и позже, клонились къ тому, чтобы согласовать оригинальное явленіе корреалитета съ понятіемъ обязательства и его существенными реквизитами, то здѣсь вопросъ о природѣ обязательства ²⁾ превращается въ вопросъ собственно о содержаніи правъ одного вѣрителя, когда много должниковъ (корреальныхъ), или правъ каждаго изъ вѣрителей, когда должникъ одинъ (последняя сторона вопроса, активная корреальность, менѣе ясна, чѣмъ первая, и мы сейчасъ увидимъ—почему.) И такъ, дѣло вовсе не въ томъ, что за обязательство представляетъ собою корреалитетъ, а лишь въ томъ, что имѣетъ вѣритель, гдѣ граница его правъ, и, конечно, обратно, гдѣ граница обязанностей должника. ³⁾

1) Литературную сторону вопроса, отношеніе Фиттинга къ Гиртаннеру, Коху и т. д. мы устранимъ.

2) См. особенно стр. 24.

3) См. особенно § 35 и 36. Не думаемъ, чтобы внимательное чтеніе книги могло привести къ иному заключенію.

Такова постановка задачи въ ея новомъ видѣ у новаго руководящаго писателя.

Едва вопросъ переведенъ на эту новую точку зрѣнія, какъ все положеніе дѣла, все содержаніе его, становится совершенно инымъ. Если задача не въ томъ, чтобы опредѣлить природу обязательства, а въ томъ, чтобы опредѣлить содержаніе правъ вѣрителя и обязанностей должника при известной модификаціи въ составѣ обязательства, то вопросъ этотъ существуетъ одинаково и для случаевъ, когда обязанными являются нѣсколько лицъ, и для случаевъ, когда въ обязательство вводится нѣсколько предметовъ. И тутъ и тамъ содержаніе правъ вѣрителя можетъ быть опредѣлено предоставленной ему возможностью выбирать. Вѣритель выбираетъ то или другое изъ двухъ лицъ, или тотъ или другой изъ двухъ предметовъ введенныхъ въ обязательство. Если таково именно положеніе вѣрителя, то существеннымъ образомъ содержаніе его права въ обязательствѣ корреальномъ (гдѣ онъ выбираетъ одного изъ должниковъ) и въ обязательствѣ альтернативномъ (гдѣ онъ выбираетъ одинъ изъ предметовъ, или одно изъ дѣйствій) есть одинаковое. Отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы весь вопросъ о природѣ корреального обязательства свести къ этой цѣли изслѣдованія и совершенно отождествить его съ вопросомъ о природѣ обязательства альтернативнаго. Такъ и поступаетъ Фиттингъ.

Этой новой постановкой вопроса отношеніе изслѣдователя къ источникамъ измѣняется въ томъ смыслѣ, что задачей разысканій становятся не тѣ только мѣста, въ которыхъ говорится о корреальномъ обязательствѣ, а совершенно въ такой же мѣрѣ и тѣ, которыя касаются предполагаемаго параллельнаго явленія. Если та или другая сторона корреального обязательства вовсе не уясняется источниками съ точки зрѣнія правъ вѣрителя, то для объясненія ея берутся мѣста и положенія, касающіяся обязательства альтернативнаго. Такъ какъ вообще сравненіе идетъ къ случаямъ корреалитета пассивнаго, то корреалитетъ активный оставляется въ тѣни. Это мы назовемъ измѣнившимся въ *количественномъ*

смыслѣ отношеніемъ къ источникамъ: изслѣдователь имѣетъ отчасти въ виду еще и другой матеріалъ, чѣмъ тотъ, надъ которымъ оперировали прежніе ученые.

Но измѣняется ли вмѣстѣ съ тѣмъ *качественно* отношеніе къ источникамъ, слѣдуетъ ли Фиттингъ иному методу изслѣдованія, чѣмъ Риббентропъ?

На это мы, въ виду прежде уясненныхъ сторонъ методологическаго вопроса, попытаемся отвѣтить раздѣльно въ слѣдующемъ двоякомъ отношеніи.

Во первыхъ, насколько къ явленію римскаго формализма Фиттингъ умѣлъ отнестись свободно отъ не-свойственныхъ ему, иныхъ условій современнаго правосозрѣнія? ⁴⁾ Во вторыхъ какой методъ, простаго ли догматизма или историко-юридическій, онъ предлагаетъ къ своему матеріалу (объ этомъ второмъ вопросѣ см. отдѣлъ II)?

Начнемъ съ замѣчанія общаго методологическаго характера. Любопытно, что Фиттингъ къ объясненію явленія сложнаго самого по себѣ идетъ не путемъ анализа, а путемъ аналогіи. Предметомъ аналогическаго сопоставленія избрано опять сложное явленіе. Быть можетъ, Фиттингъ не самъ пришелъ къ такому способу дѣйствія, а слѣдуетъ образцу классиковъ? Мы готовы уступить ему это преимущество. Но дѣло въ томъ, что классики, обращаясь къ сравненіямъ, выдѣляли только общіе моменты двухъ въ извѣстномъ отношеніи сходныхъ явленій, которыхъ все различіе они ясно признавали, независимо отъ этого. Фиттингъ, наоборотъ, хочетъ этимъ путемъ дать ясность тому, что для него неясно, и мы думаемъ, что онъ заблуждается.

Такимъ образомъ, Юлій Павелъ говорить:

Si duo rei stipulandi ita extitissent, ut alter utiliter, alter inutiliter stipularetur, ei, qui non

4) Просимъ допустить это, кажется, не принятое сочетаніе, которое однако образуется также легко, какъ слова: міросозрѣніе, или міросозерпаніе, которыя у насъ очень употребительны.

habet promissorem obligatum, non recte solvitur, quia non alterius nomine ei solvitur sed suae obligationis, quae nulla est. Eadem ratione qui Stichum aut Pamphilum stipulatur, si in unum constiterit obligatio, quis alter stipulatoris erat, etiamsi desierit ejus esse, non recte solvitur, quia utraque res ad obligationem ponitur, non ad solutionem. ¹⁾

Сравненіе въ высшей степени умѣстно именно въ томъ точномъ случаѣ, для котораго оно приводится. Оно даетъ полнѣйшую осязательность обоимъ явленіямъ. Но попытайтесь обобщить этотъ приѣмъ аналогіи, возвести его въ принципъ изслѣдованія и Вы тотчасъ почувствуете фальшь. У классиковъ это не есть руководящій приѣмъ, и они слѣдуютъ ему тамъ, гдѣ онъ способенъ дать осязательность разумнѣю. Посмотримъ, что у Фиттинга получается изъ его сравненія? Съ помощью его онъ пришелъ къ безразличію вопросовъ существенно разныхъ и свелъ задачу изслѣдованія къ общей темѣ—правъ вѣрителя и обязанностей должника. Съ точки зрѣнія обязанностей должника—*solutionis causa adjectus* и вѣритель одно и то же, и тому и другому можно уплатить все. Должникъ свободно выбираетъ, въ отношеніи къ кому онъ хочетъ выглотить обязанность уплаты. Отсюда получается то, что отношеніе, въ которомъ находится *solutionis causa adjectus, der activen Correalität in vielen Stücken ähnlich ist.* ²⁾ Словомъ, два явленія, которыя всегда въ высшей степени строго различаются у классиковъ ³⁾, у него болѣе сходны, чѣмъ противоположны.

1) L. 128 de V. O.

2) Стр. 154. Позже отношенія двухъ корреальныхъ вѣрителей и одного вѣрителя и другаго лица, которе есть *solutionis causa adjectus*, оказываются аналогическими, стр. 179.

3) Ср. мѣста: L. 57, пр. и § 1 D. 46 3. L. 44 § 4 D. 44. 7. L. 2 § 7 D. 13 4. L. 10 D. 46. 3. L. 18 D. 46. 3. L. 7 § 1. L. 8 D. 13 5. L. 33 D. 20. 1. L. 141 § 1, 3, 5—9 D. de V. O.

И такъ, сравнительный способъ истолкованія оказы-
вается совершенно различныя услуги, смотря по
тому, чего отъ него ожидаютъ: если простой осязатель-
ности явленій, которыхъ природа понятна и безъ это-
го, то это совершенно подходящій приемъ; если же уяс-
ненія сложнаго и неяснаго явленія посредствомъ дру-
таго, тоже сложнаго, то это опасное средство.

Приглашаемъ сдѣлать одинъ шагъ, и тогда будетъ
видно, куда мы пришли. Если обязательство есть, по-
ложимъ, пассивно корреальное, два должника, то вѣри-
тель можетъ поставить *intentio* противъ любого, и
это не будетъ *plus petitio*. Пусть въ альтернативномъ
обязательствѣ вѣритель формулируетъ свою интенцію
на одинъ предметъ... ему откажутъ въ искѣ, ибо это
будетъ *plus petitio*.

*Causa plus petitur, velut si quis in inten-
tione tollat electionem debitoris, quam is habet
obligationis jure, velut si quis ita stipulatus sit:
sestertium X milia aut hominem Stichum dare
spondes? deinde alterutrum solum ex his petat;
nam quamvis petat quod minus est, plus tamen
petere videtur, quia potest adversarius interdum
facilius id praestare, quod non petitur... Itaque
sicut ipsa stipulatio concepta est, ita et intentio
formulae concipi debet!... (Гай IV, 53 а).*

Надо ввести оба предмета въ интенцію. Не слѣ-
дуетъ ли при корреалитетѣ аналогически поставить ин-
тенцію на имя того и другаго должника? Такой анало-
гии Фиттинъ не найдетъ у классиковъ, хотя, согласно
его приему принципиальнаго сопоставленія обоихъ явлен-
ній, двойственности лицъ и альтернативности вещей,
слѣдовало бы и здѣсь ожидать того же, чего хочетъ
Гай для альтернативнаго обязательства.

L. 23 D. 46. 1. L. 51 D. 46, 3. L. 38 § 1 L. 59 D: eod. L. 56 § 2—4 D.
de V. O. L. 98 § 7 L. 46. 3. Мы привели здѣсь эти мѣста, въ
которыхъ говорится о *solutionis causa adjectus*, ибо въ этомъ проти-
вуположеніи особенно ярко явленіе корреальности.

Независимо отъ этого въ альтернативномъ обязательствѣ во всякомъ случаѣ можно требовать и уплатить то или другое только вполнѣ, а въ коррeальномъ не вполнѣ только, а и по частямъ.

И такъ, на томъ именно пунктѣ, гдѣ всего больше желательно было бы видѣть пользу сопоставленія, на вопросѣ объ выведеніи обязательства въ процессуальную фазу, аналогія между явленіями прекращается!

Это относительно метода изслѣдованія вообще.

Но, далѣе, свободенъ ли этотъ писатель отъ современнаго правовозрѣнія въ изслѣдованіи вопроса? Мы думаемъ, что меньше чѣмъ его предшественники, и въ этомъ смыслѣ возможно объшать его ученію еще больше успѣха, чѣмъ имѣла теорія Риббентрона. Оно находитъ себѣ опору въ источникахъ и преимущественно въ такихъ свидѣтельствахъ или—ближе—въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ, подъ вліяніемъ позднѣйшаго охлажденія духа формы, сглажены типическія черты явленія. Право вѣрителя выбирать того или другаго изъ должниковъ, и при томъ такъ, что разъ сдѣланный выборъ для него самого обязательенъ,—это несравненно доступнѣе для современной мысли, чѣмъ два обязательства *eiusdem potestatis*, которыя, вслѣдствіе формальнаго дѣйствія новаци, одно другое поглощаютъ,—доступнѣе именно съ матерьяльной точки зрѣнія, осязательнѣе, ибо тутъ видно, чѣмъ пользуется вѣритель. Дѣло не въ формѣ, за которой можетъ скрываться любое содержаніе, не въ отвлеченной постановкѣ отношеній между двумя обязательствами, а въ простомъ сопоставленіи двухъ обязанныхъ лицъ, какъ сопоставляются двѣ вещи, составляющія предметъ обязательственнаго дѣйствія.

Мы этимъ пока заключаемъ нашъ анализъ двухъ, конечно, главнѣйшихъ попытокъ объяснить коррeальность. Далѣе мы постоянно будемъ имѣть случай возвращаться то къ тому, то къ другому ученію. Замѣтимъ еще, что тотъ упрекъ, который Demangeat дѣлаетъ господствующей теоріи, въ совершенно равной мѣ-

рѣ относится и къ новой. Признавая всё ея достоинство, мы въ правѣ также спросить: *mais cette distinction (корреальность и солидарность), quel en est le principe? D' où vient par exemple, que ceux qui s'obligent par stipulation et dans la forme voulue sont considérés comme tenus d'une obligation unique (alternative), tandis que les personnes de l'appartement des quelles un objet est tombé dans la rue sont considérées comme tenues d'obligations distinctes?*—Любопытно, что въ то время, какъ названные ученые пытались отыскать въ источникахъ возможно болѣе подходящую теорію, юристы-практики (Либе, Вэръ, Сальпиусъ) совершенно инымъ путемъ, медленно готовяли разрѣшеніе вопроса изслѣдованіями, идущими гораздо дальше, въ глубь римской исторіи, и повидимому, неизмѣнными вовсе ближайшаго практическаго интереса. Сальпиусъ возводитъ этотъ приемъ историческаго изслѣдованія въ принципъ и отъ него прежде всего ожидаетъ успѣшнаго разрѣшенія загадочныхъ явленій позднѣйшаго римскаго и современнаго права. Цѣль наша, говоритъ онъ, заключается не въ исторіи догмы, а въ исторіи права. Мертвая буква, которую намъ представляетъ старый юристъ, должна снова ожить предъ нами во всей своей первоначальной живности. Надо уяснить дѣйствительное приложеніе права на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Что касается источниковъ Юстиніановскаго законодательства, то правильное разумѣніе ихъ существенно условлено умѣньшить различать тѣ наслоенія, изъ которыхъ они образовались. Только такимъ путемъ изъ содержанія ихъ мы можемъ выдѣлить то, что принадлежитъ старому праву, и что сохранило силу впоследствии.—Какъ далеки отъ этихъ завѣтовъ практической юриспруденціи многіе позднѣйшіе изслѣдователи,—въ этомъ мы будемъ имѣть случаи не разъ еще убѣдиться въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія.

ОТДѢЛЪ II.

ЭПОХА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РАЗВИТІЯ КОРРЕАЛЬНАГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Мы исчерпали, такимъ образомъ, критическую сторону нашей задачи въ той мѣрѣ, въ какой это важно для того, чтобы точнѣе установить надлежащій способъ изслѣдованія вопроса. Не отрицая вовсе заслуги Риббентропа въ установленіи границы между явленіями корреального и солидарнаго обязательства и признавая въ полной мѣрѣ важность труда Фиттинга для современнаго римскаго права, мы думаемъ, что задача историко-юридическаго изслѣдованія не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ. Ошибки Фиттинга побуждаютъ насъ идти къ разъясненію явленія путемъ анализа, а не аналогіи; отношеніе къ источникамъ болѣе догматическое, чѣмъ свойственное историку, послужить намъ предупрежденіемъ противъ смѣшенія задачъ, какое мы находимъ у Риббентропа.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ различать двѣ эпохи въ исторіи развитія коррeалитета и въ каждой разсмотримъ особо отдѣльные моменты юридическаго отношенія.

Гдѣ же подлинная форма образованія коррeалитета?

Какъ возникаетъ коррeальное обязательство?

Вопросъ, такъ обще формулированный, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ другихъ, которыхъ отношеніе другъ къ другу мы здѣсь должны разъяснить.

И такъ, въ вопросѣ о способахъ возникновенія за-ключаются:

1) два слѣдующихъ: а) изъ сдѣлокъ только или б) также изъ недозволенныхъ дѣяній возможно возникнове-ніе корреального обязательства?

Второй изъ этихъ вопросовъ для насъ нѣтъ необ-ходимости разрѣшать здѣсь-же. Онъ будетъ ясенъ самъ собой, когда мы отвѣтимъ на первый.

2) возникаетъ ли корреалитетъ изъ сдѣлокъ *inter vivos* или также *mortis causa* совершаемыхъ?

Внимательное изученіе этого вопроса важно для разумнѣя природы явленія въ самомъ началѣ изслѣдо-ванія.

3) если сдѣлки *inter vivos*, именно договоры, со-ставляютъ способъ установленія корреального обяза-тельства, то всѣ ли виды договоровъ одинаково способ-ны служить для этой цѣли, или только нѣкоторыя?

4) послѣдніе два вопроса (2-ой и 3-й) разрѣшают-ся одинаково во всѣхъ историческихъ стадіяхъ развитія явленія или же различно?

5) гдѣ должно искать типической формы установ-ленія корреального обязательства?

Если мы станемъ на догматическую точку зрѣнія, то интересъ и даже значеніе этихъ вопросовъ далеко не одинаковые. Такимъ образомъ, для втораго вопроса отвѣтъ найденъ тотчасъ, какъ только мы раскрыли ти-туль Пандектовъ *De duobus reis constituendis*. 45 2. Точно также способность не одной стипуляціи, а и дру-гихъ контрактовъ, служить въ извѣстныхъ условіяхъ средствомъ для установленія корреального обяза-тельства, можетъ быть безъ особыхъ усилій доказана ссыл-кой на *L 9 pr.* и *§ 1. h. t.* который касается именно этого вопроса. Но мы думаемъ, что для вопроса о природѣ измѣняющагося явленія не всякій фазисъ его развитія, не всѣ возможныя его моди-фикаціи, составляютъ одинаково краснорѣчивое сви-дѣтельство. Въ исторіи права, говоритъ Сальпиусъ, то же, что въ процессѣ развитія другихъ явленій органическаго и неорганическаго міра: иногда

форма, внѣшняя сторона явленія, сохраняетъ свой прежній видъ въ то время, когда все содержаніе, вся внутренняя сторона давно перестала быть той же, и прежнее понятіе съ новымъ имѣетъ общаго одно только общее имя. Быть можетъ, то явленіе, которое минералогіи называютъ псевдоморфозой, способно служить поясненіемъ такихъ процессовъ. Въ кристаллѣ можетъ, безъ измѣненія формы, посредствомъ однихъ химическихъ вліяній, совершенно измѣниться вся его матерія, такъ что, наконецъ, мы будемъ имѣть новый минералъ съ тѣми формами стараго, которыя ему совершенно не свойственны. И такъ, мы можемъ въ источникахъ встрѣтить ту же внѣшнюю форму корреляльнаго обязательства, но содержаніе ея будетъ совершенно иное, чѣмъ то, которымъ первоначально эта форма условливалась. Если мы будемъ изслѣдовать природу коррелятива безразлично и на тѣхъ явленіяхъ, гдѣ форма соответствуетъ содержанію, и на тѣхъ, гдѣ иное содержаніе вмѣщается въ той же формѣ, то понятно, что результатъ изслѣдованія будетъ непременно фальшивый. И именно въ этомъ заключается, сколько мы думаемъ, ошибка прежнихъ ученій.

Какой же способъ установленія, какая сдѣлка есть именно для коррелятива свойственная?

Фиттингъ изучаетъ его природу на двухъ сдѣлкахъ, на стипуляціи и легатѣ.

Что для корреляльнаго обязательства первоначальный и типическій способъ установленія составляетъ стипуляція, а не легатъ, въ этомъ, въ основаніи, согласны всѣ, но никто не выдерживаетъ такой точки зрѣнія на пространствѣ всего изслѣдованія. Дальше всѣхъ отъ нея Фиттингъ, ибо онъ не только совершенно безразлично беретъ рѣшенія, касающіяся вопроса, изъ случаевъ ея стипуляціей и изъ случаевъ съ легатомъ, но несомнѣнно, что послѣдніе суть для него во многихъ отношеніяхъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, опредѣляющіе. Всѣхъ ближе къ правильной точкѣ зрѣнія и, главное, всѣхъ выдержаннѣе несомнѣнно Demangeat.

И такъ, возьмемъ одно изъ мѣстъ, которыхъ можно найти много, гдѣ прямо выражается эта точка зрѣнія.

Si ita scriptum sit: Lucius Titius heres meus, aut Maevius heres meus decem Sejo dato, cum utro velit Sejus aget, ut, si cum uno actum sit (et solutum) ¹⁾ alter liberetur, quasi si duo rei promittendi in solidum obligati fuissent. ²⁾

Случай пассивнаго корреалитета изъ легата разсматривается какъ аналогическій съ другимъ типическимъ явленіемъ его изъ стипуляціи (quasi si duo rei promittendi). Корреалитетъ при стипуляціи есть точка отправления, исходный фактъ, корреалитетъ изъ легата есть производный, вторичный. Быть можетъ, для догматическаго изслѣдованія (особенно современнаго) это не существенно, но для опредѣленія природы явленія (особенно въ римскомъ правѣ)—это дѣло первой важности.

Если допустить для корреального обязательства точку зрѣнія неизвѣстности ³⁾ (условности), какой изъ двухъ вѣрителей или какой изъ двухъ должниковъ станетъ окончательно вѣрителемъ или должникомъ, то эта неизвѣстность или условность даетъ совершенно различные результаты для стипуляціи и для легата. У Ульпіана мы читаемъ:

Is, cui sub conditione legatum est, pendente conditione non est creditor, sed tunc quum extiterit conditio, quamvis eum, qui stipulatus est sub conditione, placet, etiam pendente conditione creditorem esse. ⁴⁾

1) Никто не сомнѣвается, что это interpollatio.

2) L. 8 § 1 D. de legatis I.

3) Фиттингъ, стр. 140, хотя позже, стр. 147, онъ же предупреждаетъ противъ приложенія сюда понятія условности.

4) L. 42 pr. D. 44. 7, ср. L. 27, pr. D. 40. 9. и Fr. Vatic. § 55.

Если мы вовсе не обратимъ вниманія на это различіе, какъ это дѣлаетъ Фиттингъ, то мы придемъ къ тому, что существо корреального обязательства опредѣляется неизвѣстностью, кто (изъ многихъ) есть въ обязательномъ смыслѣ вѣритель и кто (изъ многихъ) должникъ, такого же характера неизвѣстностью, какая существуетъ для альтернативнаго обязательства относительно предмета. Если это справедливо, то, конечно, только для корреального обязательства, установленнаго легатомъ, т. е. для явленія колеблющаго, прамывающаго къ другому типическому явленію, къ корреалитету, возникшему изъ стипуляціи. Взявъ за исходную точку изслѣдованія корреальную стипуляцію, мы никогда не придемъ къ тому результату, къ которому пришелъ Фиттингъ. Для него требованіе или долгъ того или другаго лица существуютъ при корреалитетѣ суспензивно—условно, т. е. тотъ или другой станетъ кредиторомъ или должникомъ, *quum exiterit conditio*. Для насъ въ корреалитетѣ оба долга или оба требованія существуютъ изначала, и лишь впоследствии одно консумируетъ другое. Словомъ, различіе между его и нашей точкой зрѣнія сводится къ различію понятій—суспензивно и резолутивно условной (если вообще здѣсь умѣстно понятіе условія) сдѣлки, различіе очень существенное для всего характера явленія и. быть можетъ, пригодное для того ¹⁾, чтобы объяснить возможность двойной точки зрѣнія на корреальность у классиковъ, смотря по тому, имѣли они въ виду въ данномъ случаѣ типическую форму корреальности, стипуляцію, или такого рода модификацію ея, какъ легатъ. Конечно, тамъ, гдѣ неизвѣст-

1) Извѣстно, что если легатъ условный, то *dies legati cedit eveniente conditione*, и рабъ приобретаетъ легатъ тому лицу, которому онъ принадлежитъ въ минуту наступленія условія. Иное дѣло стипуляція, гдѣ рѣшавшимъ служитъ не моментъ наступленія условія, а моментъ совершенія стипуляціи. L. 78 pr. D. de V. O. L. 40 D. 45. 3. L. 18 D. de R. I. Inering давно указывалъ на качество тестаента какъ сложной сдѣлки, какъ совокупности сдѣлокъ.

но пока, какъ въ легатѣ, кто есть вѣритель или должникъ, тамъ на лицо только возможныя обязательства, а дѣйствительное обязательство будетъ только одно; и на оборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнiя въ существованiи двухъ обязательствъ изначала, какъ въ корреальной стипуляціи, гдѣ возможнымъ является не возникновеніе того или другаго, а прекращеніе одного изъ двухъ, тамъ слѣдуетъ принять ихъ изначала два. Грамматическая форма, въ которую облакается легатъ, служащій основаніемъ корреальному обязательству, есть если не всегда, ¹⁾ то очень часто союзъ *aut* (*Titio aut Maevio*). Мы думаемъ, что тождество оборота рѣчи здѣсь и въ альтернативномъ обязательствѣ и послужило первымъ побужденіемъ сравнивать ихъ. Но какая это грубая ошибка! Оборотъ рѣчи условленъ въ данномъ случаѣ вовсе не свойствами корреальнаго обязательства, а свойствами завѣщательныхъ актовъ, въ которыхъ мы его встрѣчаемъ. Если завѣщатель назоветъ для выполненія извѣстнаго легата (онерируетъ) сперва одного наследника, а потомъ другаго, или откажетъ ту же вещь сперва одному, потомъ другому легатару, то волю его можно толковать очень различно. Въ первомъ случаѣ (пассивная корреальность) *testator* могъ имѣть въ виду обязать двоихъ выполнить легатъ такъ, чтобы они были *duo rei ejusdem debiti*. Но совершенно также легко допустить,—въ виду отсутствія въ актахъ этого рода качества симульганейтета ²⁾, точнѣе, въ виду возможности въ томъ же тестаментѣ сдѣлать извѣстное распоряженіе и потомъ его отмѣнить,—что *testator*, называя второе лицо, хотѣлъ снять тяжесть (эксонерировать) съ первого. Прямое указаніе на возможность такого двойкаго

1) См. L. 122 § 1 D. de leg. I и L. 9 pr. D. h. t.

2) Это качество одновременности, которымъ существенно условливалось возникновеніе корреальности въ стипуляціи, какъ увидимъ позже. *Legatum cum datum est, говорить Ульпіанъ, adimi potest, vel eodem testamento vel codicillis testamento confirmatis. Dom. Ulp. Fr. XXIV § 29.*

истолкованія воли завѣщателя мы находимъ въ одномъ текстѣ Юлія Павла: ¹⁾

Sed si id, quod a Titio dedi, a Maevio dem, quamvis soleant esse duo ejusdem rei debitores, tamen verius est, hoc casu ademtum esse legatum; nam quum dico: quod Titium damnavi Sejus damnas esto dare, videor dicere, ne Titius det.

Есть возможность и еще иначе истолковать волю завѣщателя. Возможно, что завѣщатель хотѣлъ отчасти того, отчасти другаго наслѣдника обременить легатомъ, и это именно принимается для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ testator не сказалъ, кто именно изъ двухъ наслѣдниковъ долженъ выполнить легать.

И такъ, *въ виду особаго свойства этихъ актовъ*, истолкованіе воли завѣщателя могло дать очень различные результаты. Какой же выходъ возможенъ былъ для того, чтобы твердо установить волю, именно корреально обязать своихъ наслѣдниковъ? Всего проще и всего ближе къ цѣли было назвать обязанныхъ не рядомъ и не кумулятивно, а альтернативно. Тогда легко допустить предположеніе, что воля заключалась въ томъ, чтобы тотъ или другой принялъ на себя тяжесть выполнения легата, хотя нельзя сказать, чтобы это былъ абсолютно вѣрный результатъ интерпретаціи и чтобы логически не возможно было придти къ другому заключенію, именно что testator солидарно, а не корреально хотѣлъ обязать обоихъ наслѣдниковъ. И такъ, въ приложеніи сюда корреальности есть, по нашему мнѣнію, нѣкоторый позитивный элементъ ²⁾.

1) L. 6 § 1 D. de adim. v. transf. leg. 34. 4. Этого мѣста не имѣютъ въ виду ни Риббентропъ, ни Фиттингъ. Тоже самое по отношенію къ назначенію нѣсколькихъ опекуновъ въ тестаментѣ. L. 8 § 3. L. 10 § 1. L. 34 D. 26. 2. L. 2. C. 5. 28. ср. L. 33. D. 30. 1.

2) Мы думаемъ, что основаніе для предположенія корреальности, а не солидарности лежитъ въ томъ общемъ правилѣ, что

Такую же трудную задачу для истолкованія воли представляют случаи кумулятивного или альтернативнаго наименованія двухъ легатаровъ. ¹⁾ Наименованія двухъ легатаровъ рядомъ въ *legatum per damnationem* только тогда могло быть толкуемо съ нѣкоторой увѣренностью въ пользу корреалитета, когда оба именно альтернативно противуполагались.

Мы обращаемъ вниманіе на то, что альтернативность назначенія въ легатахъ условлена вовсе не свойствомъ корреального обязательства, а *особымъ свойствомъ завѣщательныхъ актовъ*, ²⁾ въ которыхъ наименованіе того и другаго могло повести къ сомнѣніямъ, указаннымъ нами выше въ приведенномъ нами текстѣ изъ Юлія Павла.

Это вовсе не есть та форма, на которой слѣдуетъ изучать явленіе, и если въ ней явнѣе близость корреальности съ альтернативностью, то это важно только для подтвержденія произвольной теоріи, а не для раскрытія истины.

Если, такимъ образомъ, корреальность, основанная на легатѣ и на стипуляціи, не можетъ составлять двухъ одинаково характерныхъ предметовъ изученія, то, съ другой стороны, изученіе явленій корреальности въ контрактахъ *interis* встрѣчаетъ препятствіе въ состояніи источниковъ, брайне скудныхъ по отношенію къ этой матеріи. Единственное связанное изображеніе этихъ контрактовъ сохранилось у Гая (III, 128—133); отрывки

при легатѣ *per damnationem* истолкованіе должно въ сомнительныхъ случаяхъ клониться въ пользу обязательнаго. И въ этомъ смыслѣ корреальная отвѣтственность будетъ, конечно, составлять меньше, чѣмъ солидарная.

1) *Ulp. Fr. XXIV, § 12—14, Гай II, 205.* Извѣстны введенныя Юстинианомъ нѣкоторыя правила. *L. un. § 11 C. de cad. tol. 6. 51. и L. 4. C. de V. et R. S.*

2) Полезно при этомъ имѣть въ виду качество тестамена, какъ акта, въ которомъ заключается не одна сдѣлка, а цѣлый комплексъ сдѣлокъ. Ср. *Ihering, Geist, § 53, III, стр. 189, по изд. 1885 г.* Не говоримъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собой кураторскій характеръ легата *L. 17. D. 44. 7.*

въ пандектахъ незначительны. Тѣ заключенія, которыя дѣлаютъ о способѣ веденія книгъ (codices ассерти et экспенси) на основаніи Верринъ, главнымъ образомъ, и другихъ рѣчей Цицерона, приводятъ изслѣдователей къ совершенно противоположнымъ результатамъ для нашего вопроса. ¹⁾ Въ виду этого и особенно потому, что мы не видимъ ничего опредѣляющаго природу корреляльнаго обязательства именно и въ особенности въ этомъ видѣ контрактовъ даже у писателей, допускающихъ здѣсь коррeальность, мы переходимъ къ изслѣдованію коррeалитета на стипуляціи, гдѣ явленіе сохранилось въ образѣ подлинномъ и вполне разившемся, и гдѣ средства изученія, вообще говоря, достаточныя.

ГЛАВА I.

УЧЕНІЕ О СТИПУЛЯЦІИ.

I. Литературный очеркъ

И такъ, вопросъ въ томъ, какъ возникаетъ корреляльное обязательство посредствомъ стипуляціи?

Идя аналитическимъ путемъ, мы должны сперва остановиться на понятіи стипуляціи.

Мы начнемъ съ литературнаго очерка, въ которомъ совмѣстимъ всѣ основоположенія, важныя для послѣдующихъ изысканій.

Развитіе ученія о стипуляціи достигаетъ въ послѣднее время очень значительныхъ размѣровъ, и мы здѣсь, не нарушая единства изложенія, не можемъ войти въ разсмотрѣніе всего круга вопросовъ, связанныхъ съ этимъ понятіемъ. Задача наша не въ томъ, чтобы объять весь кругъ этихъ вопросовъ, а въ томъ, чтобы

1) Савини допускаетъ установленіе корреляльнаго обязательства посредствомъ literalнаго контракта. Сальпиусъ, снова изучавшій вопросъ, считаетъ это не возможнымъ. §§ 16, 17 и 18.

выдѣлить изъ нихъ тѣ, которые важны для главнаго предмета нашихъ изысканій.

Система римскихъ контрактовъ въ современномъ примѣненіи римскаго права подверглась такимъ существеннымъ измѣненіямъ, что нѣкоторые изъ нихъ потеряли свое непосредственное практическое значеніе, и интересъ ихъ изслѣдованія съ точки зрѣнія ближайшихъ потребностей юриспруденціи долгое время оставался второстепеннымъ.

Главнымъ образомъ открытіе Гаа, освѣтившее ту систему римскаго права, которая потеряла столь много характеристическихъ признаковъ въ юстиниановской переработкѣ, дало новое направленіе задачамъ изслѣдованія. Одна за другой опредѣлялись въ нѣмецкой литературѣ задачи, которыя едва ли возникли бы безъ новыхъ свѣдѣній, условленныхъ этимъ открытіемъ.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ, въ виду новыхъ средствъ возникшихъ, есть вопросъ о стипуляціи и объ отношеніи этого римскаго контракта къ современному простому обѣщанію (*das einfache Versprechen*), въ которомъ заключается обязывающая сила.

Очередь его изслѣдованія наступила, однако, не такъ скоро, какъ можно было ожидать, судя по быстро опредѣлившимся задачамъ обработки какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ классическаго процесса.

Лишь въ сороковыхъ годахъ мы можемъ отмѣтить одно за другимъ нѣсколько сочиненій, которыя въ первый разъ подчиняютъ новой точкѣ зрѣнія эти, казалось, потерявшія всякій интересъ современности явленія римскаго обязательственнаго права. И такъ, въ чемъ заключается основаніе юридической обязательности римской *obligatio verbis* и тепершняго простаго обѣщанія, — вотъ вопросъ, съ которымъ современная мысль обращается къ явленіямъ договорнаго права и ищетъ отвѣта на него не въ отвлеченныхъ положеніяхъ произвольной философской системы, а въ жизненныхъ чертахъ исторически сложившихся и опредѣлившихся видовъ договоровъ. Съ такимъ именно приемомъ обра-

дается ученый юристъ—практикъ Либе ¹⁾ къ явленіямъ римской стипуляціи и не безъ irony ожидаетъ; какъ отвернутся отъ этой непрактической задачи (ибо ВѢДЬ стипуляція ничего не значитъ для настоящей практики!) такъ называемые практическіе юристы. Изслѣдованіе необходимо прямо для практическихъ дѣлей, ибо ошибочный взглядъ на основаніе обязательности простаго обещанія, лежащее будто-бы въ идеѣ даренія, дѣлаетъ сомнительнымъ вообще достоинство и цѣлесообразность формальныхъ обязательствъ. На чемъ же основывалось это явленіе въ римской жизни?—Это вопросъ не интерпретаціи источниковъ, а изученія принциповъ, на которыхъ держится противуположеніе двухъ системъ, формальнаго (*jus strictum*) и матерьяльнаго (*jus aequum*) права, изученіе ихъ тамъ, гдѣ онѣ жизненнымъ образомъ соприкасаются въ отдѣльныхъ явленіяхъ договорнаго права (стипуляція, литеральный контрактъ, простое обещаніе, вексель). И такъ, какъ бы далеко мы ни ушли въ нашемъ изысканіи въ глубь исторіи,—отвѣтъ на этотъ вопросъ есть въ высшей степени практически важный для всей системы договорнаго права и для изученія началъ, ее опредѣляющихъ (см. введеніе).

Происходящія въ гражданскомъ обращеніи людей дѣйствія имѣютъ для права значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой отъ нихъ зависятъ возникновеніе, дѣятельность, прекращеніе юридическихъ отношеній. Поэтому необходимо отыскать принципъ, съ помощію котораго мы могли бы распознавать между дѣйствіями такіа, которыя безразличны для права, и такіа, которыя существенны. Этотъ принципъ можетъ быть двойнымъ—или формальнымъ или матерьяльнымъ.

Прежде всего законъ можетъ соединять съ дѣяніемъ, имѣющимъ извѣстныя внѣшніе признаки, юридическія послѣдствія. Тогда эти послѣдствія наступаютъ

1) Die Stipulation und das einfache Versprechen. D—r. Fv. Liebe, Braunschweig, 1840.

при наличности данной формы изъ нея самой, и ни тѣ намѣренія или тѣ виды, для которыхъ, по общему разумѣнью, дѣйствіе было предпринято, ни тѣ побужденія, котоія, быть можетъ, въ данномъ случаѣ лежали въ основѣ дѣйствія, не оказываютъ вовсе вліянія на указанные послѣдствія.

Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣетъ этой силы форма, тамъ рѣшающимъ (для юридическихъ послѣдствій дѣянія) служитъ одинъ матерьяльный принципъ. Въ силу его юридическое послѣдствіе дѣянія наступаетъ только при извѣстномъ матерьяльномъ составѣ отношенія. Дѣйствіе само по себѣ еще не имѣетъ необходимо юридическаго характера и юридическихъ послѣдствій; оно можетъ, способно получить то и другое, смотря по его причинѣ, по его цѣли, по его отношенію къ другимъ фактамъ или дѣйствіямъ. Поэтому, чтобы констатировать его юридическій характеръ, не достаточно имѣть въ виду одну наличность внѣшняго состава дѣянія, а необходимо обнять изъ многократныхъ фактовъ и дѣяній сложившееся отношеніе. Только въ этой связи, въ которой оно (дѣйствіе) является въ данномъ случаѣ, ему принадлежитъ юридическій характеръ и съ нимъ соединяются юридическія послѣдствія.

Такъ начинается Либе свое изысканіе надъ природой формальнаго контракта, ближайшимъ образомъ стипуляціи, въ которомъ именно эта черта изолированно стоящаго, внѣшнимъ образомъ опредѣленнаго дѣянія, влекущаго за собой юридическія послѣдствія, есть опредѣляющая и противопологающая его матерьяльнымъ контрактамъ. ¹⁾ Вопросъ о происхожденіи стипуляціи и

1) До Либе, а отчасти и теперь, стипуляцію ставили, согласно буквѣ источниковъ, на ряду съ другими контрактами, которые *re, consensu, literis contrahuntur*. Стипуляція—де была иска на Римлянамъ, потому что у нихъ раста *pudā* не давали иска. Такъ именно для этой-де цѣли, чтобы дать такимъ уговорамъ искъ, и употреблялась стипуляція! Мы, конечно, здѣсь не будемъ входить въ подробности предшествующаго литературнаго движенія,

объ ея отношеніи къ контракту *per aes et libram* принадлежить и теперь, какъ и въ сороковыхъ годахъ, къ числу самыхъ трудныхъ и всегда сохраняющихъ гипотетическій характеръ ¹⁾.

Начала формализма составляютъ предшествующую ступень развитія права. Въ эпоху 12 таблицъ матерьяльное право не развито еще вовсе. Если бы иски допускались во всѣхъ случаяхъ, гдѣ была матерьяльная основа для притязанія, то при отсутствіи всякихъ теоретическихъ началъ, судъ не зналъ бы никакой границы спорнымъ вопросамъ. Только формальнымъ путемъ можно было придти къ огражденію отъ полнаго произвола въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ практика для различныхъ случаевъ выработала отдѣльныя исковыя формулы, и чтобы имѣть возможность воспользоваться этими не многими средствами защиты права, надо было соотвѣтственно ихъ строю облекать сдѣлки въ извѣстныя формы, которыя и обеспечивали за ними исковой характеръ. Не знаніе формулъ, которыхъ было не много, а умѣнье связать право съ ихъ формальными реквизитами, дать ему характеръ формальной сдѣл-

которое исчерпывается отчасти самимъ Либбе, отчасти неблагоприятной критикой Витте въ *Kritische Vierteljahrschr.* VI. 3. Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что почтенный критикъ, не смотря на свою ученость, не имѣетъ ниже самаго отдаленнаго понятія о задачахъ критики. Все, что онъ пишетъ, не есть вовсе оцѣнка писателя по отношенію къ задачѣ, имъ на себя принятой, не есть также оцѣнка самой задачи по отношенію къ предшествующей литературѣ. Это просто грубѣйшее измѣренье всѣхъ на ту мѣрку, которую гораздо позже придумалъ авторъ для своихъ собственныхъ построений.

1) Для пехум важныя соображенія у Беккера, *Die Aktionen des R. Privatrechts*, 1 Band, 1871, стр. 18 и слѣд. Сакральннй элементъ въ *sponsio* особенно у Гиртанера, *Die Stipulation*, 1859 стр. 1—152. Voigt, *das jus naturale* и т. д. стр. 228, 357, 369, 492 и слѣд. Jhering, *Geist II*, стр. 585. См. тоже въ названныхъ сочиненіяхъ ссылки на другія, предшествующія. Для насъ здѣсь важна не исторія стипуляціи, а ея оборотная функція въ отношеніи къ дальнѣйшимъ явленіямъ развитія римской системы обязательствъ.

ки составляло трудную сторону практической деятельности юриста. Самые исковыя формулы не составляли отвлеченных теоретических положений, а лишь пластическія формы, въ которыя воплощалось и въ которыя осязательно отражалось право. Это свойство обуславливаетъ ихъ строгость и опредѣленность (*Abgemessenheit*), и въ немъ мы видимъ посредство между *вещной правы* и самымъ правомъ. Въ старое время эти понятія не расчленились, и (совершенно обратномъ нашему порядку) не тамъ, гдѣ привнано было право, давался искъ, а тамъ, гдѣ можно было приложить исковую формулу, — тамъ было право. ¹⁾ Такимъ образомъ, задача практической юриспруденціи до самаго конца республики заключалась главнымъ образомъ въ указаніи такихъ формъ сдѣлокъ, которыя обеспечивали осуществленіе и защиту права.

Эта необходимость подчинять строй сдѣлки формальнымъ реквизитамъ стараго процесса и составляетъ, по мнѣнію Либбе, существенное условіе развитія стипуляціи. Въ ближайшемъ отношеніи она находится въ *legis actio per conditionem*. Въмѣсто того, чтобы угодить въ неизмѣющія границы понятія *bonum* и *aequum*, всю задачу изслѣдованія на судѣ составлялъ вопросъ, есть ли въ данномъ случаѣ соответствіе между собственнымъ изъясненіемъ отвѣтчика (въ стипуляціи) и требованіемъ истца. На чемъ (матерьяльно) основывалось соглашеніе, — до этого не было дѣла суду. И такъ, простая *verborum solennitas*, простой формальный обрядъ стипуляціи (*Spondes ne mihi centum dare? Spondeo.*) служилъ основой исковаго обязательства. Отсюда прямо и непосредственно возникало *dare oportere* исковой формулы. Таковы простѣйшіе элементы для *stricti iuris iudicia*.

Всегдашнее и необходимое соответствіе между формальными сдѣлками и формулами строгаго процесса развивается и далѣе въ различныхъ модификаціяхъ стипу-

1) См. выше указанное сочиненіе Виндшейда *Die Actio*.

ляції. И такъ, вѣстѣ съ расчлененіемъ предмета стипуляціи на *dare* и *facere* (*stipulatio certi* и *incerti*), и иски суть *condictio certi* (для *stipulatio certi*) и *actio ex stipulatu* (для *stipulatio incerti*).¹⁾ Естественно, что *condictio certi* заключало въ себѣ и *condemnatio certae pecuniae*, когда предметъ стипуляціи составляла опредѣленная сумма денегъ. Иначе (если вещь составляла предметъ стипуляціи); при *condictio certi* кондеминація была *incerta* на *quanti ea res est*, что не имѣло характера строгаго иска, и оцѣнка должна была быть произведена по моменту *litis contestatio*. Это измѣнилось лишь позже, подѣ влияніемъ индивидуализирующихъ стремленій Сабиніанской школы. Въ *condictio incerti* и *intentio* и *condemnatio* составляли *incertum*, и она шла не на опредѣленіе цѣны, а на опредѣленіе интереса, хотя не *ex fide bona*.

Что же слѣдуетъ изъ этой необходимости прямого соответствія между формой обязательства и строеніемъ процесса для природы стипуляціи? Какъ разрешаетъ Либѣ главную задачу своего труда? Въ чемъ заключается сила формальнаго обязательства и въ чемъ особенность его природы?

Въ анализѣ этихъ вопросовъ именно и заключается заслуга Либѣ.

Въ матеріальныхъ контрактахъ всѣ элементы обязательства даны актомъ его заключенія. Въ нихъ самихъ есть отвѣтъ на вопросъ, для чего они заключаются. Чтобы сказать, для чего заключаются формальные контракты, надо идти за предѣлы прямо даннаго ими содержанія и восходить къ общимъ основаніямъ, по которымъ въ гражданскомъ оборотѣ производится переносъ имущества отъ одного лица въ другому. И такъ,

1) Ср. L. 6 D. de reb. cred. L. 75 § 1 de V. O. L. 75 pr. еод. пр. I. de V. O. L. 24 D. de reb. cred. Мы не исчерпываемъ здѣсь вовсе различныхъ возможныхъ противуположеній, о которыхъ, отчасти будемъ имѣть случай говорить позже.

съ перваго взгляда формальное обязательство, такъ какъ оно есть, является совершенно изолированнымъ, стоящимъ внѣ всякихъ дальнѣйшихъ отношеній. Стипуляція составляетъ простой формальный актъ, который прямо даетъ основаніе искомому обязательству, и сила котораго основана на томъ, что форма, — *centum dare spondes? spondeo*, — дѣлаетъ обязательство *centum dari oportere* вполне яснымъ для суда. Чтобы установить юридическій характеръ стипуляціи, для этого не надо съ самаго начала (т. е. при ея совершеніи) ставить ее въ связь съ обстоятельствами, при которыхъ она возникла, и въ этой связи ее изслѣдовать; юридическій характеръ ея разумѣется самъ собой, хотя она поставлена внѣ всякихъ связей, внѣ всякаго отношенія къ другимъ дѣйствіямъ.

Совершенно иначе при матерьяльныхъ контрактахъ, въ которыхъ юридическій характеръ дѣйствія можетъ быть констатированъ только тогда, когда съ самаго начала видна его связь съ другими фактами, его *causa* ¹⁾, дающая ему этотъ характеръ. Эта связь держится на томъ, что нѣчто уже совершено, за что предметъ обѣщанія долженъ послужить отвѣтнымъ совершеніемъ (*Gegenleistung*). Отсюда возникаетъ сюналлагма, двусторонняя сдѣлка, которая, какъ таковая, только въ этой связи, въ этомъ необходимомъ для нея сочетаніи имѣетъ исковую силу въ цивильномъ правѣ.

1) Чтобы сдѣлать болѣе осязательнымъ это понятіе, Jhering противопоставляетъ его понятію мотива сдѣлки. Мотивъ есть нѣчто, для юридической характеристики сдѣлки совершенно не существенное. Покупаетъ ли N потому, что ему нужна вещь, или потому, что хочетъ дать заслужить продавцу деньги, дарить ли N изъ тщеславія или по добрымъ побужденіямъ—купля и дареніе отъ этого совершенно не измѣняются. Напротивъ, цѣль и основаніе, ради котораго мы переносимъ собственность, составляетъ элементъ самой сдѣлки, нѣчто, въ чемъ обѣ стороны согласны, моментъ, который даетъ дѣйствію его специфическій характеръ или уплаты, или даренія и проч., словомъ это для полной юридической характеристики необходимый признакъ. Jhering, Geist III § 55.

Въ прямомъ противоположеніи съ этимъ, стипуляція дѣйствуетъ независимо отъ этой связи, *sua vi ac potestate*. Въ этомъ смыслѣ Юлій Павелъ говоритъ:

In stipulationibus jus continetur, in pactis factum versatur. ¹⁾

Стипуляція, такимъ образомъ, даетъ вполнѣ самостоятельную основу праву требованія. Это право образуетъ самостоятельный имущественный объектъ, который обращается въ имущество стипулятора. По своимъ послѣдствіямъ стипуляція сама по себѣ равна совершенному дѣянію съ юридическимъ характеромъ.

И такъ, если этотъ, разъ созданный объектъ оброта, перешелъ уже въ обладаніе вѣрителя, тогда — и только тогда — можетъ возникнуть вопросъ (не разрѣшенный собственно въ моментъ установленія сдѣлки), въ какой связи стоитъ это дѣйствіе съ другими, ради чего оно предпринято, какая его *causa*. При этомъ здѣсь, какъ и при всякомъ переносѣ имущества на другое лицо, возможность такой *causa* тройкая: стипуляція могла быть установлена *solvendi, credendi, donandi causa*.

Важно то, что вопросъ этотъ имѣетъ мѣсто не при возникновеніи стипуляціи — для этого достаточно, чтобы воля лица выразилась въ определенной формѣ, — а лишь когда она уже возникла. Весь составъ обязательства и вся его сила уже есть прежде, чѣмъ наступаетъ очередь для вопроса — съ какой цѣлью или на какомъ основаніи этотъ, созданный актомъ воли, имущественный объектъ достался стипулятору. Юридическій характеръ дѣйствія не зависитъ отъ этого изслѣдованія, а лишь основанія для освоенія обязательства стипуляторомъ можетъ стать предметомъ дальнѣйшаго процесса. Этотъ вопросъ существуетъ одинаково для всякаго акта переноса имущества, отдалъ ли я свою вещь

1) L. 27. § 2 D. de pactis. 2. 14.

въ собственность другаго, или промиттировалъ ему: независимо отъ того, что онъ сталъ собственникомъ или вѣрителемъ, можно всегда спросить—ради чего это произведено, ибо матерьяльная causa для такихъ актовъ всегда существуетъ, хотя и не условливаетъ собой ихъ юридической силы.

Мы сказали, что такіе юридическіе акты совершаются *credendi, solvendi, donandi causa*.

Ради дара совершаемые переносы имущества имѣютъ сами въ себѣ цѣль ¹⁾ посредствомъ такихъ актовъ никакой другой имущественной цѣли не достигаютъ. Въ этомъ существо даренія.

Если совершеніе дѣйствія (установленіе стипуляцій, переносъ собственности) поставляется дѣйствительности въ связь съ другими юридическими отношеніями, то эти отношенія даютъ ему характеръ платежа (*solutio*) или кредита (*creditum*). Платежъ производится въ виду существующаго обязательства, дача—если это не дареніе—свободно. Такія дѣйствія или уничтожаютъ обязательство платящаго или даютъ основаніе обязательству получающаго.

И этѣ обѣ функціи въ римскомъ правѣ могутъ происходить посредствомъ стипуляціи

Таково значеніе стипуляціи, какъ самостоятельнаго имущественнаго объекта въ юридическомъ оборотѣ.

Мы здѣсь прерываемъ разъясненіе вопроса съ помощью Либбе, хотя заслуга его этимъ не исчерпывается, но дальнѣйшее разъясненіе функцій стипуляціи, оборотной и исторической, служило предметомъ внимательнаго изученія позднѣйшихъ писателей, къ сочиненіямъ которыхъ мы обратимся позже.

Что касается вопроса о способѣ установленія обязательства *verbis*, самой *verborum solennitas*, то прекрасная психическая и культурно—историческая постановка его принадлежитъ Христіанвену. И такъ, первоначальный обрядъ стипуляціи есть *вопросъ и отвѣтъ* въ

1) Объ этомъ позже.

определенныхъ выраженіяхъ: *spondesne? spondeo*. Позже, съ расширеніемъ ея приложенія, — это свободная форма, все равно на латинскомъ (*dabis, facies, promittis?*) или на иномъ языкѣ. ¹⁾ Стороны должны быть налицо. Вопросъ долженъ предшествовать. Отвѣтъ долженъ покрывать собою вполне вопросъ. Можно думать, что встарину должникъ повторялъ всю рѣчь стипулятора и лишь позже стало достаточнымъ соотвѣтствіе словъ *spondesne?—spondeo, promittisne?—promitto, dabisne?—dabo*.

Новые, болѣе развитые языки, говоритъ Христіанзенъ, употребляютъ для выраженія абсолютнаго утвержденія и отрицанія простой абстрактъ. Каковъ вопросъ, краткій или продолжительный, что онъ содержитъ въ себѣ, — это безразлично, отвѣтъ всегда сжатый, краткій и отвлеченный. Старые, конкретные языки и, на иныхъ, болѣе развитыхъ языкахъ, люди, неумѣлые въ рѣчи, знаютъ только конкретное утвержденіе. Въмѣсто отвлеченнаго отвѣта отвѣтъ есть прямо относимый къ тому, что спрашиваютъ; въ отвѣтъ снова вводится, больше или меньше, все что было въ вопросѣ. Римское право не знало отвлеченнаго утвержденія. Отвѣчающій не можетъ слѣдовать за мыслью, слѣдовать за движеніемъ воли, не слѣдуя вмѣстѣ и за движеніемъ рѣчи, и держится инстинктивной предусмотрительности этимъ для него надежнымъ и удобнымъ способомъ, ибо лишь тогда, когда спрашенное опять сказано, не можетъ быть сомнѣнія, что оба разумѣли одно и то же. Между отвлеченнымъ и конкретнымъ отвѣтомъ въ отношеніи благонадежности почти тоже различіе, какъ въ повѣркѣ вѣса (субъективной) между простымъ глазомѣромъ или подъемомъ. Въ нашей рѣчи, думаетъ Христіанзенъ, только въ торжественныхъ актахъ присяги и ея обрядахъ (не

1) Гай III, 92, 93, 95, L. 1, L. 137 pr. D. de V. O. (45. 1.) Christiansen, Institutionen des Römischen Rechts, Altona, J. Fr. Hammerich, 1843, Zweites Buch, § 8. Ср. то же Theoph. ad § 1. I. de V. O. 3. 15. L. S pr. D. de fidejuss. 46. 1. L. 12. C. de fidejus. 8. 40. L. 10 C. de contrah. et commit. 8. 38.

чрезъ представителя) удерживается та же абстрактность.. Это очень справедливо и метко, но можно прибавить еще, что рѣчи дѣловой и судебной свойственна вообще нѣкоторая абсолютность формъ и, при всемъ развитіи отвлеченныхъ способовъ выражать утвержденіе или отрицаніе, напримѣръ въ англійскомъ языкѣ, отвѣтъ присяжныхъ не есть отвлеченное утвержденіе или отрицаніе, и никакъ нельзя сказать, чтобъ эманципація рѣчи отъ ея старинныхъ конкретныхъ оборотовъ составляла всегда хорошій признакъ.

И такъ, въ этихъ пластическихъ формахъ образуется въ римскомъ оборотѣ самобытный имущественный объектъ, который является какъ отчуждаемый одной стороной и приобретаемый другой. Я, стипуляторъ, принявъ его, какъ все другое, что можетъ изъ имущества одного лица поступить въ имущество другого. Сила стипуляціи не условлена ни какими предположеніями; не связана ни съ какими матерьяльными основами обязательности, есть отвлеченная и безотносительная. Хотя на дѣлѣ, конечно, всегда есть матерьяльная причина или пѣль, для которой возникъ контрактъ, но онъ не условленъ этимъ, и самъ по себѣ есть только формальный. Я не потому долженъ изъ стипуляціи 100, что купилъ вещь и обѣщаль уплатить эти 100, а потому, что обѣщаль 100. И если послѣ я хочу вывести въ судѣ матерьяльную основу моего обѣщанія (я стипулировалъ *solvendī causa*) и отозвать его, то я долженъ вести особый процессъ (позже для этого достаточно эксцепціи), посредствомъ котораго буду *condicere obligationem* (а не *quantitatem*,¹⁾ ибо я не уплачивалъ деньгами) совершенно такъ, какъ бы я кондиционировалъ уплату денежную.

Къ основнымъ идеямъ Либе, какъ мы изобразили ихъ выше, примыкаетъ масса изслѣдованій отдѣльныхъ сторонъ вопроса, которыхъ мы не находимъ возможнымъ разсматривать особо каждое.

1) L. 1. pr. D. de cond. s. c. 12. 7.

Во всякомъ случаѣ, очень скоро вслѣдъ за его книгой появившейся въ 41 году пятый томъ системы Савиньи оказалъ сильное вліяніе если не на расширеніе круга интересовъ, пробужденныхъ сочиненіемъ Либера, то на иное направленіе изслѣдованія вопроса.

Вопроса о стипуляціи Савиньи касается здѣсь въ связи съ изслѣдованіемъ исковъ строгаго права (*condictiones*).

Когда имѣетъ мѣсто *condictio*? Случаи ея примѣненія Савиньи сводитъ къ совершенно простому основному принципу. Исходную точку для развитія этого строгаго иска составляетъ кредитная сдѣлка, заемъ. Существо займа предполагаетъ особую степень довѣрія со стороны лица, отчуждающаго свое имущество другому лицу, которое только обѣщаніемъ связываетъ себя въ отношеніи къ своему вѣрителю. Первоначальное значеніе выраженій—*creditor, creditum*—соотвѣтствуетъ требованію, возникшему изъ денежнаго займа. Оттуда это выраженіе перешло на отвлеченное понятіе требованія вообще.

Sed si non sit mutua pecunia, sed contractus, creditores accipiuntur. L. 10 de V. S. (50, 16.)

Creditorum appellatione non hi tantum accipiuntur, qui pecuniam crediderunt, sed omnes, quibus ex qualibet causa debetur. L. 11, L. 12 pr. eod.

Тамъ гдѣ въ основѣ требованія лежитъ предшествующій переносъ собственности вѣрителемъ на должника, гдѣ есть этотъ особый моментъ довѣрія, тамъ римское право даетъ кредитору строгій искъ (*condictio*), которымъ замѣняется потерянная собственникомъ виндикація, потерянный имъ искъ о собственности. *Intentio* въ исковой формулѣ идетъ на *da re oportere*.

Переходъ права собственности и потеря виндикаціоннаго иска имѣетъ, однако, мѣсто вовсе не въ однихъ только случаяхъ передачи собственности заемщи-

ку денегъ. Ровно также наступаетъ и тогда, когда я не ради кредита совершаю *datum*, и *causa*, которою уловливалось это мое дѣйствіе, оказывается недостаточной по той или другой причинѣ, напримѣръ, я уплатилъ по ошибкѣ. Здѣсь точно также въ замѣну виндикаціи, которую я все-таки утратилъ, даются такіе же строгіе иски; въ указанномъ нами примѣрѣ *condictio indebiti*, далѣе *condictiones ob causam datorum, sine causa, ob injustam causam* и проч. Въ такихъ случаяхъ ошибка или другой недостатокъ заступаеетъ мѣсто довѣрія, лежащаго въ основаніи займа (стр. 525 общая картина кондикцій, которую мы здѣсь не будемъ разсматривать).

Все эти случаи, въ которыхъ дальнѣйшимъ образомъ примѣняются *condictiones*, имѣютъ между собою общаго то, что въ нихъ происходитъ расширение имущества одного лица на счетъ другого или изначала безъ основанія, или когда впоследствии основаніе теряетъ силу.

Къ этому ряду случаевъ, которые служатъ, такъ сказать, типическими, Савиньи присоединяетъ рядъ другихъ, гдѣ тоже имѣла мѣсто *condictio*. Для насъ ближайшимъ образомъ важна стипуляція. Что стипуляція имѣла своимъ послѣдствіемъ *condictio*,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но выдерживаетъ ли критику та конструкція, которую установилъ Савиньи вообще для кондикцій? Повидимому, говорить онъ, здѣсь нѣтъ никакой аналогіи съ займомъ, ибо стипуляція направлена не на возвратъ даннаго, а на обѣщанное новое дѣйствіе.

Этимъ, можно сказать, косвеннымъ путемъ, Савиньи, побуждаемый заранѣе установленнымъ имъ ученіемъ о строгихъ искахъ, приходитъ къ опредѣленію природы стипуляціи, какъ фингированнаго займа. Мы не ищемъ повѣрки этого предположенія, которое увлекло Савиньи къ розысканію исторической связи стипуляціи съ *pecunia*. Онъ имѣетъ предшественниковъ (Либе высказывалъ тоже самое, только какъ гипотезу, стр. 4 и слѣд.) и послѣдователей въ этихъ изысканіяхъ. Для результатовъ нашего изслѣдованія эти всегда сохраняющія ригористич-

тическій характер задачи не имѣютъ опредѣляющаго значенія. Есть ли стимуляція въ своемъ основаніи фиксированный заемъ или нѣтъ,—это вопросъ только о первоначальной фазѣ ея развитія, а вовсе не о природѣ вполне опредѣляющагося явленія, съ каковымъ мы имѣемъ дѣло, когда рассматриваемъ нирреальное обязательство, возникающее посредствомъ стимуляціи. Исслѣдованіе Савиньи имѣетъ очень важное значеніе тамъ, гдѣ оно даетъ исходныя точки для изученія системы кодификацій.

Въ дальнѣйшемъ движеніи литературной обработки вопроса, какъ опытъ и направленіе изслѣдованій Савиньи съ одной стороны, такъ и болѣе широкая точка зрѣнія, установленная Либбе для изученія формальныхъ контрактовъ въ противоположность съ матеріальными, съ другой, Савиньи очень скоро и непосредственно, Либбе гораздо медленнѣе и позже нашла себѣ продолжательницей. Мы остановимъ наше вниманіе на тѣхъ и другихъ явленіяхъ, но несомнѣнно, что главнымъ образомъ поставленный Либбе вопросъ о природѣ формальнаго обязательства открывалъ самыя обширныя перспективы въ область изслѣдованія коренныхъ свойствъ этого вида правъ. Можно сказать, что у Либбе ¹⁾ опредѣлился со всемъ иной размѣръ вопроса, чѣмъ было до него. Исслѣдованіе Либбе было не только критическаго характера, но сверхъ того его критика была обращена къ явленіямъ историческимъ и практическимъ. Отъ этого метода изслѣдованія позже часто уклонялись, уходя, какъ Дельбрюкъ, въ темныя области такъ называемаго національ-

1) Любопытно, что сочиненіе этого Gerichtsassessor'a изъ Вольфенбюттеля долго оставалось незамѣченнымъ и позже было довольно небрежно обсуждаемо самимъ Савиньи. Значеніе его лишь въ послѣднее время стали оцѣнивать. Это-необходимое послѣдствіе слишкомъ сосредоточивающагося на одномъ пунктѣ свѣта, за предѣлами дѣйствія котораго ложится тѣмъ болѣе густая тѣнь. И такъ многіе очень значущіе писатели должны были оставаться въ тѣни, пока продолжали существовать тѣ причины, которыя сосредоточивали всю яркость свѣта на берлинскихъ свѣтилахъ.

наго сознанія, отличающаго — де совершенно римскій геній отъ генія германскаго, или въ еще болѣе неопредѣленныя сферы философскихъ и теологическихъ размышлений, какъ Кунце. Но, говоримъ мы, размѣръ вопроса былъ ясенъ. Если критикъ юристовъ должны подлежать влiянiя формализма и матерьяльныхъ началъ на юридическiя образованiя обязательствъ, то гдѣ признаки тѣхъ и другихъ въ римской и современной системѣ, что такое обязательство въ гражданскомъ юридическомъ оборотѣ, способно ли оно стать предметомъ обмѣна, какъ вещь матерьяльнаго мiра, какъ слѣдуетъ разумѣть римское ученiе о непреемствѣ въ обязательствахъ, изъ котораго Мюленбрухъ сложилъ каменную стѣну, отдѣлявшую явленiя современнаго оборота съ требованiями отъ римскихъ формъ, гдѣ, наконецъ, понятiе обязательства? ¹⁾ Вотъ цѣлое поле вопросовъ, которые, поднявшись вдругъ въ литературѣ, возбудили даже въ теологическомъ Кунце опасенiе бури. И въ самомъ дѣлѣ, сила литературнаго движенiя во всѣхъ направленiяхъ есть почти превозмогающая, и мы безъ преувеличенiя говоримъ, что едва ли возможно отдѣльному лицу съ одинаковымъ вниманiемъ слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ разныхъ фазисахъ развитiя этого движенiя. ²⁾ Несомнѣнно, что преимущественно тѣ труды, которые имѣютъ наиболѣе солидную постановку на почвѣ историческаго и практическаго изслѣдованiя, и тѣ

1) Очень часто существенные вопросы, касающiеся природы обязательства, разъясняются въ виду той или другой его функцiи, того или другаго вида обязательства; поэтому литература предмета расширяется на массу частныхъ изслѣдованiй, о цесси, о представительствѣ, о договорахъ въ пользу третьяго, о бумагахъ на предъявителя, о переводѣ долга, о сингулярной сукцессiи, о формальныхъ договорахъ, о новацiи и проч. Прибавимъ, что и изслѣдованiя о коррeальномъ обязательствѣ, если они правильно ставятся, ведутъ къ той-же цѣли.

2) Конечно, этимъ состоянiемъ литературы условливается главнымъ образомъ необходимость и польза свѣздовъ юристовъ, которые были сперва мѣстными и лишь позже стали общегерманскими.

результаты, которые сводятся къ психическимъ основамъ явленій, заслуживаютъ особаго вниманія и изученія.

И такъ, ближайшимъ образомъ для нашего вопроса, вскорѣ послѣ Либе и Савиньи, Гнейстъ ¹⁾ писалъ о формальныхъ договорахъ. Гнейстъ въ исходной точкѣ рѣшенія сходится съ Савиньи, считая то же весьма важнымъ для существа стипуляціи ея связь съ пехум и скрытую въ ней природу фингированнаго займа (стр. 136). Мы увидимъ дальше, что стипуляція имѣла мѣсто тамъ, гдѣ ни о какомъ займѣ не можетъ быть рѣчи (*sponde-ne Stichum mihi dare?*). По мнѣнію Гнейста, стипуляція возникаетъ или ради дара,—тогда ея *causa* заключается въ ней самой; но рядомъ съ этимъ она можетъ имѣть мѣсто *ob causam praeteritam* или *ob causam futuram*, и вотъ именно тутъ, въ вопросѣ объ отношеніи матерьяльной основы обѣщанія къ его силѣ, Гнейстъ существенно расходится съ Либе, и мы думаемъ, что этимъ онъ совершенно заслоняетъ себѣ возможность правильно опредѣлить функцію стипуляціи въ исторіи развитія римской системы обязательствъ. Дѣло въ томъ, что все вниманіе изслѣдованія сосредоточено на модификаціяхъ стипуляціи въ преторскомъ правѣ, въ которомъ, по мнѣнію Гнейста, фикція займа исчезла, и стипуляторъ долженъ былъ всякій разъ доказывать существованіе матерьяльной основы, на которой держится обѣщаніе! Съ этимъ вмѣстѣ формальная природа стипуляціи теряетъ всякій характеръ, и цѣлая масса явленій историческаго развитія римскаго обявательства права ²⁾ остается безъ всякаго освѣщенія. Самъ Гнейстъ приходитъ къ тому результату, что это явленіе существующей формально и безъ всякой связи съ матерьяльной основой не имѣющей никакого со-

1) Die formellen Verträge des neueren römisch. Oblig. R. Berlin, 1845.

2) На этомъ, наиболѣе вѣрномъ, конечно, критеріѣ достоинства теоріи мы можемъ остановиться лишь позже. Сомнительный характеръ аргументаціи Гнейста давно доказанъ, и здѣсь мы не можемъ исчерпать вопроса. Одну изъ основъ конструкціи Гней-

держанія (substantia obligationis deficit) стипуляціи есть въ высшей степени замѣчательное и—мы прибавимъ—совершенно невозможное. Возможно утверждать, что у самого Гнейста взглядъ его на природу стипуляціи является не вполне выдержаннымъ, ибо тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ общихъ элементахъ сдѣлки, независимо отъ того, какой (традиции или стипуляціи), тамъ онъ не только близко подходит къ Либе, но гораздо счастливѣе его сводитъ основу силы сдѣлки къ психическому моменту, къ волѣ лица, проявляющей себя въ словѣ, въ дѣйствіи, въ письмѣ, словомъ вовнѣ.

Ближайшимъ послѣдователемъ Гнейста ¹⁾ можно считать Геймбаха ²⁾, который изслѣдуетъ вопросъ о формальныхъ обязательствахъ въ связи съ понятіемъ creditum и, вообще говоря, подчиняетъ формальный моментъ стипуляціи реальному.

Любопытно, что Савиньи, въ исходной точкѣ зрѣнія на развитіе стипуляціи такъ близко подходящій къ этой группѣ писателей, въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи съ обязательствахъ выражаетъ слѣдующее мнѣніе: во всякой сдѣлкѣ, говоритъ онъ, возможно различить *положительныя* условія ея бытія и силы; ихъ—то и должна представить теорія, и они должны быть раскрыты въ приложеніи къ дѣйствительной жизни. Независимо отъ этого можно представить себѣ болѣе или менѣе случайные недостатки или препятствія, которыя, тамъ гдѣ они есть, исключаютъ, даже при предположеніи тѣхъ положительныхъ условій, дѣйствительность

ста составляетъ мѣсто изъ Юлія Павла L. 25 D. de prob. et praes. 22. з., одно изъ самыхъ спорныхъ въ источникахъ, о которомъ Савиньи (Oblig II, 265) справедливо замѣчаетъ, что оно все искажено позднѣйшими компиляторами. Ср. также Виндшейда Lehre von der Voraussetzung, стр. 192—202.

1) Сочиненіе Гнейста незамѣнимо въ отношеніи къ изобилію матерьяла, воособенности для письменныхъ формъ стипуляціи. Задача изслѣдованія поставлена очень широко.

2) Die Lehre von dem Creditum. G. E. Heimbach, Leipzig, 1849 г.

сдѣлки совершенно или отчасти. Отсутствие такихъ возможныхъ, случайныхъ препятствій справедливо обозначить именемъ *отрицательныхъ* условій сдѣлки. Было бы, однако, совершенно не логично и, такъ сказать, противно цѣли основательнаго уразумѣнія природы юридическаго отношенія сопоставлять эти негативныя условія, имѣющія совершенно исключительную природу, съ положительными и разсматривать тѣ и другія какъ однородныя. Въ такомъ нелогическомъ способѣ дѣйствія Савиньи упрекаетъ подлежащее ученіе, насколько оно выставляетъ возможность кондикцій (*indebiti* и пр.) противъ стипуляціи какъ основаніе, по которому стипуляція, какъ формальная сдѣлка, только тогда имѣетъ всю свою силу, когда ей предпосылается ея *causa*.

Савиньи, къ удивленію, однако не оцѣниваетъ всей практической важности различія взглядовъ. ¹⁾ и напротивъ, готовъ дать всему спору смыслъ только теоретическаго состязанія. Мы сейчасъ же будемъ имѣть случай убѣдиться, въ какой мѣрѣ это ошибочно.

Въ то время, когда протестъ противъ непрактическаго направленія юриспруденціи выражался со всей настойчивостью и открывалъ поле многочисленнымъ попыткамъ иногда то же существенно доктринальнаго характера. ²⁾ въ это время практической характеръ вопросовъ раскрывался именно тамъ, гдѣ его всего меньше подозрѣвали настоящіе теоретики. Въ условіяхъ этого движенія, въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, мы

1) Стр. 266.

2) Какъ, напримѣръ, Leist'a, Ueber die dogmatische Analyse römischer Rechts institute, 1854 г., съ его реализмомъ, противъ котораго Кунце справедливо замѣчаетъ: Действъ думалъ поднять право до его самобытнаго значенія и вмѣсто этого открылъ ему совершенно служебную роль. Онъ походитъ на учителя эстетики, который хочетъ создать новое искусство, принижая его на степень подражанія природѣ. Онъ низводитъ художника на уровень дагеррестиписта. Должно замѣтить однако, что паюсъ самого Кунце дѣлалъ всего болѣе понятнымъ потребность если не новаго направленія, то хотя нѣкотораго спокойствія, отъ кого бы оно ни было заимствовано, хотя бы даже отъ фотографовъ.

можемъ отмѣтить два обширныхъ литературныхъ труда, прямо относящихся къ нашему вопросу, изъ которыхъ каждый можетъ служить восполненіемъ другаго, — это сочиненія Бэра и Шлезингера ¹⁾. Если мы присоединимъ къ этому позднѣйшее сочиненіе Гирганера (о стипуляціи) и Кунце (о сингулярной сукцессіи), то передъ нами раскроется во всемъ размѣрѣ картина вопроса о природѣ стипуляціи, и мы будемъ въ состояніи легко осмотрѣться въ обширномъ кругѣ задачъ, которыя всѣ какъ къ центру сходятся къ этой главной тѣмѣ изслѣдованій. Кунце, въ конечномъ результатѣ, даетъ только чувствовать общіе моменты вопросовъ въ институтахъ, съ перваго раза не представляющихъ никакой необходимой связи одинъ съ другимъ. Новація и корреальность, цессія и переводъ долга, античный и современный взглядъ на право, и критическая, поставленная выше того и другаго точка зрѣнія на явленія не только права, но и всей области духа, и все это въ формѣ непрерывнаго диорама на пространствѣ елишкомъ 400 страницъ! Отвлеченнѣйшая точка зрѣнія, которая помогла Кунце поставить въ связь многообразныя, внутренне-соприкасающіяся явленія (для насъ это была наиболѣе инструктивная часть его труда), если можно такъ выразиться, выместила себя на изслѣдованіи подробностей и практической стороны вопросовъ, почти погубила мало изслѣдованныхъ и слабо разъясненныхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весь результатъ труда Кунце легко свести къ немногимъ, совершенно непривившимся въ литературѣ новымъ, искусственнымъ терминамъ, которые опять одинъ онъ принимаетъ въ своей обширный учебникъ.

Въ совершенной противоположности съ этимъ вся дѣятельность Бэра, сосредоточенная около тѣхъ же ин-

1) Только тамъ, гдѣ они касаются римскаго права. Бэра: *Die Auerkennung als Verpflichtungsgrund* 1855, во второй разъ издавшее съ некоторыми важными видоизмѣненіями въ 1867 году (мы пользуемся вторымъ изданіемъ), и Шлезингера, *Zur Lehre von dem Formalcontracten* 1858.

тересовъ, расположилаосъ въ ближайшемъ отношеши къ явленіямъ практики въ отдѣльныя группы вопросовъ, и пѣтый рядъ отдѣльныхъ капитальнѣйшихъ монографій, о пессии, о договорѣ признанія, о такъ называемыхъ договорахъ въ пользу третьяго (Варъ не считаетъ названіе удачно выбраннымъ), явился какъ совершенно зрѣлый плодъ практическаго, историческаго и критическаго изученія дѣла, оказавшій очень быстро вліяніе на законодательство и практику. при томъ въ вопросѣ самаго кореннаго для всей системы обязательствъ свойства. Гораздо менѣе важный во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, но въ особенности для исторіи римскихъ обязательствъ очень значущій трудъ принадлежитъ Гиртаннеру, который еще прежде нашель себѣ точку отправленія для изученія отвлеченныхъ отъ матеріальной основы обязательствъ въ институтѣ поручительства и теперь возвратился къ своей задачѣ, чтобъ показать въ обширномъ видѣ отличительные признаки римскихъ формъ обязательственнаго права.

Если, какъ мы видѣли выше, Христіанзену удалось открыть очень опредѣленные психическія и культурно-историческія условія, которыми объясняется значеніе слова¹⁾ въ системѣ римскаго формализма, то Гиртаннеръ ведетъ еще дальше происхожденіе этой рѣшающей силы слова, въ область его первоначально сакральнаго значенія. Затѣмъ, заслуга Гиртаннера, опять,

1) Догадку о происхожденіи старѣйшей формы обязательства, устанавливаемого словомъ (sponde-ne), которую предлагаетъ Савини, Vermisch. Schr., II, стр. 410, и System V, стр. 538, также Гнейсъ, указанное выше сочиненіе, стр. 136, Гиртаннеръ считаетъ недостаточной и предлагаетъ свою (см. особ. стр. 121 и слѣд. 218, 229). Мы, по возможности обходимъ не существенныя для насъ пункты или такія, которые полнѣе и лучше выразились у другихъ. Такъ, говоря о корреальномъ обязательствѣ, Гиртаннеръ близко сходится съ Фиттингомъ (стр. 252 и слѣд.), въ вопросѣ о природѣ стипуляціи и новаціи—то съ Либе, то съ Варомъ (стр. 222, 223, 224). Какъ очень часто у этого писателя удачныя замѣчанія какъ-то обрываются и не приводятъ къ совершенно близкому, по видимому, результату, см. стр. 243.

по нашему мнѣнію, очень существенная, заключается въ томъ, что онъ старается прослѣдить отношеніе стипуляціи, какъ общей формы установленія обязательства, къ другимъ контрактамъ. Здѣсь она является именно въ той функціи, которая даетъ ей весь ея исключительный характеръ, всю ея особую пригодность, какъ общаго способа устанавливать обязательства по договору.

Наконецъ, несомнѣнную заслугу Шлезингера составляетъ рѣзко проведенное противуположеніе между римскими формальными элементами въ обязательствахъ и преимущественно материализирующими тенденціями современнаго права. ¹⁾ Въ стипуляціи отвлеченная воля, выразившаяся въ формѣ слова, даетъ основу обязательству, и силу такого обязательства можетъ ослабить лишь доказанная недостаточность юридическаго основанія, которую промиттентъ противупоставитъ иску. Шлезингеръ, такимъ образомъ, въ вопросѣ о дѣйстви стипуляціи расходится съ Геймбахомъ и Гнейстомъ и приближается къ Либе, Савиньи, Виндшейду (о которомъ дальше) и Вэру. Нельзя, однако, сказать, чтобы кто нибудь такъ хорошо исчерпалъ вопросъ о природѣ стипуляціи, какъ Вэръ и Сальпиусъ, первый преимущественно съ практической, второй въ особенности съ исторической стороны, и мы теперь обращаясь къ ихъ ученіямъ, этимъ заключимъ продолжительное отступленіе отъ главной тѣмы нашего изслѣдованія.

II. Результаты.

Мы ставимъ такимъ образомъ обоимъ названнымъ писателямъ во главѣ послѣдующаго изложенія. Какое значеніе имѣетъ для насъ этотъ выборъ, это предпочтеніе ихъ всѣмъ другимъ явленіямъ богатѣйшей юридической литературы?

Все значеніе постановки этихъ именъ во главѣ заключительнаго очерка условливается и исчерпывается

1) Книга посвящена Риббентропу.

тѣмъ, что никто такъ вѣрно и просто не умѣлъ взглянуть на практическую сущность задачи, какъ Вэръ, никто, съ другой стороны, съ такими ясно опредѣлившимися практическими вопросами не обращался къ исторіи римскаго права, какъ Сальпіусъ. Задачи ихъ не сходятся прямо съ нашей. Ни тотъ, ни другой не высказываетъ ничего рѣшающаго для нашей тѣмы. Напротивъ, и Вэръ и Сальпіусъ о корреалитетѣ несправильнаго мнѣнія. Но въ то же время никто такъ правильно не смотритъ на природу формальнаго обязательства, какъ Вэръ; никто такъ вѣрно не расчленяетъ явленій формализма и послѣдующей материализирующей тенденціи въ самомъ римскомъ правѣ, какъ Сальпіусъ.

Мы поставили выше рядъ вопросовъ (стр. 42). И такъ, всякій ли видъ договоровъ одинаково пригоденъ для корреалитета? Мы потомъ разсматривали одну стипуляцію. Либѣ убѣдилъ насъ въ томъ, что это не неподчиненный видъ контрактовъ, что здѣсь нѣчто иное. Это общая форма договорныхъ сдѣлокъ. По счастливому выраженію одного классическаго экзегета, это *rapductae omnium contractuum*.

Но однако, въ какой мѣрѣ, въ какую эпоху, съ какою силой, съ какимъ смысломъ, съ какими практическими послѣдствіями? Такимъ образомъ вопросъ нашъ—одинъ этотъ или и другіе договоры рождаютъ корреалитетъ—обращается въ вопросъ о томъ, когда и какъ относилась стипуляція къ другимъ явленіямъ въ системѣ римскихъ контрактовъ, когда и какъ произошли другіе контракты, не заключается ли величайшаго анахронизма въ той постановкѣ вопроса, какую ему давали до сихъ поръ? Форма контракта *verbis* не есть ли нѣкоторое и весьма продолжительное время въ исторіи римскаго права исключаящая многія другія, лишь позже опредѣлившіяся, какъ отдѣльныя, формы контрактовъ? Не на ней ли выработались и не ею ли одной условливались такія явленія римскаго обязательства права, для которыхъ позже, съ характеромъ всеобщности, поднимались вопросы всей системы римскихъ обязательствъ.

И такъ, вотъ зачѣмъ мы обращаемся къ обоимъ писателямъ. Мы не ищемъ у нихъ отвѣта на всѣ вопросы, касающіяся исторіи римскихъ обязательствъ. Такого отвѣта не даютъ намъ ни они, ни вся литература римскаго правовѣдѣнія вмѣстѣ взятая. Мы ищемъ у нихъ правильно поставленныхъ основныхъ задачъ изслѣдованія. Когда придетъ очередь ¹⁾ болѣе широкаго опыта исторіи римскихъ обязательствъ, для этого, быть можетъ, есть прямыя указанія въ направленіи работъ, въ планахъ, въ чтеніяхъ извѣстныхъ руководящихъ людей въ Германіи. Покуда ея нѣтъ, но и то что есть на лицо даетъ возможность избѣжать грубыхъ ошибокъ и правильно различить явленія, смотря по ихъ связи съ господствующими чертами той или другой системы, той или другой эпохи юридическихъ образованій. Ближайшимъ образомъ, въ видѣ примѣра, въ нашемъ вопросѣ не можетъ быть болѣе грубаго анахронизма, какъ изъ позднѣйшихъ образованій натурального обязательства дѣлать заключенія къ явленіямъ существенно формальной эпохи, какъ это дѣлаетъ Фиттингъ, обсуждая вопросъ о консумціи обязательствъ посредствомъ *litis contestatio*. Для предупрежденія такихъ ошибокъ сдѣлано уже достаточно много, какъ ни многого остается еще желать.

До сихъ поръ мы видѣли, какое значеніе вообще имѣетъ формализмъ въ правѣ. На немъ существенно держится вопросъ объ охраненіи собственности и правъ требованія. Это вовсе не римское только, это всеобщее явленіе въ правѣ. Либе указалъ общіе моменты формализма въ разныхъ институтахъ. Савинья обнаружилъ историческую связь виндикаціи съ системой кондикцій. Какъ отнесется Бяръ къ своей задачѣ?

1) Witte думаетъ, что никогда, по состоянію источниковъ! Это такой распространенный пессимизмъ, что никогда ничего лучшаго не будетъ, чѣмъ то, что мы сами продуцировали, что мы ему просто не хотимъ вѣрить, хотя бы это было доказываемо съ большею ученостью.

Вэръ держится собственно той же исходной точки, какъ Либс. Но съ помощью, какъ онъ самъ выражается, einer juristischen Lupe, онъ приходитъ къ такимъ аналитическимъ различіямъ, которыхъ не сдѣлать вполне яснымъ никто изъ его предшественниковъ, и который въ то же время даютъ очень важные результаты, воособенности въ отношеніи къ группировкѣ явленій, родственныхъ по своей природѣ. И такъ, — формальные договоры. Въ этомъ понятіи формализма скрываются два разныхъ момента. Во 1-хъ, здѣсь есть противоположеніе съ матерьяльными контрактами. При всякомъ контрактѣ, все равно, есть ли онъ матерьяльный или формальный, необходимо существуетъ causa, въ виду которой лицо вступаетъ въ обязательство. Присутствіе ея есть *въ субъективномъ смыслѣ* психологическая необходимость всякой сдѣлки. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы та юридическая цѣль или причина, по которой одно лицо совершаетъ переносъ имущества на другое, всякій разъ должна была объективироваться, входить въ составъ сдѣлки, составлять ея содержаніе. Если сдѣлка получаетъ свою силу только тогда, когда въ ея составѣ, *объективно*, съ самаго начала есть такая causa, то мы называемъ эту сдѣлку матерьяльной. Совершенно иного характера тѣ сдѣлки, которыхъ дѣйствіе не поставлено объективно въ зависимость отъ causa. Такія сдѣлки суть *формальные въ отрицательномъ смыслѣ*, не матерьяльныя. — Но, съ другой стороны, то же понятіе формальной сдѣлки имѣетъ еще другой, *положительный смыслъ*, ибо выраженіе воли въ нихъ приурочивается къ определенной формѣ, тогда какъ въ матерьяльныхъ контрактахъ такая форма обыкновенно не есть существенная. ¹⁾

1) Это различіе положительно и отрицательно формальнаго элемента въ формальныхъ контрактахъ подало поводъ къ любопытному недоразумѣнію. Аридтсъ, и вслѣдъ за нимъ Унгеръ, увидѣли въ понятіи отрицательно формальной сдѣлки ошибку, именно слишкомъ широкое опредѣленіе признака формальнаго контракта, подъ которое подходитъ, по ихъ мнѣнію, и дареніе и мандатъ, ибо и въ этихъ сдѣлкахъ тоже нѣтъ никакого матерьяльнаго юри-

Расчлененіе этихъ двухъ моментовъ формальной сдѣлки очень важно. (Моментъ отрицательно-формальный; во избѣжаніе недоразумѣній, мы будемъ дальше называть свойствомъ *абстрактности*, отрѣшенности формальнаго обязательства отъ матерьяльнаго юридическаго основанія). Важность этого различенія обнаруживается прежде всего на вопросѣ о томъ, чѣмъ же собственно условлена сила формальнаго обязательства. Необходима ли извѣстная форма соглашеній, извѣстный обрядъ, для того, чтобъ сдѣлка повлекла за собою юридическія послѣдствія, независимо отъ ея матерьяльныхъ основаній, или форма, обрядъ не составляетъ ничего существеннаго? Стипуляція заключала въ себѣ и отрицательно

дическаго основанія (*causa*), отъ котораго находилось бы въ зависимости обязательство мандатара или дарителя. И такъ, здѣсь, думаютъ они, тоже отрицаніе юридическаго основанія, которое-де Бэръ считаетъ признакомъ формальнаго контракта. Въ отвѣтъ на эти сомнѣнія Бэръ выводитъ вопросъ на практическую почву. Если я ищущій даренія, т. е. основываясь на принятомъ мною обѣщаніи дать мнѣ 100 въ подарокъ, то, хотя здѣсь нѣтъ матерьяльнаго юридическаго основанія обязательности, но однако я въ процессѣ долженъ вывести искъ въ такомъ видѣ: такой-то обѣщаль мнѣ *въ видѣ дара* столько-то. Совершенно иначе, если отрицательно-формальный контрактъ выводится въ процессъ, — тогда не надо указывать, какъ мнѣ было обѣщано, а достаточно указать на то, что было обѣщано. Отсюда ясно, что безмездность есть положительное качество извѣстныхъ сдѣлокъ, даренія, мандата. Такимъ образомъ Арндтсъ и Унгеръ смѣшали отрицаніе вознагражденія, которое составляетъ *положительное качество* этихъ сдѣлокъ, и какъ таковое должно являться въ процессѣ, и отрѣшенность отъ юридическаго основанія, которая именно *отрицательно* обнаруживается въ процессѣ. Они не отличаютъ матерьяльнаго отрицанія юридическаго основанія (которое есть въ дареніи, въ мандатѣ) отъ процессуальнаго отрицанія его, отъ процессуальной его ненадобности. Здѣсь можно припомнить опять упрекъ, который Савиньи дѣлаетъ Гнейсту въ нелогичности (см. вышеприведенное мѣсто изъ книги Савиньи объ обязат.). По поводу легата слѣдуетъ сказать совершенно то же, хотя Бэръ (стр. 31) дѣлаетъ изъ L. 72 § 6 D. de cond. et dem. 35. 1. иное употребленіе. Легатъ выводится въ стипуляцію, ибо въ легатѣ вовсе нѣтъ той абстракціи, которая есть въ стипуляціи. Ср. L. 1 § 13 и 14. D. 36. 3. L. 62 D. 12. 6.

формальный моментъ (абстрактность) и положительно формальный моментъ (*verborum solennitas*). Но совершенно та же отрѣшенность является въ другихъ сдѣлкахъ, вовсе не требующихъ никакихъ формальностей для ихъ совершенія. Стало быть, не въ формѣ, а въ волѣ лица заключается обязывающая сила абстрактнаго обязательства. Должникъ хочетъ поставить свое обязательство въ полную независимость отъ матерьяльнаго основанія: онъ признаетъ свой долгъ и открываетъ этимъ вѣрителю возможность требовать на единственномъ основаніи этого признанія, чѣмъ бы этотъ долгъ ни условливался. И такъ, вся природа абстрактнаго обязательства существуетъ и тогда и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ необходимой, именно для такихъ сдѣлокъ установленной обрядности.

Какія же сдѣлки имѣютъ въ римскомъ правѣ это свойство? Одни ли только формальные контракты? Нѣтъ! Совершенно то же свойство имѣетъ и традиція. Такимъ образомъ, *стипуляція* даетъ въ своемъ результатѣ отрѣшенное отъ *causa* обязательство, *традиція* также отрѣшенный отъ *causa* переносъ права собственности. И та и другая, стало быть, составляютъ *акты абстрактнаго переноса имущества*, — первая въ видѣ обязательства, устанавливаемого должникомъ вѣрителю, вторая въ видѣ права собственности, переносимаго прежнимъ собственникомъ на новаго.

Представляетъ ли такое отрѣшеніе обязательства или переноса права собственности отъ матерьяльнаго основанія нѣчто естественное, прямо соотвѣтствующее природѣ отношеній, или это искусственное разобщеніе такихъ элементовъ, которые естественнымъ образомъ всегда существуютъ одинъ при другомъ?

Несомнѣнно, что какъ обязательство, такъ и передача собственности всегда устанавливаются въ виду совершенно опредѣленнаго матерьяльнаго основанія, это ихъ натуральная, прямо данная природой вещей связь; но для извѣстныхъ юридическихъ цѣлей эта естественная связь разрывается, и сила акта является изолированной, ничѣмъ не условленной. Мы сейчасъ сказали,

что въ естественномъ порядкѣ разобщенія между юридическимъ основаніемъ дѣйствія и его послѣдствіями не существуетъ. Это разобщеніе составляетъ искусственный приемъ. Но цѣль его состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы противорѣчить природѣ вещей. Такое разобщеніе существуетъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, только въ видахъ пользы и удобства имущественнаго оборота, съ одной стороны, и съ другой—въ видахъ легкости охраненія правъ. Отрѣшенная формальная сила актовъ дѣйствуетъ до тѣхъ только поръ, пока не встрѣтила противодѣйствія въ матерьяльной истинѣ. Она не противъ матерьяльной истины направлена, а поставлена въ извѣстную степень независимости отъ нея, хотя *in fine finali* этотъ приемъ составляетъ лишь средство, лишь способъ дѣйствія для достиженія матерьяльной правды. Съ характеромъ общимъ, для самыхъ различныхъ институтовъ, этотъ способъ дѣйствія является въ такъ называемыхъ юридическихъ фикціяхъ. ¹⁾ Наконецъ, присутствіе этихъ элементовъ формализма не ограничивается вовсе однимъ гражданскимъ правомъ. То же самое можно замѣтить и въ нѣкоторыхъ политическихъ институтахъ ²⁾.

1) Виндшейдъ. *Lehre von der Voraussetzung*, сходится во многихъ существенныхъ вопросахъ съ Бэромъ.

2) *Ihering*, позже Бэра, касается этого вопроса именно въ такомъ широкомъ смыслѣ и въ числѣ различныхъ приемовъ юридическаго искусства разсматриваетъ и этотъ, который онъ называетъ аналитическимъ упрощеніемъ фактическаго состава (*Geist*, III, § 55, 58). Это абстракція тѣхъ же положеній, которыя отчасти выражалъ еще Либбе, позже Шталъ и Бэръ, но достоинство абстракціи *Ihering*'а, выражаясь словами Бэра, въ томъ, что она, какъ алгебраическая формула, выражаетъ результаты, не разрушая элементовъ. И въ этомъ отношеніи никто не есть равный *Ihering*'у соперникъ. Ближайшимъ образомъ касаясь нашего вопроса, онъ говоритъ своимъ пластическимъ языкомъ, что *causa* въ обязательствѣ выдѣляется, какъ *vitium* въ вопросѣ о выборахъ, и этимъ выдѣленіемъ болѣзненной матеріи условливается здоровье и сила абстрактныхъ сдѣлокъ (стр. 228). Припомнимъ при этомъ слова Юлія Павла: *obligationum firmandarum gratia stipulationes inductae sunt. Paul. Rec. Sent. V. 7. § 1.* Можно сказать, что въ

Какая же ближайшая цель достигается именно абстрактным обязательством? Варь, чтобы дать ответъ на этотъ вопросъ, разсматриваетъ параллельно для права собственности и для правъ по обязательствамъ тѣ трудности, которыя соединяются съ защитой права передъ судомъ. Эти трудности суть двоякаго рода. Во первыхъ, нерѣдко бываетъ весьма трудно привести судъ къ убѣжденію въ истинности фактовъ, на которыхъ право основано, во вторыхъ, хотя бы это и было въ данномъ случаѣ достигнуто, судъ и при этомъ все-таки можетъ неправильно обсудить эти факты. Поэтому защита права собственности примыкаетъ прежде всего къ тому фактическому состоянію, въ которомъ находится собственникъ, къ владѣнію. Для защиты собственности нѣтъ надобности тотчасъ поднимать петиторный про-

основъ этой же точкой зрѣнія усложняется и новая столь богатая послѣдствіями постановка Jhering'омъ вопроса о защитѣ владѣнія. Владѣніе защищается не само ради себя, а ради защиты собственности. Въмѣсто петиторнаго процесса процессъ possessорный есть рассчитанный на защиту собственника, хотя по конструкции своей онъ можетъ служить и для несобственника. Здѣсь то же, что въ облегченномъ способѣ доказывать качество вѣрителя посредствомъ бумаги на предъявителя. Воспользоваться этимъ средствомъ можетъ несомнѣнно и тотъ, кто силой захватилъ бумагу, но не на это рассчитанъ институтъ, и это составляетъ лишь неизбежное послѣдствіе, неизбежное зло, въ общемъ результатѣ совершенно ничтожное сравнительно съ выгодами, которыя доставляетъ институтъ, неизбежное послѣдствіе именно облегченнаго способа доказывать. Въмѣсто одного процесса мы имѣемъ новидимому два. И въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстныхъ условіяхъ процессъ о владѣніи не будетъ исключать процесса о собственности. Искъ изъ стипуляціи также не исключаетъ кондикціоннаго процесса. Но это только одна возможность. Расчлененіе двухъ процессовъ расчленила вовсе не на то, чтобы они оба всякій разъ имѣли мѣсто, а совершенно на оборотъ—на то, чтобы въ одномъ простѣйшимъ образомъ разрѣшался весь вопросъ окончательно. Только въ учебникахъ искъ петиторный и possessорный, искъ изъ стипуляціи и идущая на встрѣчу ей кондикція являются какъ двѣ равныя возможности. Въ практикѣ, тамъ гдѣ расчлененіе вопросовъ правильно проведено, въ массѣ случаевъ possessorium рѣшаетъ весь споръ, искъ изъ стипуляціи оканчиваетъ весь вопросъ объ обязательствахъ.

цессъ.— Но такъ-ли же выгодно поставленъ въ этомъ отношеніи вѣритель? Конечно нѣтъ, и единственный путь, который открыть для него, есть путь судебной защиты. Такимъ образомъ вѣритель всегда и необходимо подвергается тѣмъ опасностямъ, которыя связаны съ процессомъ. Но, съ другой стороны, выгода его положенія состоитъ въ томъ, что онъ заранее знаетъ, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло. Поэтому для него открыта возможность заранее поставить такъ вопросъ о своемъ правѣ, чтобъ онъ наименѣе подвергался той или другой изъ двухъ выше указанныхъ опасностей, которыя связаны съ процессомъ. Замѣтимъ сверхъ этого, что римское право не знало исполнительнаго процесса по взысканіямъ ¹⁾, и что взысканіе всегда должно было происходить съ участіемъ суда. Въ виду этихъ соображеній, намъ будетъ понятно, отчего въ Римѣ очень рано и весьма обширно развилась система своеобразныхъ способовъ обезпеченія вѣрителя отъ опасностей процесса.

Какъ эта цѣль достигалась воособенности въ контрактѣ *verbis*, въ стипуляціи? Мы сказали выше, что здѣсь обязательство имѣло силу независимо отъ *causa*, которою условливалось обѣщаніе должника (припомнимъ вышеприведенный нами *art. 1132. Cod. Napol.*, который совершенно вѣрно выражаетъ эту идею римской стипуляціи). Притязаніе вѣрителя являлось въ судѣ совершенно доказаннымъ, едва доказанъ этотъ простой составъ сдѣлки (*spondes-ne? — spondeo*), и при этомъ недопускающимъ никакихъ встрѣчныхъ притязаній, строго одностороннимъ. Въ этомъ заключается характеръ формализма и односторонности притязанія. Если бы отвѣтчикъ захотѣлъ противопоставить силѣ стипуляціи свое возраженіе, которое держится на какомъ либо материальномъ юридическомъ основаніи, то онъ самъ долженъ явиться истцомъ, самъ доказывать это материальное основаніе своего права. Права вѣрителя не должны

1) Мы не разумѣемъ здѣсь первоначальныхъ формъ защиты права.

подвергаться никакому умаленію, въ виду *возможныхъ* возраженій. Для этихъ цѣлей въ Римѣ существуетъ цѣлая система кондикцій, которыя направляются противъ всякаго вида переноса имущества на другое лицо безъ достаточнаго основанія, будетъ ли это передача вещи или установленія абстрактнаго обязательства.

Есть однако такія отношенія, которыхъ природа, повидимому, совершенно исключаетъ возможность односторонней постановки вопроса на точку зрѣнія права. Какъ обходилась практика въ этихъ случаяхъ? Какимъ образомъ обезпечивался исковой характеръ притязаній, положимъ, покупателя въ отношеніи къ продавцу въ связи съ соотвѣтствующими имъ обязанностями? Дѣло въ томъ, что римское право въ эпоху развитія формализма и здѣсь только путемъ противопоставленія двухъ правъ одного другому достигало тѣхъ цѣлей, которыя позже достигались иначе. ¹⁾ Надо было разложить сдѣлку на ея элементы, на два другъ другу противопоставленныхъ формальныхъ обязательства.

Мы подходимъ къ любопытнѣйшему явленію въ исторіи развитія римскихъ контрактовъ. Мы видѣли отчасти уже выше, что стипуляція могла имѣть своимъ предметомъ вовсе не одно только *dare*, но также и *facere*. Можно было въ отвлеченной формѣ обязаться на разнообразнѣйшія дѣйствія (*domum aedificari, navem fabricari, insulam fulciri, per te non fieri quominus mihi lre agere liceat* и проч.). Эта широкая пригодность давала стипуляція совершенно иное и несравненно болѣе обширное значеніе въ гражданскомъ оборотѣ, чѣмъ имѣетъ нашъ вексель.

1) Stahl, Rechtsphilosophie, II, 1870 г., стр. 513, говоритъ: es ist der Gedanke: nur das sind gerichtlich vollwirksame Verträge, welche ein reines unbedingtes Recht, nicht ein von Gegenverbindlichkeit abhängiges Recht erzeugen. Ein solcher ist die Stipulation, sie hat ihre innerste Bedeutung eben nur darin, das sie durchaus einseitige Forderungen erzeugt; denn wenn auch Gegenstipulation möglich ist, so ist doch ihr Erfolg nur der, dass zwei von einander ganz unabhängige Forderungen bestehen, nicht ein Band wechselseitiger Verpflichtung.

Въ виду этихъ свойствъ римскаго формализма и этой способности стипуляціи служить средствомъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, вся система римскихъ контрактовъ развивается совершенно оригинальнымъ образомъ, и долгое время въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ, по нашему разумѣнію, необходимо присутствуетъ элементъ взаимности, римская практика обходилась абстрактнымъ противопоставленіемъ двухъ отвлеченныхъ обязательствъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣже сдѣлки, которыя позже образовали собою самостоятельные исковые контракты, конструировались первоначально совершенно иначе. Мы постараемся показать это на отдѣльныхъ примѣрахъ.

Depositum имѣло мѣсто еще въ законахъ 12 табл., но иска, который имѣетъ мѣсто позже для соответствующаго контракта, вовсе еще не было въ эту пору. Искъ, которымъ преслѣдовалъ *deponent depositaria* былъ вовсе не *actio depositi*, а штрафной, направленный на *duplum* ¹⁾. Совершенно тоже слѣдуетъ сказать и объ *actio pro socio*, на которой еще при Цицеронѣ лежалъ тотъ-же штрафной характеръ ²⁾.

Въ отношеніи къ другимъ консензуальнымъ контрактамъ источники даютъ больше средствъ, чтобы опредѣлить ихъ возрастъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сдѣлки купли продажи посредствомъ передачи вещи и тутъ-же, *in continenti*, дѣны вещи имѣли мѣсто испоконъ вѣку, какъ онѣ непрерывно совершаются теперь. Но это однако вовсе не составляетъ консензуальнаго римскаго контракта, который мы разумѣемъ, когда говоримъ объ *emptio-venditio*. Тутъ вовсе нѣтъ сюраллагматическаго исковаго обязательства той и другой стороны, которое возникаетъ *solo consensu*, безъ всякихъ необходимыхъ

1) Ihering, *Schuldmoment*, Giessen, 1867 г.

2) Тамъ-же. Ср. еще Bekker'a, *die Aktionen*, стр. 145, примѣч. 33, стр. 149, прим. 48.

для установленія обязательства формъ. Что касается вопроса о времени происхожденія контракта *emptio-venditio* въ этомъ видѣ, то нѣтъ основательныхъ причинъ сомнѣваться, что его еще не зналъ Плавтъ ¹⁾. Съ еще большимъ правомъ тоже самое можно сказать и о *locatio-conductio* ²⁾.—Лабеонъ ставитъ всѣ консензуальные контракты на ряду, отмѣчая въ нихъ общую черту обязательства *ultra citroque*, ³⁾ что греки называютъ синаллагмой. Есть основаніе думать, что именно Лабеонъ и его школа приводили къ сознанію конструкцію этихъ двустороннихъ обязательственныхъ отношеній.

Что касается, наконецъ, *contractus innominati*, то ихъ образованіе, въ виду прежде опредѣлившихся *actiones praescriptis verbis*, должно быть отнесено именно во времени Лабеона, и окончательно синаллагматическій характеръ ихъ опредѣлился лишь во второмъ вѣкѣ императорской эпохи ⁴⁾.

И такъ очень долгое время въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы совершенно привыкли видѣть обоюдность правъ и обязанностей, Римляне обходились другими средствами, и главнымъ образомъ, формой односторонняго абстрактнаго обязательства.

Что-же, спросимъ мы, въ этомъ оригинальномъ явленіи обязательствъ, въ этой односторонней конструкціи отношеній, существенно двустороннихъ, не лежитъ ли, быть можетъ, нѣчто только въ римскомъ правѣ имѣющее мѣсто, нѣчто только римскому гению свойственное, и при томъ даже здѣсь нѣчто только извѣстной эпохѣ развитія права соответствующее?—Ни то, ни

1) Ср. Гиртаннера, *Stipulation*, стр. 353, также Беккера, который въ 53 году писалъ: *De emptio-venditione, quae Plauti fabulis fuisse probetur*, и теперь опять въ назв. выше сочиненія, стр. 148.

2) Ср. Гнейстъ, назв. выше сочин., стр. 140.

3) L. 19 D. de V. S.

4) L. 7 § 2 D. de pactis. 2. 12. Беккеръ, *Aktionen*, стр. 156. Гнейстъ, стр. 131—134, 142, 165—170.

другое.— Въ самомъ римскомъ правѣ эти явленія формализма продолжаютъ существовать и тогда, когда формализмъ и односторонность давно перестали составлять опредѣляющія черты въ характерѣ развитія права. Они продолжаютъ существовать, когда есть выборъ, когда нѣтъ неизбѣжной необходимости ихъ держаться. Для насъ достаточно указать одно мѣсто изъ нашего титула, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Юліанъ говоритъ объ обязательствѣ совершить извѣстныя наемныя дѣйствія, которое устанавливается посредствомъ стипуляціи, тогда какъ въ его время, конечно, здѣсь могъ имѣть приложение матерьяльный контрактъ, *locatio-conductio* ¹⁾.— А въ современномъ правѣ? И здѣсь точно также, не смотря на то, что есть полная возможность синаллагматическіе конструировать договоры,—они являются вовсе не въ этомъ только видѣ, и кто имѣетъ даръ правильнаго и точнаго наблюденія природы юридическихъ явленій, какъ Бэръ, тотъ открываетъ въ современномъ правѣ множество явленій совершенно соотвѣтствующихъ началамъ римскаго формализма. Разобшеніе элементовъ сложнаго отношенія, юридическая постановка ихъ въ извѣстную степень независимости одного отъ другаго представляетъ такія выгоды съ точки зрѣнія экономическаго оборота съ требованіями, что торговое право давно прилагаетъ этотъ способъ дѣйствія, вовсе не условленный необходимостью, а прямо расчетомъ. ²⁾.

Намъ осталось бы собственно очень не многое сказать о функціяхъ абстрактной стипуляціи, въ условіяхъ описаннаго нами формализма, для цѣлей делегаціи и новаціи, чтобы открыть себѣ путь къ объясненію самому простому и наглядному явленію корреляльнаго обязательства. Но если мы не хотимъ ограничивать строго нашей задачи одной основною формою корреляльности, если

1) L. 5 D. h. t.

2) *Ср. Jahrbüch. f. d. Dogmat.*, 1858 г., 3-ья тетр., стр. 418. Также Сальціуса, назван. выше сочин., § 37, гдѣ читатель найдетъ любопытные образцы такихъ стипуляцій въ сдѣлкахъ по сельскому хозяйству.

мы считаемъ полезнымъ съ этой точки зрѣнія показать еще дальнѣйшіе виды на послѣдующее. развитіе того-же явленія, то намъ необходимо остановить наше вниманіе на тѣхъ модификаціяхъ, которыя потерпѣла сама стипуляція въ своемъ послѣдующемъ развитіи.

Мы показали выше, въ видѣ примѣра, нѣсколько сдѣлокъ, въ которыхъ формальный контрактъ способенъ былъ въ извѣстной степени замѣнить собою позже развившуюся сюналлагму. Для этого были необходимы тѣ качества, которыя имѣла стипуляція. Но ея свойства однимъ этимъ не ограничиваются. Стипуляція способна, въ извѣстной степени, выразить въ себѣ и самую сюналлагму, двусторонность, обоюдность сдѣлки. Дѣло въ томъ, что римская техника допускала условія въ составъ стипуляціи, а это давало возможность ей еще болѣе широко захватить кругъ матерьяльныхъ отношеній, даже связать ихъ, когда не было иныхъ средствъ, кромѣ формальныхъ и косвенныхъ для этихъ цѣлей. Условная стипуляція, если условіемъ было выполненіе того дѣйствія, которое собственно заключало въ себѣ скрытую матерьяльную основу обѣщанія, составляла первый шагъ къ матерьялизированью контракта ¹⁾. Удобство осложнять такимъ образомъ по существу своему простой словесный договоръ представляла письменная форма, въ которую стали очень часто облекать стипуляцію уже во время Циперона ²⁾. Но не должно отсюда заключать, чтобъ письмо принадлежало къ существу сдѣлки; это только средство доказательства; договоръ продолжаетъ всё-таки быть словеснымъ, и искъ изъ такой сдѣлки имѣетъ всѣ свойства строгаго иска.

1) *Centum dare spondes, si equum dederim? equum dare spondes, si centum dederim?* Мы не говоримъ здѣсь о множествѣ сочетаній, которыя дѣлала возможными условность, напр. съ цѣлью обеспеченія взыскапія. Извѣстно тоже, что условіе не рѣдко ставилось такъ, что прикрывало собой злоупотребленія, подкупъ: обѣщаетъ ли, если N будетъ консуломъ.

2) Эту сторону вопроса особенно разрабатывалъ Гнейстъ, см. стр. 239—258 и слѣд.

Другой шагъ къ видоизмѣненію формальной и односторонней природы стипуляціи составляло (совершенно соотвѣтственно развитію частей исконой формулы въ преторской практикѣ) присоединеніе къ ней *clausulae doli*. Съ этимъ вмѣстѣ тотъ простой процессъ, изъ котораго выдѣлялись всѣ встрѣчныя притязанія въ особые иски, уступалъ мѣсто комбинаціи нѣсколькихъ притязаній, которыя лишь въ совокупности условливали собой кондемнацію. ¹⁾

Наконецъ—и это несомнѣнно самый рѣшительный шагъ въ процессѣ материализованья стипуляціи—она является со включеніемъ въ нее каузальнаго момента. Это *stipulatio adjecta causa*. ²⁾ Здѣсь содержаніе стипуляціи можетъ совершенно совпасть съ материальнымъ контрактомъ: я обещаю уплатить 100 за купленный мною хлѣбъ. *Causa* перестаетъ составлять нѣчто особо отъ контракта стоящее, сливается съ нимъ и входитъ въ единство понятія цѣны за купленную вещь, стало быть вовсе теряетъ характеръ абстракціи. Сальпусъ называетъ такія стипуляціи материальными. Искъ, отсюда возникающій, есть все-таки *actio stricti juris*. Если къ этому присоединялась *clausula: dolum malum abesse abfuturumque*, то судья долженъ былъ, какъ при соотвѣтствующемъ присоединеніи такой статьи къ формулѣ, принять во вниманіе всѣ въ основѣ одѣлки лежащіе виды и намѣренія сторонъ.

Эти модификаціи, конечно, лишаютъ стипуляцію той примѣнимости къ разнообразнымъ функціямъ, къ которымъ она способна въ своемъ первоначальномъ, чистомъ видѣ. Онѣ приражаютъ ее къ извѣстной материальной цѣли, такъ сказать локализируютъ ее. Но намъ необходимо прослѣдить этотъ процессъ преобразованія стипуляціи, ибо въ немъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражаетъ-

1) Ср. L. 53 L. 56 § 4 L. 119 D. de V. O.

2) Въ разъясненіи этой стороны вопроса заключается одна изъ главныхъ заслугъ Сальпуса. Сальпусъ формулируетъ свое ученіе о природѣ стипуляціи коротко такъ: абстрактность есть только факультативное свойство стипуляціи.

ся всеобщій склонъ права отъ прежняго формализма, абстракціи, обобщенія, къ послѣдующему индивидуализирующему, безформенному выраженію юридической идеи.

Если прежде отвлеченная стипуляція замѣняла собою множество позже развившихся контрактовъ, то теперь эти контракты конкурируютъ съ ней и въ свою очередь отражаютъ на ней свои черты. Ступени, которыя проходитъ стипуляція въ этомъ направленіи, дѣлаютъ переходъ едва замѣтнымъ, и только направленіе движенія ясно. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Я промиттирую *centum dare dotis nomine*. Это—стипуляція *adjecta causa*, ибо дѣйствіе ея наступаетъ лишь тогда, когда наступитъ матерьяльная основа обязательности,—здѣсь бракъ. Такая прибавка очень ясно локализируетъ ¹⁾ стипуляцію. Она перестаетъ уже быть годной для всѣхъ тѣхъ функций, для которыхъ родится простое общеніе. Но ея первоначальная природа еще совершенно видна. Но если въ стипуляцію вводится ²⁾ все содержаніе матерьяльнаго контракта, или если въ одномъ письменномъ актѣ съ характеромъ взаимной условленности (*reciprocität*) являются оба элемента матерьяльнаго контракта въ формѣ двухъ стипуляцій, если къ этому приединена еще *clausula doli*,—то въ такой описательной стипуляціи, можно сказать, сглаженъ совершенно весь ея подлинный характеръ, и она становится тѣмъ-же, чѣмъ былъ бы самый матерьяльный контрактъ. Гдѣ здѣсь граница между понятіемъ матерьяльнаго контракта и этой сложной, описательной стипуляціи,—трудно сказать. ³⁾ Первоначально, конечно, ея

1) Мы позволяемъ себѣ употреблять это выраженіе, ибо кажется смыслъ его ясенъ, и оно избавляетъ насъ отъ другихъ, описательныхъ оборотовъ.

2) *In stipulationem deducere*—совершенно также какъ *in iudicium deducere, stipulatio demonstrat*. Cp. L. 62 D. 12. 6. L. 125 de V. O. *Quaedam agantur.... ut in stipulatione* L. 19 D. de V. S. *Aulus Agerius* и *Numerius Negidius* въ стипуляціи L. 18 § 1 D. 46. 4.

3) Только въ виду этого намъ кажется возможнымъ объясненіе извѣстнаго по своей трудности L. 9 pr. D. h. t.

можно обозначить тѣмъ, что въ контрактахъ *bonae fidei doli exceptio inest*, а здѣсь она должна быть именно выражена, но и этотъ признакъ терялъ практическое значеніе уже въ заключительныхъ фазисахъ развитія формулярнаго процесса, а позже тѣмъ меньше имѣлъ важности. Наконецъ у Юстиніана вся формальная обязательственная природа стипуляціи исчезаетъ вовсе, и плодомъ этого развитія является изуродованный текстъ Юлія Павла, въ которомъ читаемъ:

Si cautio indebite exposita esse dicatur, et indiscrete loquitur, tunc eum, in quem cautio exposita est, compelli debitum esse ostendere, quod in cautionem deduxit... 1)

Такимъ образомъ *cautio indiscreta*, абстрактно поставленное обязательство, не даетъ никакого основанія для иска, и если вѣритель хочетъ достигнуть своей цѣли, то онъ долженъ доказать существованіе инаго, материальнаго основанія обязательства. Весь циклъ превращеній совершился, стало быть, еще на римской почвѣ. Дѣйствіе, которое теперь имѣла стипуляція, есть такого-же рода, какое имѣетъ въ прусскомъ ландрехтѣ письменность, ставшая обыкновеннымъ условіемъ исковаго характера договоровъ. Въ письменный актъ вводится все содержаніе договора. Чистое обѣщаніе—я заплачу тебѣ 100—не станетъ однако исковымъ оттого, что будетъ облечено въ письменную форму. Обязывающая сила контракта связана съ его содержаніемъ, форма обеспечиваетъ ему только успѣшность его осуществленія въ смыслѣ легчайшаго способа доказывать. Одна черта стипуляціи, которую она удержала въ этой стадіи, — это прибавка въ концѣ тѣхъ словъ, которыя составляли реминисценцію ея прежняго значенія: *stipulatus est P. Maevius, sponondi ego L. Titius.* 2)

1) L. 25 § 4 D. de probat. 22. 3.

2) Ср. напр. L. 40 de R. C., впрочемъ форма безпрестанно встрѣчается въ источникахъ.

Этому преобразенію стипуляціи мы обязаны тѣмъ, что долгое время подлинная природа ея и всѣ ея функціи составляли тайну для современной науки. Юстиніановская компиляція сгладила и частью совѣмъ стерла слѣды ея прежняго формальнаго значенія въ богатыхъ остаткахъ классической литературы, которая должна была войти въ составъ сборника, приноровленнаго къ духу и потребностямъ позднѣйшей эпохи. Именно въ отношеніи къ стипуляціи императоръ самъ даетъ намъ свидѣтельство о томъ способѣ дѣйствія, которому слѣдовали редакторы относительно предлежавшаго имъ матерьяла:

Septimus autem et novissimus articulus Digestorum sex libris formatus est, quo de stipulationibus seu verborum obligationibus, et fidejussoribus, et mandatoribus, nec nonnovationibus, et solutionibus, et acceptilationibus, et de praetoriis stipulationibus omne, quod jus invenitur, gemino volumine inscriptum est, quod in libris antiquis nec numerari possibile fuit ¹⁾.

Это было сокращеніе и при томъ еще приноровленное къ практическимъ цѣлямъ. Понятна вся трудность, съ которой сопряжена задача возстановленія историческаго процесса развитія стипуляціи, и всё достоинство усилій стать въ правильное отношеніе къ матерьялу, различая въ немъ эти вѣковыя наслоенія, составляющія осадокъ совершенно различныхъ по своему духу эпохъ развитія права.

Гдѣ-же скрывалась абстрактная функція стипуляціи, пока позднѣйшее матерьялизирующее стремленіе не достигло своей цѣли въ юстиніановскомъ законодательствѣ? На это отвѣтъ даетъ исторія развитія займа (mutuum) въ ея послѣдующихъ стадіяхъ. Если фор-

1) Constit. Tanta § 8.

мальный контракт стоит вообще въ известномъ противоположеніи съ принципомъ матерьяльныхъ контрактовъ, то наименѣе это противоположеніе даетъ себя чувствовать въ отношеніи къ займу. Мы устранили выше вопросъ объ историческомъ происхожденіи формальнаго контракта изъ фингированнаго займа. Но этимъ мы не хотѣли сказать, что природа обоихъ контрактовъ не способна въ известной степени сближаться. Тамъ именно, гдѣ стипуляція является въ своей, если можно такъ выразиться, наиболѣе ходячей формѣ, т. е. гдѣ предметъ ея составляетъ опредѣленная сумма денегъ, гдѣ она ближе всего къ нашему векселю,¹⁾ тамъ именно она близко сходится и съ займомъ. Если этотъ матерьяльный контрактъ также станетъ обратно воздѣйствовать на стипуляцію, то они явятся вовсе не въ той степени противоположными, какъ при встрѣчѣ стипуляціи съ другими матерьяльными контрактами. Не тотъ или другой характеръ возьметъ необходимо верхъ, а оба характера, реальный и формальный сольются въ сдѣлкѣ до известной степени нераспознаваемости. Деньги сами по себѣ наименѣе способны индивидуализировать сдѣлку. Классики очень хорошо сознавали это противоположеніе обязательства на денежную сумму и на *reses*. Денежная стипуляція и денежный заемъ даютъ въ результатѣ обѣщаніе суммы. Матерьяльный (реальный) моментъ займа, если сдѣлка облекается въ форму стипуляціи, вовсе не даетъ себя такъ рѣзко чувствовать, какъ въ другихъ контрактахъ. Надо впрочемъ для этого, чтобы заемъ самъ въ извѣстной степени эманципировался отъ своей реальной основы, и этотъ процессъ дѣйствительно замѣчается въ исторіи римскаго права. Сначала *mutuum* есть только тогда, когда *ita a me tibi datur, ut ex meo tuum fiat.*²⁾ Отъ этого пер-

1) *Tytil* даетъ этой формѣ особое наименованіе *Summenversprechen*.

2) *Pr. I. 3. 14. L. 2 § 2 D. 12. 1.* Сальниусъ коротко проходить всѣ дальнѣйшія модификаціи реального момента займа, см. § 51. Мы укажемъ нѣкоторыя подробности.

воначальнаго типа, гдѣ для существа займа необходимъ реальный моментъ именно въ этомъ видѣ, — чтобы изъ моихъ денегъ стали твоя, — идутъ отклоненія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Мы отмѣтимъ главныя. Во первыхъ, — если и *не мои деньги* даны въ заемъ, то въ известныхъ условіяхъ все-таки будетъ заемъ. ¹⁾ Во вторыхъ, не надѣ необходимо, чтобы *деньги* именно составляли предметъ передачи отъ меня тебѣ, и все-таки заемъ возникаетъ. ²⁾ Въ третьихъ, — *не я буду передавать деньги и не свои*, а укажу заемщику на третье лицо, съ котораго онъ можетъ получить деньги, мнѣ слѣдующія, — и заемъ опять есть. ³⁾ Достаточно имѣть въ виду эти три ступени отрѣшенія займа отъ его реальной основы, чтобы убѣдиться въ известной степени безразличія того указанія, которое встрѣчается обыкновенно въ заемной стипуляціи, на принятіе денегъ отъ заимодавца. И такъ, если стипуляція формулирована въ слѣдующихъ словахъ:

L. Lucius scripsi me accepisse et accepi a P. Maevio C, et haec recte dari Kalendis futuris stipulatus est P. Maevius, sponendi ego L. Titius ⁴⁾

— то выраженіе et accepi a P. Maevio совсѣмъ не точно обозначаетъ реальный моментъ дачи денегъ, какъ это было въ первоначальной фазѣ развитія займа. ⁵⁾

1) L. 2, § 4 D. 12 1..... mihi actio adqviritur, licet me j nuni non fuerint.

2) Таково ученіе Ульпіана L. 11 pr. D. 12. 1. Старѣйшіе юристы были другаго мнѣнія.

3) L. 15. L. 32 D. 12. 1.

4) L. 40. D. eod.

5) Чтобы убѣдиться въ тѣсномъ соотношеніи реального и формального момента достаточно имѣть въ виду два слѣдующихъ текста: L. 7 D. 46. 2 и L. 2. C. 4. 2. Косвенный аргументъ, очень впрочѣмъ важный для истолкованія указаннаго выше спорнаго мѣста изъ Папиніана, L. 9 pr. D. h. t., можно извлечь еще изъ того, что Папиніанъ въ числѣ контрактовъ не называетъ

Сальпиусъ справедливо заключаетъ, что признаніе *scripti me accepisse* вмѣсто прежняго значенія матерьяльной основы обязательства сошло къ той же подчиненной роли, какую играетъ въ векселѣ показаніе валюты.

Вмѣстѣ съ этимъ, общее значеніе, которое имѣла *exceptio doli*, въ виду сужающагося примѣненія абстрактной стипуляціи (только на деньги, гдѣ и заемъ имѣетъ мѣсто), тоже опредѣлилось тѣснѣе въ видѣ *exceptio non numeratae pecuniae*. Искъ изъ стипуляціи не ассимилировался иску изъ займа, а на оборотъ, сохранилъ всю свою формальную природу, и если отвѣтчикъ хотѣлъ противопоставить ему возраженіе, основанное на отсутствіи реального момента, то долженъ былъ самъ это доказать.

Но однако, по мѣрѣ того, какъ въ поклассической эпохѣ матерьяльный моментъ бралъ верхъ надъ формальнымъ, значеніе стипуляціи и въ этомъ ограниченномъ примѣненіи все болѣе падало. Очень важный предшествующій шагъ въ этомъ направленіи составляла введенная при Александрѣ Северѣ давность для *exceptio non numeratae pecuniae*, что повело къ оригинальному явленію протестаціи о не послѣдовавшей дачѣ денегъ. Возможно, что въ основаніи закона лежали цѣли охра-

здѣсь *mutuum*, который такъ близко сходится съ природой формального обязательства, и въ этомъ заключалась причина, почему Папиніанъ не говоритъ о немъ особенно. Риббентропъ иначе объясняетъ это и усматриваетъ въ перечисленіи здѣсь матерьяльных контрактовъ только *exempli gratia* избранные виды. Приводимъ еще мѣсто изъ Ульпіана, которое къ сожалѣнію мы не отмѣтили въ примѣчаніи 27, на стр. 33, и котораго тоже не имѣетъ въ виду ни Фиттингъ, ни Сальпиусъ, хотя оно прямо относится къ вопросу. Это именно L. 7 § 7 D. 14. 6, гдѣ читаемъ: *proinde et si alius mutuam dedit, alius stipulatus est, dabitur adversus eum exceptio, licet hic non dederit. Sed et si alteruter eorum ignoravit (рѣчь идетъ о SC. Macedonianum, при чемъ кредиторъ не знаетъ, что заемщикъ filiusfamilias), in patris esse potestate se, verius dicendum est utriusque nocere. Idem est et in duobus reis stipulandi.*—Позже, особенно въ вопросѣ о прекращеніи обязательства, будетъ еще яснѣе сближеніе вербального и реального момента.

ненія правъ вѣрителя, ибо по истеченіи срока его искъ являлся съ характеромъ безспорнаго. Но за то до истеченія срока этой давности расширяющееся примѣненіе протестаціи тѣмъ рѣзче поражало всякую формальную силу стипуляціи и совершенно обратно затрудняло и осложняло роль истца въ процессѣ. Въ юстиніановскомъ правѣ, наконецъ, хотя искъ остается все еще искомъ изъ стипуляціи, но основу обязательства составляетъ не *verborum solennitas*, при чемъ и самыя слова—*stipulatus est Maevius, ego spondeo*—опускаются,—а *pomeratio*. Достаточно, если должникъ просто отрицаетъ ее,—и на истца ляжетъ вся тяжесть доказательства дѣйствительнаго существованія реальной основы займа. Такъ пропадаетъ всякій слѣдъ формальнаго значенія стипуляціи, и у Юстиніана это не болѣе какъ сосудъ, въ который вводится обязательство любого матерьяльнаго содержанія. Безъ этой матерьяльной основы формальное обязательство не имѣетъ никакой силы (Сальпиусъ § 50). Принимая терминологію Бэра, вся отрицательно формальная сторона, вся абстрактная сила ея угасла и сохранилась только чисто внѣшняя, положительнаго формальнаго ея природа.

Какой смыслъ этихъ превращеній природы формальнаго обязательства, такъ послѣдовательно проходящихъ предъ нашими глазами на пространствѣ дѣлаго тысячелѣтія? Какое значеніе имѣютъ эти историческія явленія съ общей культурной и въ особенности историко-юридической точки зрѣнія? Быть можетъ, въ этихъ широкихъ размѣрахъ поставленный вопросъ, никогда, особенно для изучающаго одну только сторону явленій, не найдетъ своего полнаго, всесторонняго разъясненія. Мы читаемъ въ исторіи стипуляціи съ начала одну изъ тѣхъ страницъ развитія явленій юридическаго міра, на которыхъ ясенъ слѣдъ первоначально слагающагося института, на которомъ отпечатлѣлся весь характеръ только-что побѣжденныхъ противоположеній, только-что успокоившейся борьбы. Право является съ характеромъ односторонней повелительной силы. Спорная территория только-что размежевана, и

границы видны со всей отчетливостью. Права вѣрителя несятъ на себя всю тяжесть правъ торжествующей стороны. Вопросъ объ обязательствѣ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ вопросу о собственности. Въ обязательствѣ вѣритель сохраняетъ тотъ автономическій характеръ, который свойствененъ собственнику. На этомъ строѣ обязательства видна вся энергія, съ которой въ эту пору ставятся вопросы права. Это не то охлажденное отношеніе къ защитѣ имущества, которое спокойно выдерживаетъ десятилѣтія спорныхъ состояній. Здѣсь необходимъ тотчасъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ, ясно и твердо поставленный сдѣлкой. Дѣло не въ одномъ только вѣрно разсчитанномъ механизмѣ сдѣлки и процесса. Способность расчета остается той же, или вѣрнѣе, становится лучшей и болѣе уточненной вмѣстѣ съ временемъ. Отчего же въ исторіи права мы видимъ вымирание такихъ формъ, которыя вѣрнѣе обеспечивали его осуществленіе, и замѣну ихъ менѣе совершенными? Причина лежитъ глубже, она заключается въ томъ, что право есть выраженіе моральныхъ силъ человѣка, и формы его составляютъ лишь внѣшнюю сторону явленія, въ нихъ только обнаруживается или избытокъ или скудость нравственной энергіи общества. Въ какой сферѣ права, въ частной, государственной, мы увидимъ тѣ или другіе признаки, — это не дѣлаетъ разницы: они не могутъ быть одними въ одной сферѣ и иными въ другой. Въ исторіи римскихъ обязательствъ, въ позднѣйшей эпохѣ, можно со всей ясностью прослѣдить это постепенное охлажденіе къ вопросу о защитѣ права, уступчивость и мягкость формъ проявленія юридической идеи. Нравственныя силы римскаго общества, очевидно, уходили изъ этой подлинной для римскаго гения области права въ другія сферы, и въ юстиниановской кодификаціи на правѣ вмѣсто прежняго характера борьбы лежитъ печать спокойнаго догматизма, достигнутыхъ результатовъ. ¹⁾

1) Мы подошли такимъ образомъ къ той точкѣ зрѣнія, къ сдѣлкѣ природы юридическихъ явленій съ ихъ внутренней, мораль-

Мы определяли такимъ образомъ понятие и строгое контракта *verbis*, прослѣдили его видоизмѣненія въ различныхъ историческихъ эпохахъ и въ общихъ чертахъ обозначили взаимодействие стимуляціи и матеріальныхъ

ной стороны, которую главнымъ образомъ определяетъ постановка вопроса въ этой новой плещѣ нѣмецкихъ юристовъ, гдѣ дуншія имена принадлежатъ Бирульфу, Шталю, Бару, Пегинг'у. У послѣднего исторія права не въ идеѣ только, а во всемъ живомъ драматизмѣ дѣйствительно является одной изъ сграницъ исторіи культуры человѣчества, однимъ изъ фазисовъ, въ которомъ мы наблюдаемъ дѣятельное состояніе человѣческаго духа. Пегингъ гораздо глубже, чѣмъ мы можемъ здѣсь слѣдовать за нимъ, слѣдитъ въ исторіи права за первыми проявленіями юридической идеи, всегда въ формахъ несравнимо болѣе суровыхъ и рѣзкихъ, чѣмъ въ послѣдствіи. Въ этомъ смыслѣ онъ найдетъ богатѣйшую аргументацію въ исторіи всякаго права. Тѣ формы юридическаго быта, которыя мы привыкли относить къ замрзнутой сферѣ наснаго права, совсѣмъ съ иными чертами доявились въ исторіи. Слѣды карадельнаго начала остаются долгое время въ римскомъ правѣ въ институтахъ новаго управленія всякій слѣдъ этого рода въ наказуемыхъ дѣяніяхъ. Выше мы имѣли слѣдній остановитъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ чертахъ этого рода. Двѣ небольшія брошюры Пегинг'а, знакомыя уже русской публикѣ и заслужившія совершенно ярко направленіе мыслей этого писателя, заслуживаютъ того, чтобы кругъ ихъ читателей въ Россіи расширился какъ можно дальще. Это несколько ученые труды по спеціальнымъ юридическимъ вопросамъ, сколько блестяще литературные очерки, въ которыхъ однако легко найти программу для задухъ самыхъ серьезныхъ въ научномъ и практическомъ смыслѣ. Господствующій мотивъ одной (*Das Schuldmoment im römisch. Privatrecht*, Gieseler, 1867) составляетъ симпатическая мысль о постоянномъ вымирании идеи наказанія въ исторіи права. Въ ней чрезвычайно много справедливаго и выдержаннаго въ историческомъ смыслѣ. Но духу автора родственна, повидимому, нѣсколько эта идиллическая сторона жизни, сколько ея драматизмъ, и поэтому его позднѣйшій очеркъ въ томъ же родѣ (*Der Kampf um's Recht*, Wien. 1872) дѣлаетъ несколько заслоняетъ прежнюю брошюру. Когда-то Баръ напоминалъ друзьямъ спокойнаго догматизма въ правѣ ту прославленную, которой никогда не забываютъ геологи и которая такъ часто вовсе уходитъ изъ головы у современнаго юриста, это мысль о постоянно дѣющимся творчествомъ едѣ, все равно, физическихъ, моральныхъ, которыми условливаются жизненные процессы въ области природы или въ области духа (*Jahrbuch. f. Dogmat.*, II B, 2 Heft).

контрактъ. Намъ остается сказать о тѣхъ *оборотныхъ функцияхъ*, для которыхъ абстрактное обязательство *verbis* служило средствомъ, и здѣсь, съ характеромъ взаимно объясняющихся одно другое явленій, мы

Простая идея, — которая однако открываетъ для юриста совершенно инныя сферы наблюдений. чѣмъ тѣ, которыхъ ищетъ догматикъ. Ничто не можетъ въ этомъ отношеніи такъ хорошо воспитать способность наблюдать и слѣдить за развитіемъ этой борьбы, какъ изученіе процессовъ образованія римскихъ юридическихъ (и политическихъ) институтовъ. Тамъ право никогда не являлось въ формѣ готовой догмы. Явленіе совершенно тождественное съ тѣмъ, которое мы и сейчасъ можемъ наблюдать въ англійскомъ правѣ. Въ Римѣ, въ классической литературѣ, этотъ законъ жизни пришелъ къ сознанію руководящихъ юристовъ, и отношеніе, въ которое ставитъ Юлій Павелъ понятіе права и понятіе догмы, есть то подлинное и истинное, которое обнаруживается болѣе или менѣе ясно, въ формѣ положительной или отрицательной (вымираетъ институтъ, ибо никогда не имѣлъ никакой связи съ жизнью и составлялъ только мертвую догму), всегда и вездѣ. *Non ex regula, loquitur юристь, jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat.* (L. 1. D. de R. I.).—Нравственная энергія, съ которой лицо, повидимому, относится только къ защитѣ *своего* права, необходимо отражается не на его только имущественной сферѣ (это ближайшій результатъ), а также на свойствахъ института. И вотъ именно эту сторону вопроса, защиту права, какъ общую нравственную обязанность, борьбу за право, какъ признакъ моральной силы людей, Phering дѣлаетъ въ названной книгѣ предметомъ своего анализа и изображенія. Интересъ вопроса, въ той широкой постановкѣ, которую далъ ему авторъ, независимо отъ сферы, въ которой происходитъ борьба, понятенъ для каждаго. Въ ближайшемъ отношеніи къ вопросу о природѣ обязательства, у Phering'a, въ виду падающей моральной энергіи воли, снова оживаетъ идея штрафа за невыполненіе договора, въ которой находитъ себѣ удовлетвореніе чувство личности, оскорбляемое легкомысленнымъ отношеніемъ къ обязательству. Любопытно, что тамъ, гдѣ право не есть мертвая догма, а живая моральная сила въ общежитіи, эта идея встрѣчается себѣ и въ наше время самое практическое выраженіе въ законѣ и въ способахъ дѣйствія суда. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Quarterly Review* (№ 271, January, 1874), въ статьѣ *The Despotism of the Future*, стр. 188, по поводу вопроса о нарушеніи договора между рабочими и нанимателями, пишущій юристь говоритъ прямо о карательныхъ послѣдствіяхъ, которыя въ Англии ведетъ за собою нарушеніе обязательства и приводятъ слова Sir

различимъ делегацию, новацию и корреалитетъ. Оба первыхъ понятія лишь въ послѣднее время разграничиваются съ полной отчетливостью. До тѣхъ поръ, пока послѣднюю цѣль изслѣдованія составляла догма юстиниановскаго права, — различіе обоихъ институтовъ не было ясно, и только въ послѣдніе годы, ¹⁾ благодаря исторической постановкѣ вопроса, не только различіе

George Jessel'a: it is a delusion to use the words civil and criminal in this connection (т. е. по отношенію къ различнымъ видамъ нарушенія обязательствъ); it has always been the custom in this country that every civil contract should be enforced by imprisonment in the last resort. Любопытно, что во Франціи, именно во время полнѣйшаго паденія моральныхъ силъ, родилась мысль объ отмѣнѣ по возможности всякихъ неприятныхъ послѣдствій несостоятельности для должника. — Мы обращаемъ здѣсь впрочемъ вниманіе не на карательныя послѣдствія несоблюденія обязательства, а на тѣ институты обязательственнаго права, которыми обеспечиваются права вѣрителя отъ процессуальныхъ опасностей или, ближе, отъ судебного произвола. Здѣсь хотя иначе, но несомнѣнно то же обнаруживается или энергія лица въ защитѣ права, которую знало римское право въ лучшую пору своего развитія, или упадокъ этой энергіи, который мы видимъ въ эпохѣ восточнаго цезаризма. Отвлеченное обязательство не есть у Юстиниана вовсе исковое. Необходимо всякій разъ, чтобы судъ самъ разсмотрѣлъ, есть ли въ данномъ случаѣ матерьяльное основаніе обязательности, какъ бы ни была ясно выражена воля должника принять его на себя. Аутономіи частной для этого мало, нужна аппробація судомъ моей способности зрѣло обсудить мой личный интересъ. Это, такъ сказать, презумція общей незрѣлости, которую всякій разъ надо стараться разрушить передъ судомъ. Выигрышь отъ такой судебной опеки всегда, конечно, на сторонѣ должника.

1) На русскомъ языкѣ мы имѣемъ сочиненіе Бернштейна, о делегации, которое сначала и вмѣстѣ съ тѣмъ ранѣе сочиненія Сальпиуса появилось на латинскомъ языкѣ. Далѣе, наиболѣе важные труды принадлежатъ Сальпиусу, котораго мы здѣсь будемъ держаться, Сальковскому и Рёмеру. Подробности смотр. въ любомъ изъ обширныхъ нѣмецкихъ учебниковъ, напримѣръ у Виндшейда подъ соотвѣтствующими рубриками. Критическая оцѣнка (имѣющая, впрочемъ, больше достоинство реферата) въ *Krit. Vierteljahrsschr.*, Band 8, zweites und drittes Heft, Band 9, viertes Heft (болѣе превратнаго и расчитаннаго на чувство досады сужденія о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ трудовъ, Сальпиуса и Сальковскаго — нельзя придумать).

самихъ институтовъ, но и различная конструкція ихъ въ разныя эпохи стала совершенно ясной. Понятнымъ образомъ на томъ и другомъ институтѣ должна была въ известной степени отразиться измѣняющаяся природа самой стипуляціи, и вмѣстѣ съ этимъ оба понятія пережили тѣ же превращенія, какія вообще переживало римское право; т. е. изъ первоначально чисто формальной природы они впоследствии все болѣе и болѣе вырождались, материализируясь и утрачивая такимъ образомъ всѣ черты, которыми опредѣлялась ихъ первоначальная роль. Новація и делегація составляютъ между прочимъ способы прекращенія корреального обязательства и поэтому ихъ долженъ каждый имѣть въ виду, изслѣдуя вопросъ о корреальности. Но независимо отъ этого мы даемъ имъ здѣсь мѣсто впереди анализа корреальности, потому что, по нашему мнѣнію, самое возникновеніе корреальной стипуляціи именно условлено тѣмъ дѣйствіемъ, которое имѣла новація въ цивильномъ правѣ. Затѣмъ, делегація представляетъ собою такую строго формальную функцію стипуляціи, что одно простое родство явленій способно дать ясность характеру формализма, которымъ главнымъ образомъ мы думаемъ объяснить и изслѣдуемое нами понятіе.

Выше было ясно, что отвлеченное отъ causa обязательство (ближайшимъ образомъ стипуляція ¹⁾) приобретаетъ въ гражданскомъ оборотѣ достоинство самостоятельнаго имущественнаго объекта, независимо отъ какой либо материальной его пробы. Этотъ характеръ стипуляціи получаетъ свое самое яркое выраженіе тамъ, гдѣ абстрактное обязательство служитъ средствомъ для делегацій.

Что такое delegatio? Понятіе делегаціи въ болѣе широкомъ смыслѣ, обнимаетъ всѣ случаи, въ которыхъ дѣйствіе съ юридическимъ характеромъ совершается по

1) Сальпиусъ разсматриваетъ и другую форму, контрактъ *liticis*. Мы будемъ дальше говорить только о делегаціи посредствомъ стипуляціи.

приказу (jussu) третьего лица. Такое действие зачисляется принимающему его, как действие самого приказавшаго, и въ то же время приказавшему, какъ имъ принятое.

Qui mandat solvi, ipse videtur solvere. ¹⁾

Quod jussu alterius solvitur, pro eo est quasi ipsi solutum esset ²⁾.

Ближайшимъ образомъ и въ смыслѣ болѣе тѣсномъ понятіе делегации есть тогда, когда приказанное дѣйствіе состоитъ въ установленіи обязательства. И такъ: по приказу А (delegans) третье лицо В (delegatus) обѣщаетъ (положимъ *verbis*) уплатить С (delegatarius) 100 рублей. Въ этомъ примѣрѣ дѣйствіе делегата (В), его *promissio*, есть чистый абстрактъ, не имѣющій никакого матерьяльнаго опредѣленія. *Causa* его заключается въ приказѣ делеганта (А); оно происходитъ *jussu alterius*. Въ основѣ приказа А лежитъ его отношенія къ В и къ С. Классики не имѣютъ техническихъ наименованій для того, чтобъ обозначить то и другое отношеніе. Въ новое время *Thöl* ³⁾ употребляетъ для обозначенія отношенія делеганта къ делегатару (А къ С) терминъ *Deckungsverhältniss*, а для обозначенія отношенія того же делеганта къ делегату (А къ В)—выраженіе *Valutaverhältniss*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ

1) L. 56 D. de solut. 46, 3.

2) L. 180 de R. J. Понятнымъ образомъ мы возможно скажемъ и приносимъ къ нашей цѣли излагаемъ здѣсь содержаніе ученія, которое вовсе этимъ не исчерпывается. При этомъ мы позволяемъ себѣ нѣкоторыя видоизмѣненія въ виду справедливыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Сальціусу критикой. Кто желалъ бы объять весь кругъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ явленіемъ, тотъ можетъ легко ознакомиться даже на русскомъ языкѣ съ делегацией по указанному выше сочиненію Бернштейна.

3) Профессоръ въ Гёттингенѣ, несомнѣнно одинъ изъ авторитетнѣйшихъ юристовъ въ Германіи, котораго тонкій практическій тактъ высоко цѣнится, учитель *Dering*'а.

каждомъ данномъ случаѣ приказъ делеганта дѣлается въ виду обоихъ такихъ отношеній. Если бы ихъ не было,—приказъ никогда не произошелъ бы или никогда не имѣлъ бы послѣдствій. ¹⁾ Въ чемъ же заключается содержаніе обоихъ названныхъ отношеній? Какъ материально опредѣлить, кто такое А въ отношеніи къ С, и тотъ же А въ отношеніи къ В?—А можетъ быть должникомъ С на сто и въ то же время вѣрителемъ В на такіе же сто. Это самый простой случай. Тогда А делегируетъ своего должника (В) своему вѣрителю (С), консумируетъ этимъ свое требованіе и погашаетъ свой долгъ. Но это только одна возможность. Совершенно также возможно, что А делегируетъ своего должника (В) лицу (С), которому онъ (А) хочетъ сдѣлать подарокъ, или которому онъ хочетъ конституировать приданое. Наконецъ возможно, что А приказываетъ своему должнику (В) обѣщать 100 кредита ради. Такимъ образомъ приказъ А могъ быть сдѣланъ въ виду любого содержанія его отношеній къ С, въ виду бывшаго долга (*solvendi causa*,—*causa praeterita*), съ цѣлью дара, кредита (*donandi, credendi causa, causa futura*).

Совершенно такое же разнообразіе материальнаго содержанія возможно и въ отношеніяхъ А къ В. В также могъ выполнить приказъ, имѣя въ виду уплатить свой долгъ делеганту (А), или желая ему оказать кредитъ, или наконецъ ради дара.

Если бы приказъ делеганта (А) делегату (В) исходилъ только въ виду долговыхъ отношеній, существующихъ между А и С, съ одной, и А и В съ другой стороны, то делегацию легко было бы смѣшать съ новацией, ибо на мѣсто прежнихъ обязательствъ (А былъ вѣрителемъ В и должникомъ С) становится новое (между С и В). Но дѣло въ томъ, что для делегации вовсе не нужны предшествующія именно обязательственныя отношенія. И именно этотъ признакъ, полнѣйшей не-

1) Это опять таже психическая необходимость сдѣлки, о которой говоритъ Вэръ по поводу отвлеченной отъ *causa stiipulacii*.

зависимости новаго обязательства отъ матерьяльнаго содержанія прежнихъ отношеній, и даетъ ей весь ея специфическій характеръ. Делегатъ (В) не можетъ возразить делегатару (С), что онъ вовсе не былъ долженъ делеганту, и поэтому не хочетъ уплачивать и ему по обязательству. Для делегации вовсе не требуется существованіе прежняго обязательства, и если его вовсе не было, то стипуляція все-таки имѣетъ силу. Она составляетъ совершенно самостоятельный имущественный объектъ, посредствомъ котораго совершаются тѣ же операціи, какъ и посредствомъ чистыхъ денегъ.

Смотря по тому, для какой цѣли установлено обязательство между В и С,—оно служитъ для уплаты, для даренія, для кредита совершенно такъ, какъ бы могли служить для этихъ цѣлей деньги. Делегатаръ не можетъ изъ несостоятельности должника (В) сдѣлать позже возраженіе противъ его силы, разрѣшающей прежнее обязательство, или устанавливающей новое. Онъ принявъ это обязательство въ уплату или дара ради, или ради кредита, и какимъ бы оно впослѣдствіи ни оказалось, уплата, кредитъ, даръ существуетъ независимо отъ этого. Актъ чисто формальный (абстрактное обѣщаніе уплатить) имѣетъ всю силу реальнаго дѣйствія.

Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ совершенно несомнѣнныхъ свидѣтельствъ источниковъ.

Solvit enim et qui reum delegat (L. 8 § 3 D. 16. 1.). Verbum exactae pecuniae non solum ad solutionem referendum est, verum etiam ad delegationem (L. 187 de V. S.).

Qui debitorem suum delegat, pecuniam dare intelligitur, quanta ei debetur. Et ideo si fidejussor debitorem suum delegaverit, quamvis eum qui solvendo non erat, confestim mandati agere potest (L. 18. D. 46. 1).

Si non debitorem quasi debitorem delegavero creditori meo, exceptio locum non habebit, sed condictio adversus eum, qui delegavit, competit. (L. 13. D. 46. 2).

Юлій Павелъ указываетъ и причину явленія: *quia bonum nomen facit creditor, qui admittit debitorem delegatum* (L. 26 § 2 D. 17. 1.).

Полнѣйшая независимость отъ всякихъ матерьяльныхъ моментовъ достигается въ этомъ явленіи можно сказать своего вѣнца, своей высоты, которая поражаетъ насъ тѣмъ болѣе, что дѣйствіе сдѣлки, сила ея, *vis ac potestas*, является одновременно отрѣшенной съ двухъ сторонъ отъ своихъ естественныхъ сопряженій, — отъ матерьяльной основы, по которой она возникла, — отъ матерьяльныхъ послѣдствій, которыя она за собой повлечетъ. В потому обязался заплатить 100, что считалъ себя должникомъ А. Между тѣмъ онъ не былъ долженъ, но сила его обѣщанія (стипуляціи) отъ этого ни малѣйшимъ образомъ не терпитъ. С принялъ обѣщаніе, потому что считалъ В за состоятельнаго человека. Оказалось, что у него ничего нѣтъ. Все равно, приданое, которое С принялъ въ этомъ видѣ, есть настоящее приданое, *quia bonum nomen facit creditor qui admittit debitorem delegatum*. Всѣ возможные болѣзненные элементы (*vitia*) сдѣлки выдѣлены, чтобъ сохранить за ней силу юридически, формально рѣшающаго акта, независимо отъ всякихъ возможныхъ соображеній матерьяльнаго характера. Здѣсь, можно сказать, абсолютизмъ воли достигаетъ своего послѣдняго предѣла. Судья обязанъ безусловно выполнить то, что есть въ сдѣлкѣ, ¹⁾ и только это. Въ кругъ его юрисдикціи не входитъ обсужденіе моихъ намѣреній, опредѣленіе ихъ свойства, ихъ квалифікація, — и также, съ другой стороны, годности дѣйствія для извѣстной цѣли. Почему я дѣйствовалъ такъ, какой результатъ отсюда получится, — для этого достаточно *mei* способности судить и рѣшать. Институты цивильной

1) Въ сдѣлкѣ скрыта тоже формальная сила какъ въ *judicat* ср. L. 11 D. 44. 1. L. 6 D. 44. 2.

системы рассчитаны на мѣрку бодрого и трезваго характера. Jus civile vigilantibus scriptum est ¹⁾.

Чтобъ оцѣнить выгоды этой отвлеченной постановки сдѣлки, надо возвратиться къ понятіямъ, которыя были разъяснены выше. Здѣсь законъ юридической экономіи выражается еще очевиднѣе, ибо одна сдѣлка, одно слово разрѣшаетъ и создаетъ одновременно нѣсколько другихъ сдѣлокъ или отношеній.

Быль ли однако этимъ формальнымъ закаломъ института прегражденъ путь къ раскрытію матерьяльной истины? Совѣтъ нѣтъ. Намъ пришлось бы здѣсь опять повторить то, что мы говорили выше по поводу простой стипуляціи. Всѣ встрѣчныя притязанія должны были отыскивать себѣ особый путь, не условливая этимъ вовсе формальной силы уже состоявшагося акта (ср. выше L. 13 D. 46. 2).

Здѣсь, въ этомъ чистомъ видѣ, делегацію нельзя смѣшать съ новаціей. Это на квитъ идущая операція. Это тоже, что уплата чистыми деньгами.

Есть ли, далѣе, этотъ способъ делегировать единственный возможный въ римской практикѣ? Нѣтъ, делегація можетъ произойти tuo periculo, т. е. я, делегатарь, могу принять обѣщаніе делегата на страхъ делеганта. ²⁾

Наконецъ, делегація является кромѣ этой простой формы, еще въ иномъ видѣ. Сальпіусъ отличаетъ ее отъ первой названіемъ *титულიрованной*.

Понятіе титулированной делегаціи мы имѣемъ тогда, когда стипуляція между делегатомъ (B) и делегатаромъ (C) идетъ не прямо на сумму, не отвлеченно опредѣляется, а относительно. При этомъ такое опредѣленіе свое она можетъ получить или изъ отношеній между A и C (Deckungsverhältniss), или изъ отношеній между A и B (Valutaverhältniss). C стипулируетъ отъ B въ такой формѣ: Qvod mihi Sejus (A) debet, — dare

1) Слова Сцеволы L. 24 in fine D. 42. 8.

2) L. 45 § 7 D. 17. 1.

spondes? 1) Точно также относительно будет формулирована стипуляція если, обращаясь къ В, С спросить: *Quod Sejo (A) debes, — mihi dare spondes?*— Въ этихъ случаяхъ делегация дастъ въ результатѣ не отвлеченное обязательство, а связанное съ прежнимъ, условленное имъ, зависящее отъ него. Въ первомъ случаѣ происходитъ перемѣна должника: вѣритель (С) будетъ имѣть вмѣсто прежняго должника (А) новаго (В). Это римское понятіе *exromissio*, могущее имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ не было приказа. Во второмъ случаѣ происходитъ перемѣна вѣрителя: то, что должникъ обязанъ былъ заплатить вѣрителю А, онъ теперь обѣщаетъ уплатить другому вѣрителю С. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ настоящую титулированную делегацию, ибо здѣсь необходимъ приказъ. Достигается или совершается такая сдѣлка посредствомъ стипуляціи или *litis contestatio*.

Если новая сдѣлка поставлена въ такую связь съ прежнимъ обязательствомъ, то понятно, что должникъ можетъ новому вѣрителю противопоставить тѣ возраженія, которыя имѣли мѣсто при прежнемъ отношеніи, ибо онъ новому обѣщаль только то, что былъ долженъ старому, или только то, что былъ долженъ старый. Въ этомъ именно и заключается начало преемства, которое сближаетъ это явленіе съ явленіемъ новации при перемѣнѣ лицъ.

И такъ новый вѣритель принялъ обѣщаніе не прямо на сто, а на то что должникъ обязанъ былъ заплатить прежнему вѣрителю. Но, съ другой стороны, если онъ принялъ этотъ долгъ въ замѣнъ требованія съ делеганта, то это требованіе погасло какъ при чистой делегации.

Стало быть, въ каждомъ данномъ случаѣ, когда есть два обязательства, въ виду которыхъ совершается титулированная делегация, одно изъ нихъ прекратится по началамъ преемства, новации съ перемѣной лицъ, а другое по началамъ чистой делегации. Какое изъ двухъ

1) L. 75 § 6 de V. O.

прежнихъ обязательствъ подчинится тому и какое другому дѣйствию—это зависитъ отъ строенія новой стипуляціи. Въ первомъ изъ указанныхъ выше примѣровъ (*Quod mihi Sejus (A) debet, dare spondes*), новая стипуляція новируетъ прежній долгъ А (перемѣна должника, *expromissio*), и по началу чистой делегации погашаетъ долгъ делеганта (В) делегату (А). Во второмъ примѣрѣ (*Quod Sejo (A) debes, dare spondes*) долгъ делеганта (В) новированъ, а долгъ делеганта (А) погашенъ по началу чистой делегации (т. е. прямо уплатой).

Вотъ тѣ простѣйшія начала ученія о делегации, гдѣ стипуляція выполняетъ свою формальную функцію или въ формѣ абстрактной или въ формѣ относительной, которыя составляютъ результатъ новыхъ историческихъ изысканій. Наиболѣе характерной является, конечно, чистая делегация. Именно это понятіе было долгое время скрыто отъ вниманія современной науки, и другой, болѣе ясной причины недоразумѣнія, какъ та, на которую мы указывали выше, нельзя найти. Явленіе перестало быть понятнымъ даже въ позднѣйшую эпоху развитія римскаго права. Въмѣстѣ съ паденіемъ абстрактной силы стипуляціи оно утратило практическое значеніе уже въ кодификаціи Юстиніана. Тѣмъ болѣе чуждымъ оно должно было стать для современнаго сознанія, въ которомъ обязательство само по себѣ, независимо отъ его матерьяльнаго результата, не имѣетъ (въ общемъ правѣ) вовсе силы реальнаго совершенія. Принципъ современнаго германскаго права есть прямо противоположный этому старому римскому принципу. *Anweisung ist keine Zahlung*. Характеръ уплаты делегация получаетъ не потому, что *bonum nomen facit creditor, qui admittit debitorem delegatum*. Вопросъ этимъ еще вовсе не разрѣшенъ. Актъ воли подлежитъ повѣркѣ тѣми результатами, къ которымъ онъ приведетъ. Если результаты не будутъ подходящіе,—то и самый актъ ничего не значить. Способность лица судить и рѣшать безапелляціонно совсѣмъ не та, какою она была нѣкогда, въ римскомъ правѣ. Сдѣлки вовсе не имѣютъ рѣшительной силы *judicata*. Судъ иначе относит-

ся къ актамъ воли. Онъ всегда есть выше стоящій. Въ немъ есть тотъ элементъ вниманія, заботы, руководства, опеки надъ частными интересами, которой были совершенно чужды формы старой римской юридической практики, и съ тѣмъ, что мы называемъ состязательнымъ принципомъ процесса, мы вовсе еще не достигли того автономическаго характера гражданскаго оборота, который составлялъ основную черту системы римскаго формализма въ лучшую, конечно, пору его развитія ¹⁾.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о новации, въ которой съ особой яркостью выражается еще одна черта формализма, тоже въ высшей степени существенная для уразумѣнія условій, въ которыхъ развилось корреальное обязательство. Мы, абстрактнымъ образомъ опредѣляя эту черту, выразили бы ее такъ. Въ квинтиской системѣ нѣтъ актовъ, которые имѣютъ значеніе только попытки, только пробы, которая въ случаѣ неудачи можетъ быть повторена еще разъ. Всякое средство для цѣли есть единственное и окончательное, первое и послѣднее. Въ этой чертѣ получаетъ себѣ новое объясненіе то *odium*, съ которымъ относились во времена Гая къ прежнимъ исковымъ формамъ, и тотъ *timor*, то

1) Источники даютъ намъ возможность прослѣдить за постепенно измѣняющимся отношеніемъ позднѣйшаго сознанія къ этому духу стараго права. Гай говоритъ, что тѣ способы дѣйствія (*legis actiones*), въ которыхъ требовалась величайшая бдительность (*qui minimum errasset, — litem perderet*; такой-же характеръ имѣютъ нѣкоторыя формы англійскаго процесса), мало по малу *in odium venerunt*. Гай IV, §. 30. Позже Ульпіанъ объ одномъ изъ элементовъ стараго формализма свидѣтельствуетъ, что онъ внушалъ страхъ людямъ (*timor novationis*); впрочемъ юристъ успокоиваетъ на этотъ счетъ, ибо въ его время дѣйствіе новации было уже совсѣмъ иное, чѣмъ прежде: *frustra timetur novatio L. 2. pr. D. h. t.* Еще позже у Юстиніана нѣтъ уже влобы, пропаль и страхъ передъ обрядностью и силой старыхъ актовъ, и въ заглавіи всего мы слышимъ одинъ самодовольный смѣхъ надъ старой *subtilitas*, надъ этими *rhapismata injuriosa* и *circumductiones inextricabiles*, которыя соблюдались педантически въ старой практикѣ. Передовые люди (Цицеронъ) смѣялись и прежде надъ канторскими формуль.

опасеніе, которое внушало людямъ, по свидѣтельству Ульпіана, именно и воособенности *novatio*. Какъ этимъ способомъ, этимъ единствомъ пути для достиженія цѣли, легко и послѣдовательно предупреждалось повтореніе споровъ по тому же вопросу, непрерывность спорныхъ состояній (*ne bis in idem*)—это легко представить себѣ. Насилія формъ, абсолютизмъ ихъ существоваль, конечно, не для нихъ самихъ, а для цѣлей обеспечения права, и только средства эти были такого рода, что иное время скорѣе помирится съ любой болѣзнью, съ всеобщей неувѣренностью въ правѣ, съ безправіемъ, чѣмъ съ этими рѣзкими, рѣжущими ¹⁾ формами, съ этими юридическими *hegoica*.

И такъ въ чемъ заключалась *novatio*? Сальпіусъ, въ указанномъ сочиненіи, различаетъ двѣ эпохи въ ея исторіи. Границу между той и другой составляетъ время отъ Гая до Папиніана и его школы, болѣе опредѣленно—до Ульпіана. ²⁾

Для насъ пока особенную важность имѣетъ первоначальная эпоха въ исторіи новации, и мы на ней остановимся главнымъ образомъ, отмѣчая только отрицательные признаки позднѣйшаго развитія.

Понятіе новации по Ульпіану есть:

Prioris debiti in aliam obligationem.... transfusio atqve translatio.... ³⁾

Существо акта вовсе не предполагаетъ необходимо перемѣны въ лицѣ вѣрителя или должника. Это прежде всего кладетъ границу между понятіемъ новации и де-

1) Не можемъ при этомъ не припомнить словъ Теодора Моммсена, которыми онъ характеризуетъ римскія учрежденія. Если, говоритъ онъ, въ эту пору давались людямъ ножи въ руки, то эти ножи были острыми.

2) Предшествующая литература предмета особенно внимательно (иногда придирчиво, въ разныхъ мѣстахъ) у Сальковскаго, *Zur Lehre von der Novation nach römischen Recht*, 1866.

3) L. 1 pr. D. 46. 2.

легации. Что новаго можетъ и должна заключать въ себѣ *obligatio posterior*, — объ этомъ мы скажемъ позже. Теперь станемъ на ту точку зрѣнія, которую открываетъ Гай ¹⁾ на новацію, и которую Сальпиусъ принимаетъ за исходную для своего изслѣдованія.

У Гая *novatio* составляетъ способъ превращенія обязательства (*modus tollendi obligationem*). Какъ всѣ акты гражданского права, она дѣйствуетъ съ абсолютной силой, уничтожаетъ обязательство *ipso jure* (а не *ope exceptionis*). Средство для того, чтобы произвести новацію, составляетъ стипуляція (*contractus literis*, *expensilatio* не имѣетъ здѣсь приложенія).

Условия, при которыхъ новирующая стипуляція имѣетъ это дѣйствіе, суть слѣдующія:

1. Прежде всего для этого необходима стипуляція дѣйствительная, но исключительно въ формальномъ смыслѣ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы новирующая стипуляція была *stipulatio utilis*. Она можетъ оказаться тотчасъ вслѣдъ за своимъ возникновеніемъ вполне безсильной, но дѣйствіе свое, прекращеніе прежняго обязательства, она всё-таки совершила ²⁾.

Servius Sulpicius existimavit, statim et pendente conditione novationem fieri, et si defecerit conditio, ex neutra causa agi posse et eo modo rem perire ³⁾.

Позже это стало иначе, но и при этомъ всё-таки достаточно было, чтобы новая стипуляція была *utilis* только въ формальномъ, а не материальномъ смыслѣ.

2. Другое условіе новирующаго дѣйствія стипуляціи заключается въ томъ, чтобы объектъ ея былъ совершенно тождественнымъ съ объектомъ прежней стипуляціи. Это тождество въ старѣйшихъ формахъ должно быть

1) Гай, III, 168—181, II, 38, 39.

2) Известно, что такого рода формальное вліяніе оказываетъ и testamentum — повдѣйствіи въ отношеніи къ болѣе раннему.

3) Гай, III, 179 in fine.

ясно распознаваемымъ, прямо выраженнымъ въ словѣ; но однако никогда не требуется вводить въ новую стипуляцію все содержаніе прежняго обязательства. Наибольше типическую форму для выраженія этого тождества представляетъ относительное мѣстоименіе (quod) или съ характеромъ неопредѣленности (quidquid).

Quod ex causa conditionis dare facere oportet.

Quod ex testamento mihi debes.

Quidquid ex vendito dare facere oportet.

Quod Titio debes, dare spondes ¹⁾.

Вотъ два существенныхъ условія (о третьемъ позже) при которыхъ новирующая стипуляція получаетъ силу.—Въ чемъ-же заключается ея дѣйствіе? Это наибольше любопытная сторона вопроса.

Новая стипуляція уничтожаетъ въ старомъ правѣ прежнее обязательство вовсе не по началамъ платежа (datio in solutum); ея освобождающее дѣйствіе совершенно не зависитъ отъ ея обязывающей силы. Она составляетъ либерирующій, а не обязывающій актъ. Satisfactio не есть вовсе необходимое условіе для того, чтобъ прежнее обязательство исчезло. Въ этомъ выражается опять то чисто внѣшнее отношеніе, въ которомъ власть суда находилась въ эту пору къ содержанію сделки. Судъ разсматриваетъ одну формальную сторону вопроса. Все остальное составляетъ предшествующую

1) Такихъ примѣровъ можно привести массу изъ источниковъ. Римляне любили воособенности проводить стипуляціи на interesse, неопредѣленныя, по возможности къ определенной денежной суммѣ, чтобъ меньше подвергать себя опасности неправильной оцѣнки интереса судомъ. Такое обѣщаніе суммы полагало совершенно прежнее обязательство. In ejusmodi stipulationibus, говорить Венулей, quae, quanti res est, promissionem habent, commodius est certam summam comprehendere, quoniam plerumque difficilis probatio est, quanti cuiusque intersit, ist ad exiguam summam deducitur. L. 11 D. 46. 5.

заботу каутелярной юриспруденціи¹⁾, умѣвшей съ помощью немногихъ формъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ гражданского оборота.

Вотъ какимъ образомъ въ отдѣльныхъ моментахъ развивается понятіе объ новации, какъ способъ прекращенія обязательства въ цивильной системѣ. Это выраженіе опять той-же чергы стараго права,—что двухъ средствъ не нужно для достиженія одной цѣли, достаточно одного; а какое это средство—объ этомъ всего лучше судятъ тѣ, которые къ нему обращаются. Первое и необходимое дѣйствіе новации есть, стало быть, консумція прежняго обязательства. Другое, возможное послѣдствіе ея, есть *satisfactio*.

Размѣръ дѣйствія новации опредѣляется въ это время той формой (относительной), которая есть необходимая. Если нѣсколько обязательствъ должно быть погашено посредствомъ новации, то образцомъ для такого акта можетъ служить извѣстная Аквиліева формула (*stipulatio Aquiliana*), которую цѣликомъ, со всѣмъ ея стариннымъ характеромъ,²⁾ сохранилъ Флорентинъ:

*Quidquid te mihi ex quacunque causa dare
facere oportet, oportebit, praesens in diemve,*

1) Извѣстно, что отношеніе количества судей къ числу юристовъ въ Римѣ было очень неблагоприятное для первыхъ. Точно также теперь въ Англіи мало органовъ суда и много юристовъ. Есть цѣлые классы людей, неимѣющихъ никакого служебнаго положенія и играющихъ самую видную роль въ задачахъ охраненія права. Такие люди достигаютъ часто очень высокаго значенія въ юридическомъ мірѣ, и Warren (*The popular and practical introduction to law studies*) сравниваетъ одного изъ своихъ conveyancers даже не съ Палиніаномъ, а прямо съ Ньютономъ. Иное количественное отношеніе, обратное, много судебныхъ мѣстъ и мало юристовъ, составляетъ остатокъ стараго порядка вещей, при чемъ и принципъ несмѣяемости тоже легко приобретаетъ старинный характеръ: мѣсто закрѣпляется за лицомъ. Послѣдствія могутъ быть неожиданныя. Нѣкоторыя данныя изъ названной книги выбралъ Gundermann, въ небольшой книжкѣ: *Richteramt und Advokatur in England mit Vergleichung continentaler Zustände*, München, 1870 г.

2) Быть можетъ съ нѣкоторыми добавками.

quarumque rerum mihi tecum actio, quaeque adversus te petitio, vel adversus te persecutio est eritve, quod ve tu meum habes, tenes, possides, quanti quaeque earum rerum res erit, tantam pecuniam dari stipulatus est Aulus Agerius, spondit Numerius Negidius ¹⁾).

Мы выше оставили безъ вниманія еще одно условіе, которое считается необходимымъ для того, чтобъ произошелъ эффектъ новаци. Оно состоитъ въ томъ, что новирующая стипуляція должна заключать въ себѣ aliquid novi, для того чтобъ произвести свое дѣйствіе. Это требованіе выражено источниками неоднократно и въ отрицательной и въ положительной формѣ. Прежде всего на это требованіе указываетъ Гай:

Sed si eadem persona sit a qua postea stipuler, ita demum novatio fit, si quid in posteriore stipulatione novi sit, forte si conditio, vel sponsor aut dies adjiciatur vel detrahatur ²⁾).

Тоже самое выражаетъ Помпоній, говоря: Qui bis idem promittit, ipso jure amplius quam semel non tenetur ³⁾).

Что, однако, означаетъ это требованіе чего либо новаго въ послѣдующей стипуляціи? Когда это условіе есть на лицо и когда его нѣтъ? Гай, въ выписанномъ текстѣ, очевидно не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ, когда стипуляція заключаетъ въ себѣ нѣчто новое, и приводитъ только нѣкоторые въ видѣ примѣра. Помпоній выражаетъ слишкомъ абстрактно свою мысль, чтобъ мы могли извлечь изъ нея какое либо опредѣленное содержаніе для нашего вопроса. За то у Юстиніана, въ из-

1) L. 18 § 1 D. 46. 4.

2) Гай, III, 177.

3) L. 18 D. 45. 1.

вѣстной по своей трудности *L. ult. Cod. de novationibus* 8. 42., мы находимъ рядъ случаевъ, отчасти тождественныхъ съ перечисленными у Гаа, отчасти дополняющихъ это перечисленіе, въ которыхъ старыя юристы принимали новацию. Въ ряду этихъ случаевъ есть одинъ, очень различно толкуемый, который Юстиніанъ обозначаетъ такъ: *vel cautionem juniorum assererit*. Для насъ во многихъ отношеніяхъ важно правильно уразумѣть смыслъ этого выраженія. Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается ограниченіе слишкомъ общаго выраженнаго правила Помпонія и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ на вопросъ: будетъ или не будетъ имѣть мѣсто новация, если между тѣми-же лицами, о томъ-же, и опять въ формѣ абстрактной стипуляціи состоится новая стипуляція? Мы отвѣчаемъ—новация и при этихъ условіяхъ будетъ имѣть мѣсто, ибо ею опредѣлится новое *datum* обязательства, а это, какъ мы увидимъ позже, обстоятельство въ высшей степени важное.

И такъ, хотя новая стипуляція составляетъ лишь буквальное повтореніе старой, новация можетъ имѣть мѣсто въ виду того, что *cautio* становится вслѣдствіе этого младшею, послѣдующею, позднѣйшею (*junior, posterior, sequens*). Мы не имѣемъ надобности разсматривать здѣсь различныя возможныя послѣдствія измѣненія *datum* акта, напр. для дѣйствія *exceptio non numeratae pecuniae*, для *purgatio poenae*, но констатировать это явленіе въ системѣ формализма мы считаемъ необходимымъ для нашихъ дальнѣйшихъ изысканій.

Сальпиусъ совершенно иначе объясняетъ разсматриваемое нами свидѣтельство Юстиніана, и мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ почтенный ученый не совершенно вѣренъ самому себѣ. Подлежащій текстъ закона заключаетъ въ себѣ перечисленіе случаевъ, въ которыхъ *veteres jurisconsulti* презумировали намѣреніе лицъ новировать обязательство. Всѣ эти случаи взяты изъ старой практики, гдѣ они имѣли значеніе не презумцій только, а формально дѣйствующихъ способовъ новировать. Юстиніанъ говоритъ:

Novationum nocentia corrigentes volumina et veteris juris ambiguitates resecantes sancimus, si quis vel aliam personam adhibuerit, vel mutaverit, vel pignus acceperit, vel quantitatem augendam vel minuendam esse crediderit, vel conditionem seu tempus addiderit vel detraxerit, vel cautionem junio-rem acceperit, vel aliquid fecerit, ex quo veteris juris conditores introducebant novationes...

Сальпиус непременно хочет, чтобы здесь cautio означала позднейшую, в письменную форму облеченную, материальную стипуляцію (стр. 261); между тем доказать это нѣтъ никакой возможности. Volumina nocentia, veteris juris conditores, veteris juris ambiguitates не могутъ быть относимы ко времени, не задолго предшествующему Юстиніану, хотя справедливо, что онъ употребляетъ часто названіе veteres jurisconsulti о ближайшихъ къ его времени практикахъ, но не въ этой связи и не въ этой совокупности признаковъ старой юриспруденціи.

Непослѣдовательность Сальпиуса заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ принимаетъ новирующее (въ смыслѣ консумціи, а не сатисфакціи) дѣйствіе litis contestatio, не находя при этомъ, чтобы тутъ для новаціи было необходимо aliquid novi въ смыслѣ Гаия и Помпонія.

Даже больше, Сальпиусъ объясняетъ самое возникновеніе практики съ новаціей для цѣлей консумціи прямо изъ процесса и въ этомъ существенно расходится съ господствующимъ ученіемъ, согласно которому ходъ развитія былъ обратный. Мы совершенно раздѣляемъ въ этомъ отношеніи его образъ мыслей. Новація есть внѣпроцессуальная консумція, а не процессуальная консумція есть novatio necessaria (§ 25). Но въ такомъ случаѣ послѣдовательно мы должны принять новацію и тогда, когда для понятія aliquid novi достаточно одного только формальнаго измѣненія акта, въ

чемъ бы оно ни заключалось, хотя только въ томъ, что *cautio* станетъ *junior*.

Расчлененіе консумціоннаго и сатисфакціоннаго дѣйствія новации въ старомъ правѣ даетъ очень важныя практическіе результаты для вопросовъ самыхъ трудныхъ и спутанныхъ въ римскомъ правѣ. И такъ, если дѣйствіе новации можетъ быть только консумирующимъ въ *формальномъ смыслѣ*, безъ того, чтобъ мѣсто прежняго обязательства заступало новое, въ материальномъ смыслѣ дѣйствительное, то отъ прежняго обязательства должно оставаться извѣстное *residuum*, *obligatio naturalis*, и вслѣдствіе этого залоги, которыми обеспечивалось осуществленіе стараго обязательства, остаются въ силѣ, не смотря на формальную консумцію.

Прямое указаніе на это даетъ L. 13 § 1 D. 16. 1, гдѣ читаемъ:

De pignoribus prioris debitoris non est creditori nova actione opus, quum qvasi Serviana, qvae et hypothecaria vocatur, in his utilis sit, quia verum est, convenisse de pignoribus, nec solutam esse pecuniam.

Все значеніе этого результата различенія обоихъ понятій мы будемъ имѣть случай вполне оцѣнить лишь впослѣдствіи.

Въ какомъ-же видѣ представляется дальнѣйшее развитіе новации, въ ту пору, когда основная черта стараго права, это непремѣнное единство и исключительность опредѣленнаго юридическаго средства для извѣстной юридической цѣли, уступила мѣсто другимъ явленіямъ, двойственности, многообразію путей, которыми можно было достигнуть того-же или почти того-же результата? Въ какомъ видѣ является новация тамъ, гдѣ вовсе не формальные элементы суть опредѣляющіе въ правѣ, гдѣ, напротивъ, на формы, на ихъ недостатокъ, на ихъ неполноту смотреть сквозь пальцы, *conniventibus oculis*, по выраженію Ульпіана ¹⁾, гдѣ судья дол-

1) L. 4 § 1 D. 40. 1.

женъ имѣть въ виду *petitio substantiam, quam opinio-*
nem, ¹⁾ гдѣ материальная, а не формальная истина есть
рѣшающая, ²⁾ гдѣ короче, выражаясь словами Юстини-
ана, цѣль институтовъ въ томъ, чтобы *latitudo vo-*
luntatis contrahentium не стѣснялась *propter nimi-*
am subtilitatem verborum ³⁾?

Поставляя въ этомъ распространенномъ видѣ во-
просъ, включая въ немъ и всѣ элементы отвѣта, мы ко-
нечно тѣмъ короче хотимъ покончить съ нимъ въ даль-
нѣйшемъ. Намъ нельзя здѣсь, не теряя изъ виду глав-
наго предмета изысканія, слишкомъ пристально вгля-
дываться въ эти второстепенной для насъ важности
каждыйшя модификации института.

О делегации мы сказали уже выше. Она такъ зате-
рялась у Юстиниана, что темерешніе нѣмецкіе ученые
едва могли розыскать слѣды ея послѣ того, какъ теорія
стипуляціи была окончательно разъяснена съ помощью
Гая.

Полный переворотъ въ ученіи о новации происхо-
дитъ въ эпоху позднѣйшаго классицизма, и главнымъ
дѣйствителемъ ея можно почитать Ульпіана.

Здѣсь прежде всего мы отмѣчаемъ основную черту
новаго права (см. выше) — непрерывную возможность
кумуляціи юридическихъ средствъ для одной цѣли. И-
такъ, изъ того, что обязательство новировано, — вовсе
не слѣдуетъ, чтобы оно исчезло, чтобы оно было консу-
мировано и не могло существовать рядомъ съ прежнимъ,
акцессорно. Это не есть вовсе въ цивильномъ смыслѣ,
какъ у Гая, *modus tollendi obligationem* ⁴⁾. Для того,
чтобы была въ данномъ случаѣ новирующая стипуляція,
необходимо присутствіе не формальныхъ только рекви-
зитовъ, а сверхъ того нуженъ *animus novandi*. Въ

1) L. 5 4 D. 46. 3 L. 2 § 2 D. 41. 4.

2) *Plus valet quod in veritate est, quam quod in opinione.* § 11
I. 2. 20.

3) L. 1 in fine C. 4. 11.

4) Хотя, какъ извѣстно, въ соответствующемъ приведенному
выше тексту Гая, въ легальныхъ институтахъ мы находимъ ино-

этомъ новомъ видѣ институтъ оказываетъ вліяніе на прежніе случаи новации, и позднѣйшая юриспруденція видитъ въ нихъ основанія лишь для того, чтобы предполагать, *презумировать* намѣреніе сторонъ новировать обязательство. Они сходятъ на степень презумцій, теряя такимъ образомъ свой прежній абсолютный характеръ.

Существеннѣйшее отличіе новации позднѣйшаго образованія относительно ея *дѣйствія* состоитъ въ томъ, что она не уничтожаетъ старое обязательство, а принимаетъ его въ себя (абсорбируетъ).

У Юстиніана новация имѣетъ мѣсто только тогда, когда стороны именно хотятъ новировать обязательство и всѣ *легалныя презумціи намѣренія* новировать отмѣняются. Это и составляетъ смыслъ очень спорной конституціи, которую находимъ въ L. ult. Cod. de novationibus. 8. 42: et generaliter definimus, voluntate solum esse, non lege novandum.

Вмѣстѣ съ этимъ область примѣненія новации крайне сужается. Для случаевъ, гдѣ она происходитъ между тѣми же лицами, ея значеніе сводится къ простому признанію. Либерирующее дѣйствіе, съ характеромъ платежа, наступаетъ лишь тогда, когда новое обязательство есть матерьяльно дѣйствительное.

Для случаевъ съ переменной лицъ, именно вѣрителей,—ее вытѣсняетъ всё далѣе развивающійся институтъ цессіи.

Новация съ переменной должника въ новыхъ условіяхъ освобождала прежняго должника только тогда, когда этого именно хотѣлъ вѣритель, иначе новое обязательство акцессорно присоединялось къ старому. Во всякомъ случаѣ новый должникъ могъ воспользоваться тѣми же возраженіями, которыя можно было противу-

го тождественнаго § 3 L. 3. 29. Объ animus novandi Гай впрочемъ ничего не знаетъ (ср. III § 176—179 и Сальпіуса § 32). Мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться, что Юстиніанъ въ своемъ руководствѣ часто изображаетъ институты не въ томъ именно видѣ, который они имѣли въ современной ему практикѣ.

поставить прежнему требованію. Признанія прежняго долга она не заключаетъ въ себѣ.

Вотъ всѣ тѣ результаты изученія природы стипуляціи и ея функцій, исторической и оборотной, которые намъ необходимо было сопоставить, чтобъ открыть себѣ путь къ объясненію первоначальной и основной формы, въ которой возникло корреальное обязательство. Съ помощью сдѣланнаго нами здѣсь очерка мы гораздо скорѣе и легче придемъ къ анализу сложнаго явленія, чѣмъ взявшись прямо за него, какъ это дѣлали предшествовающіе изслѣдователи. Независимо отъ этого, отмѣченныя нами главнѣйшія историческія видоизмѣненія природы стипуляціи сдѣлаютъ для насъ понятными не только первоначальную форму корреалитета, но и тѣ перемѣны, которыя испыталъ корреалитетъ позже, и наконецъ исчезновеніе пассивно-корреальныхъ обязательствъ вовсе въ системѣ юстиніановскаго законодательства.

ГЛАВА II.

УЧЕНІЕ О КОРРЕАЛЬНОЙ СТИПУЛЯЦИИ ВЪ СИСТЕМѢ ФОРМАЛИЗМА.

Все что мы излагали до сихъ поръ въ аналитическомъ порядкѣ, *всѣ черты формализма*, выражающіяся болѣе или менѣе ярко въ томъ или другомъ живомъ институтѣ цивильнаго права, представляютъ собою элементы, изъ которыхъ образовалось и то сложное юридическое отношеніе, которое мы наблюдаемъ въ корреальной стипуляціи. Только въ виду всѣхъ этихъ тоновъ картины формализма, *jus solenne* въ противоположность съ *jus praetorium* ¹⁾, корреалитетъ способенъ получить свое правильное освѣщеніе во всѣхъ историческихъ фазахъ развитія юридическаго отношенія, возникновеніе, длительность и прекращеніе.

1) L. 2 7 D. 50. 17.

Сводя къ крайнимъ результатамъ юридическаго анализъ, мы получаемъ слѣдующія главные черты, безъ совпаденія которыхъ, никогда само собой, естественнымъ образомъ, не могло бы возникнуть то сочетание обязательствъ, которое представляетъ собою коррелятивная стимуляція:

1) решающее значеніе слова въ сдѣлкѣ, *verborum solemnitas*, при чемъ съ формальной точки зрѣнія совершенно понятна необходимость непосредственнаго участія вступающихъ въ обязательство лицъ въ совершеніи договора;

2) характеръ односторонности притязаній, со ставляющій главную черту сдѣлокъ и процесса, при чемъ всѣ встречныя притязанія должны быть выдѣлены и самостоятельно поставлены;

3) абстрактный характеръ сдѣлокъ, отрѣшенность, независимость силы сдѣлки, ея дѣйствія, отъ матеріальной ея основы (*causa*);

4) формальная консумція прежняго обязательства (*prior obligatio*) послѣдующимъ (*obligatio posterior*), хотя бы стороны не имѣли намеренія именно произвести новачію (*animus novandi*);

5) способность одного обязательства прекращать *vi solutionis* другое или другія независимо отъ различія матеріальныхъ основаній прежнихъ обязательствъ и отъ матеріальныхъ послѣдствій новаго (какъ въ чистой делегачіи).

Всѣ эти знакомыя намъ изъ живыхъ институтовъ гражданского права черты повторяются и въ коррелятивномъ обязательствѣ. Мы не ищемъ вовсе аналогіи одного явленія съ другимъ, мы принимаемъ во вниманіе только тѣ общіе элементы формализма, которые выражаются въ практикѣ въ томъ или другомъ живомъ образованіи. Мы не хотимъ сказать, чтобъ одно явленіе было причиной другаго, а наоборотъ, мы хотимъ сказать, что всѣ они имѣютъ одну общую причину. Поэтому не одно только объясняетъ собою другое, а всѣ взаимно объясняютъ другъ друга.

За сими, въ нашемъ предшествующемъ изложеніи мы старались сдѣлать понятнымъ, что явленіе стипуляцій, все равно простой (которую одну мы имѣли до сихъ поръ въ виду) или корреальной, не есть соподчиненное съ другими контрактами, что это есть долгое время общая форма некоего обязательства, и что, стало быть, операціи, для которыхъ она служитъ, имѣютъ интересъ общій для множества сдѣлокъ, облекаемыхъ въ эту форму.

Г Какъ устанавливается корреальное обязательство посредствомъ стипуляцій?

Источники даютъ намъ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы имѣемъ полную возможность представить себѣ весь обрядъ установленія корреальнаго обязательства, и въ самой чистой его формѣ, и съ тѣми видоизмѣненіями, которыя допускались позже на протѣаніи *nimiam subtilitatem verborum latitudo voluntatis contrahentium impediatur*. Именно во всей чистотѣ описаніе обряда мы находимъ у Юстиніана ¹⁾. Вотъ въ немъ онъ состоялъ:

1) Выше мы имѣли случай воспользоваться также Юстиніановскимъ перечисленіемъ случаевъ, гдѣ *veteris juris conditores* принимали новацию, которое полнѣе соответствующаго извѣстія Гая. Здѣсь опять картина, которую изображаетъ императоръ, рѣчь совершенно полная. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ видѣ корреальная стипуляція давно уже отжила свое время при Юстиніанѣ, и прямаго практическаго значенія въ этомъ видѣ она вовсе не имѣла въ эту пору; но тѣмъ больше чести педагогическому такту составителей легальнаго руководства, которые сохраняютъ черты формализма, кои отжившаго, но удерживающаго всегда высокое значеніе съ инструментальной точки зрѣнія для начинающаго юриста, ибо, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, никакая эпоха въ развитіи права не есть совершенно чуждая элементамъ формализма, хотя нигдѣ онъ не составлялъ таковой преобладающей черты, какъ въ гражданской системѣ. И такъ, приводимое нами мѣсто изъ Юстиніана не есть свидѣтельство о способѣ установленія корреальнаго обязательства въ его время.

Et stipulandi et promittendi duo pluresve rei fieri possunt. Stipulandi ita, si post omnium interrogationem promissor respondeat: spondeo: ut puta quum duobus separatim stipulantibus ita promissor respondeat: utrique vestrum dare spondeo; nam si prius Titio sponderit, deinde, alio interrogante, spondeat, alia atque alia erit obligatio, nec creduntur duo rei stipulandi esse. Duo pluresve rei promittendi ita fiunt: Maevi, quinque aureos dare spondes? Sei, eosdem quinque aureos dare spondes? si respondeant singuli separatim: spondeo ¹⁾).

Условія, въ которыхъ здѣсь возникаетъ корреальное обязательство, суть слѣдующія:

1) всѣ трое участвующихъ находятся при заключеніи сдѣлки на лицо.

2) установленіе обязательства происходитъ *verbis*. Это *verborum solennitas* или *verborum proprietas*.

3) въ обоихъ случаяхъ, въ случаѣ активнаго и въ случаѣ пассивнаго корреалитета, или офферта (вопросъ), или акцептъ (отвѣтъ) есть общій. Для корреалитета активнаго необходимо, чтобы, *post omnium interrogationem*, стало было лишь тогда, когда сперва одинъ вѣритель, потомъ другой предложили тотъ-же вопросъ, должникъ отвѣтилъ вмѣстѣ на оба—*spondeo*. Для пассивнаго корреалитета точно также необходимо спросить сперва одного, потомъ другаго должника, и лишь за симиъ они оба должны дать свой отвѣтъ.

4) обязательства того и другаго лица суть отвлеченныя, отрицательно-формальныя, т. е. не имѣющія никакой матеріальной основы (*causa*).

5) оба идутъ на одинъ и тотъ-же предметъ (здѣсь на деньги).

Если мы на время оставимъ безъ вниманія первый и третій моментъ, то въ трехъ остальныхъ будутъ за-

1) Pr. I. h. t.

ключаться тѣже условія, которыя, какъ мы видѣли выше, необходимы и для понятія делегации и для понятія новации (конечно съ перемѣной лицъ). И такъ, во первыхъ, здѣсь, какъ и тамъ, трое дѣйствующихъ лицъ. Они могутъ быть—или два вѣрителя и одинъ должникъ, или одинъ вѣритель и два должника ¹⁾. Во вторыхъ, каждое изъ этихъ лицъ можетъ требовать или обязано совершить то-же дѣйствіе. Въ третьихъ, оба требованія или оба обязательства суть (особенно въ чистой делегации) абстрактныя обязательства *verbis*.

Пункты различія въ строеніи корреалитета съ строеніемъ делегации и новации заключаются въ томъ, главнымъ образомъ, что для обоихъ послѣднихъ институтовъ существенна послѣдовательность, преемственность возникновенія обоихъ обязательствъ. Необходимо (кромя чистой делегации), чтобъ была *prior* и *posterior obligatio*. Кроме этого для делегации нуженъ *jussus*, для новации относительная форма выраженія послѣдующаго обязательства.

Если дѣйствіе послѣдовательно возникающихъ обязательствъ, позднѣйшаго въ отношеніи къ предшествующему, въ системѣ формализма есть всегда абсолютное (см. выше), въ делегации—*vi solutionis*, въ новации—силой консумции, если вмѣстѣ съ этимъ духу формализма совершенно противно послѣдовательное образование (кумуляція) разныхъ средствъ для достиженія одной цѣли, то какой способъ дѣйствія должна была, въ этихъ условіяхъ, предложить каутелярная юриспруденція, если стороны хотѣли сохранить силу двухъ обязательствъ, существующихъ именно для одной цѣли?

Отвѣтъ заключается въ третьемъ изъ указанныхъ нами условій возникновенія корреальной стипуляціи, въ томъ, стало быть, чѣмъ ея строеніе отличается отъ но-

1) Ограничиваясь такими именно сопоставленіями мы хотимъ только выразить въ возможно простой формѣ нашу мысль. Параллель съ делегацией мы не проводимъ здѣсь дальше, но будемъ имѣть случай возвратиться къ ней еще разъ.

рации и делегации. Въ немъ же много?— Въ томъ, что съ обоимъ обязательствамъ, представляющимъ въ себѣ, снать признаки представственности во времени, сущности, въ томъ, что ни одно изъ нихъ не есть stipulatio или cautio prior и stipulatio или cautio posterior, junior.

Въ чемъ иначе можетъ заключаться нѣль этого предельнаго требованія, которое отсутствіе или присутствіе рѣшаетъ весь вопросъ о томъ, — есть или нѣтъ въ данномъ случаѣ корреляльное обязательство? Вспомнимъ при этомъ, что мы находимся въ кругѣ явленій совершенно формальной природы, гдѣ форма есть полное выраженіе идеи, и гдѣ за предѣлами формы нѣтъ вовсе права, гдѣ все право есть jus solenne. И такъ, verborum solennitas должна быть такъ устроена, чтобы не было никакого признака приоритета одной estipуляціи передъ другой. Средство одно — если для простой estipуляціи необходимъ одинъ вопросъ и слѣдующій на немъ отвѣтъ, тогда тотчасъ будетъ на лицо обязательство, — то для коррелятива нуженъ *сперва одинъ вопросъ, на который отвѣтъ не долженъ слѣдовать, ибо тогда возникаетъ тотчасъ obligatio, которая будетъ prior относительно другой, — потомъ другой, и на оба вмѣстѣ одинъ отвѣтъ.* Въ такой формѣ оба обязательства оутъ одновременно, въ минуту послѣдовавшаго огибна нѣтъ возниканія.

Если нѣтъ этого условія, — тогда, говорить Юстинианъ, будетъ *alia atque alia obligatio*. Для ево времени въ этомъ послѣдствіи не заключалось ровно ничего угрожающаго. Консумирующая сила послѣдующей estipуляціи исчезла гораздо прежде. *Весь смыслъ словъ 1)*

1) Необходимо, что эти слова: *alia atque alia obligatio* составляютъ одну изъ основъ теории унитаристовъ, отсюда а contrario слѣдуетъ заключать, что гдѣ нѣтъ двухъ обязательствъ, гдѣ есть, стало быть, коррелятивъ, — тамъ обязательство одно. Не говоря вообще объ явныхъ свѣдѣнхъ такой аргументаціи, мы сравниваемъ — оттого контрастна для *alia atque alia* должно быть неизменно *una*. Если *alia atque alia obligatio* значитъ два *разныхъ* обязательства, то по большому иврѣ *ни*

заклѣчается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что тогда не будетъ корреалитета,—и это совершенно справедливо съ точки зрѣнія строгаго формализма, которая выдерживается во всѣхъ свидѣтельствахъ источниковъ, взятыхъ у *старѣйшихъ* классиковъ. Такимъ образомъ Гай, для корреалитета, возникающаго въ иныхъ условіяхъ, требуетъ того-же признака:

Si ipsi domini singuli eadem decem servo communi dari fuerint stipulati, et semel responsum secutum fuerit, duo rei stipulandi erunt, quum placeat dominum servo dari stipulari posse.')

Помпоній буквально сходится въ своемъ описаніи обряда съ Юстиніаномъ и Гаемъ.

Duo rei promittendi, sive ita interrogati: spondetis? respondeant: spondeo, aut; spondemus, sive ita interrogati: spondes? respondissent: spondemus, recte obligantur.

этого мѣста можно а *contrario* заключить, что при корреалитетѣ будутъ два *одинаковыхъ* (въ томъ или другомъ смыслѣ) обязательства. Въ какомъ смыслѣ они могутъ быть разными? Въ томъ напримѣръ, что одно есть *prior*, а другое *posterior*; отсюда, что они не суть *eiusdem potestatis*, что о двухъ вѣрителяхъ или должникахъ нельзя сказать—*par utriusque causa est*, какъ говорится объ обоихъ лицахъ въ корреалитетѣ (L. 25 pr. D. 42. 8). Наконецъ пусть смыслъ словъ *alia atque alia* будетъ—два *особыхъ, отдѣльныхъ* обязательства,—то и тогда *contrarium* не есть необходимо одно обязательство, а можетъ быть также два слитыхъ, связанныхъ одно съ другимъ обязательства. Мы впрочемъ держимся только отрицательнаго результата, который выразили въ текстѣ.

1) L. 28 § 2 D. 45. 3. То, что это свидѣтельство принадлежитъ Гаю, это особенно важно для вопроса о времени, когда необходимо былъ ригоризмъ формъ. Здѣсь находить себѣ подтвержденіе взглядъ Сальпіуса на время перехода новации отъ прежняго ея значенія къ позднѣйшему. Дальше мы еще встрѣтимъ также-же аргументы въ его пользу. Юліанъ отрицательно выражаетъ тоже L. 56 § 7 D. de V. O. Требованіе континуитета въ простой стипуляціи см. у Венулея L. 137. pr. D. de V. O. Ср. еще L. 3 § 2 D. 44. 7.

Венулей приводит мнѣніе Прокула ¹⁾ о томъ-же предметѣ, при чемъ послѣдній предполагаетъ, что, послѣ постановки вопроса одной стороною, *in continenti* отвѣчалъ одинъ, а другой отвѣтилъ лишь *altero die*,— тогда вторая стипуляція недѣйствительна. Причина заключается въ томъ, что для каждой изъ стипуляцій требуются всѣ тѣже условія, какія необходимы для возникновенія простой ²⁾ стипуляціи. Положеніе будетъ въ данномъ случаѣ совершенно такое, какъ въ томъ случаѣ, когда одинъ даетъ отвѣтъ, а другой молчитъ. ³⁾

Тоже у Юліана, который говоритъ:

Modicum intervallum temporis, item modicus actus, qui modo contrarius obligationi non sit, nihil impedit, quominus duo rei sint.

Указанія на одновременность совершенія обязательства встрѣчаются не по отношенію къ стипуляціи только. Могутъ быть даны два прокуратора *in solidum simul*, при чемъ положеніе того и другаго будетъ совершенно одинаковымъ, и лишь косвеннымъ образомъ (*occupantis melior est conditio*) рѣшается вопросъ, кто изъ нихъ можетъ и кто не можетъ болѣе упражнять прокуратуру. Точно тотъ-же признакъ мы имѣемъ и для двухъ *argentarii socii*, *quorum nomina simul facta sunt*. ⁴⁾

И такъ, совершенно очевидно, что въ томъ обрядѣ, посредствомъ котораго устанавливался корреалитетъ, каутеллярная практика открыла средство для того, чтобы, воспользовавшись всѣми удобствами, которыя представляетъ формальное обязательство, устранить невыгоды,

1) Конечно извѣстнаго начальника сабиніанской школы. L. 12 h. t.

2) Ср. того-же Венулея, изъ того-же сочиненія, изъ 1-ой книги, мѣсто, приведенное выше L. 137 D. de V. O., и другія параллельныя.

3) L. 6. D. h. t.

4) Ср. L. 32 D. 3. 3. L. 9 pr. D. 2. 14. L. 34 pr. D. 4. 8.

составляющія другую сторону формализма, въ данномъ случаѣ—погашеніе *ipso jure* предшествующаго обязательства послѣдующимъ. Мы не думаемъ вовсе вывести явленіе корреальной стипуляціи изъ какихъ либо теоретическихъ соображеній. Это было дѣломъ старыхъ юристовъ, этихъ *veteris juris conditores*, этихъ канторовъ формулъ, которые старались сочетать абсолютизмъ немногихъ формъ, бывшихъ у нихъ въ распоряженіи, съ потребностями и интересами гражданского оборота. Теорія образовалась позже, когда практика давно знала тотъ способъ дѣйствія, который естественнымъ путемъ возникъ въ иныхъ условіяхъ, въ иную пору, при иномъ значеніи юридическихъ формъ и обрядовъ. Теорія образовалась тогда, когда дѣятельность юристовъ повысилась до критики двухъ противоположныхъ системъ права, системы обрядной, формальной, и системы свободнаго, не связаннаго формой, не условленнаго ею проявленія юридической идеи. Пока всё дѣло ограничивалось одной практикой, юристъ не могъ опустить ни какой мелочи обряда, не боясь поплатиться за это всей цѣной права. Совершенно иное отношеніе тамъ, гдѣ идея, понятіе является отвлеченныхъ, абстрактнымъ, и именно въ этомъ видѣ мы находимъ корреалитетъ у позднѣйшихъ классиковъ ¹⁾.

Выше мы показали причины, по которымъ нельзя было сопоставить два отвлеченныхъ обязательства на одинъ предметъ иначе, какъ снявъ съ нихъ признакъ преемственнаго во времени возникновенія. Такъ ли стояло дѣло во время Папиніана и Ульпіана? Мы знаемъ, что новация въ эту пору перестала дѣйствовать съ силой формально консумирующаго прежнее обязательство акта. Два средства для одной цѣли могутъ спокойно существовать одно рядомъ съ другимъ, если стороны

1) Весь процессъ развитія юридическихъ явленій, котораго мы здѣсь кратко коснулись, не заключаетъ въ себѣ ничего специфически римскаго; онъ есть вѣчно длящійся, но всего ярче выразившійся въ римскомъ правѣ.

не хотятъ, чтобъ одно погашало другое. И такъ, нужна ли здѣсь таже тщательность въ обрядѣ, таже строгое соблюденіе симультанейтета образованія обоихъ обязательствъ? Вотъ отвѣтъ Ульціана:

In duobus reis promittendi frustra timetur novatio; nam licet ante prior responderit, posterior etsi ex intervallo accipiatur, consequens est dicere, pristinam obligationem durare, et sequentem accedere; et parvi refert, simul spondeant, an separatim promittant, quum hoc actum inter eos sit, ut duo rei constituentur, neque ulla novatio fiat (L. 3 pr. D. h. t.)

Корреальное обязательство возникаетъ не потому, что въ способѣ его установленія, въ обрядѣ есть все нужная для этого условія. Этихъ условій именно не достаетъ. Но они теперь уже и перестали быть необходимыми. Дѣло вовсе не въ томъ, *какъ выразятся стороны*, не въ формѣ, а въ томъ, *что они хотятъ выразить*. Если они имѣли въ виду новацию (animus novandi),— то, при совершенно томъ-же обрядѣ, будетъ новация, если аксессуарное присоединеніе послѣдующаго обязательства (sequens) къ прежнему (pristina obligatio),— то будетъ коррeадитетъ. Одинъ обрядъ ничего не рѣшаетъ; теперь юристъ имѣетъ дѣло съ понятіемъ, а не съ обрядомъ. Онъ долженъ раскрыть волю сторонъ, направленную къ тому или другому институту. Какъ бы эта воля ни выразилась,—это не существенно, ибо институтъ не есть только образующійся, а уже образовавшійся и сознаный.

Панивианъ, хотя прежде, но, пожалуй, еще ярче выражаетъ именно таже отношеніе къ явленію, говоря о письменныхъ сдѣлкахъ:

Quum tabulis esset comprehensum, illum et illum centum aureos stipulatos, neque adjectum, ita ut duo rei stipulandi essent, virilem partem singuli stipulati videbantur. Et

e contrario, quum ita cautum inveniretur: tot aureos recte dari stipulatus est Julius Caspianus; spondimus ego, Antoninus Achilleus et Cornelius Dius, partes viriles deberi, quia non fuerat adjectum, singulos in solidum spondidisse, ita ut duo rei promittendi fierent (L. 11 § 1 и 2 D. h. t.).

Мы наблюдаемъ, такимъ образомъ, на одномъ образѣ установленія коррeалитета посредствомъ стипуляціи весь ходъ развитія явленія отъ первоначальныхъ, подлинныхъ для него условій его *образования* въ эпоху формализма, до послѣдующаго, абстрактнаго *примѣненія* уже готоваго понятія къ такимъ случаямъ, которые вовсе сами собой не условливаютъ его необходимости, а лишь допускаютъ его, когда этого именно желаютъ стороны. Если мы хотимъ опредѣлить подлинную природу явленія, его необходимыя качества, то понятнымъ образомъ мы должны его изучать тамъ, гдѣ оно само собой, естественно возникло, а не тамъ, гдѣ изъ него дѣлалось любое употребленіе. Опять возникнуть естественно путемъ оно можетъ только при тѣхъ-же условіяхъ; а произвольно примѣнять его можно, конечно, всякій разъ, когда это будетъ найдено удобнымъ или выгоднымъ ¹⁾.

1) Современное французское законодательство можетъ служить въ этомъ случаѣ образцомъ, ибо art. 1202 Code Napoléon совершенно аналогически съ сейчасъ нами приведеннымъ текстомъ Папиніана говоритъ: La solidarité (у французовъ не въ ходу названіе коррeального обязательства) ne se présume point; il faut qu'elle soit expressement stipulée.— Вопросъ о томъ, какъ возникалъ въ римскомъ правѣ коррeалитетъ посредствомъ стипуляціи или промиссии общаго раба, мы обходимъ пока, хотя явленіе само по себѣ заслуживаетъ наибольшаго вниманія, но для насъ это только другой путь, приводящій къ той же цѣли. Значеніе рабовъ какъ средства для самыхъ различныхъ юридическихъ операций между ихъ господами не истеривается, конечно, этимъ явленіемъ, и лишь въ полной связи съ другими формальными функціями, для которыхъ служилъ несвободный человѣкъ, весь вопросъ можетъ быть отнесенъ къ числу самыхъ любопытныхъ и крайне отчетливо выработанныхъ продуктовъ юридической техники.

Мы видѣли, что въ обрядѣ установленія корреального обязательства должны необходимо существовать всѣ условія, которыя требуются для возникновенія *двухъ стипуляцій*. Это требование классики проводятъ и въ дальнѣйшихъ частностяхъ. Именно Ульпіанъ, предполагая, что промиттентъ есть малолѣтній, считаетъ необходимымъ, чтобы въ каждой изъ двухъ, входящихъ въ составъ корреалитета стипуляцій аукторировалъ отдѣльно (въ разсматриваемомъ случаѣ—отдѣльный) tutor. Если для дѣйствительности каждой стипуляціи нужно больше одного опекуна ¹⁾, то только при этомъ условіи она будетъ имѣть силу; иначе въ результатѣ получится *stipulatio inutilis*. Вотъ текстъ:

Si duo rei sint stipulandi, et alter me auctore a pupillo stipuletur, alter altero tutore auctore, dicendum est, stipulationem valere, sic tamen, si auctoritas tutoris unius sufficiat, ceterum si non sufficiat, dicendum erit, inutilem esse stipulationem ²⁾).

Достаточно ли для судьи тѣхъ признаковъ корреального обязательства, которыя выражены нами выше, согласно тексту Юстиніана, для того чтобы рѣшить, что въ данномъ случаѣ есть корреальность ³⁾, которая должна повлечь за собою всѣ дальнѣйшія конвенціи этого понятія или этого института? Если судья видитъ, что на лицо есть двѣ дѣйствительныя отвлеченныя стипуляціи на ту же сумму, при двухъ вѣрителяхъ или двухъ должникахъ, между которыми нельзя опредѣлить приоритета времени,—то корреальность несомнѣнно должна быть признана.

1) Это разрѣшается, конечно учрежденіемъ опеки.

2) L. 7 § 1 D. 26. 8. Demangeat создаетъ себѣ, сколько намъ кажется, вовсе не нужныя затрудненія изъ этого текста, см. стр. 106 и слѣд.

3) см. выше стр. 32.

Если явление уклоняется въ томъ или другомъ отноше-
нии отъ этого типическаго образа, то изслѣдованіе
становится тотчасъ болѣе сложнымъ, и въ извѣстныхъ
условіяхъ только тогда способнымъ привести къ цѣли,
когда стороны именно выразили волю подчинить свою
сдѣлку законамъ корреалитета, или для этого есть ле-
гальная презумція ¹⁾.

Уклоненіе можетъ, по свойству стипуляціи, прои-
зойти въ отношеніи къ предмету обѣщанія. Юстиніанъ
беретъ опредѣленную сумму денегъ какъ предметъ обѣ-
ихъ стипуляцій. Это внѣ всякаго сомнѣнія нормальный
случай, хотя не исключительный. Убѣдиться въ томъ,
что римская практика преимущественно къ опредѣлен-
ной денежной суммѣ сводила счеты, когда два лица
активно или пассивно—корреально обязывались, легко не
только изъ постоянно возвращающихся примѣровъ, но
и изъ образа выраженія, которымъ очень часто обозна-
чается корреальное обязательство. Слова *ejusdem pecu-
niae* ²⁾ *debitores* и *creditores* встрѣчаются безпрестан-

1) Ср. опять привед. выше art. 1202 C. N., текстъ дальше.

2) Фиттингъ свелъ эти мѣста: *cum duo eandem pecuniam de-
bent* или *promiserint* (L. 2 L. 19. D. h. t.), *plures in unam
summam rei promittendi* (L. 10 § 3 D. 49. 1). Ср. еще L. 21
§ 5 D. 2. 14. L. 12 § 3 D. 5. 2. L. 28 § 3 D. 12. 2. L. 17 § 2.
D. 16. 1. L. 82 § 5 D. de leg. I L. 31 pr. D. de legat. II. L. 21.
§ 4 D. 46. 1. L. 2. C. h. t. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что толь-
ко выраженіе *una summa* есть совершенно точное для обозначенія
количества, и напротивъ, словомъ *pecunia* юристы обозначаютъ
вовсе не одни деньги, ср. привед. выше мѣста L. 187 D. de
V. S. L. 18 D. 46 1 L. 4 и 5 pr. D. de V. S. Любопытна смѣна
наименованій того же юридическаго явленія (т. е. обязательства),
смотря по различію объема стипуляціи, которую находимъ у Юлія
Павла: *Plane si duos reos non ejusdem pecuniae sed alterius obli-
gationis constitueris, utputa Stichus, aut Pamphilus...* L. 21 D. 12. 6.
Въ виду этого мы въ правѣ еще разъ выразить сомнѣніе въ томъ,
чтобъ слова *ejusdem obligationis* заключали въ себѣ что либо
рѣшающее для вопроса о природѣ корреальнаго обязательства въ
смыслѣ его единства. Это уже не первая попытка, которую мы
дѣлаемъ, чтобъ устранить значеніе текстовъ, приводимыхъ уни-
таристами въ свою пользу. Кунце съ большою проникательностью

но въ источникахъ. Кроме того, въ позднѣйшемъ раз-
витіи, какъ мы это показали выше, отвѣченная стипу-
ляція примыкаетъ именно къ денежной сдѣлкѣ, къ зай-
му. — У добства, которыя представляютъ именно деньги
или вообще сума, для того существеннаго качества,
которое должно имѣть объ стипуляціи, ясно само собой.
Онѣ должны идти на idem, и опредѣленная сумма де-
негъ во всякомъ случаѣ способна дать этотъ резуль-
татъ. Это абстрактнѣйшее выраженіе имущественнаго
количества, которое вовсе не индивидуализируется, смот-
ри по тому, кто его общаетъ или кому дается общаніе.
Совершенно иначе, если species составляетъ пред-
метъ стипуляціи. Въ всякаго сомнѣнія возможно сти-
пулировать или промиттировать eundem Stichum, и слу-
чай будетъ совершенно тождественный съ общаніемъ
денегъ. Но дѣло въ томъ, что здѣсь возможенъ и дру-
гой исходъ. Species, индивидуальная вещь, могла при-
надлежать одному изъ двухъ вѣрителей въ моментъ зак-
люченія договора, — тогда договоръ съ нимъ, его стипу-
ляція ничтожна, такъ что вмѣсто корреального обяза-
тельства мы будемъ имѣть простую стипуляцію между
однимъ вѣрителемъ и однимъ должникомъ. Такой имен-
но случай предусматриваетъ Гай, говоря:

*Nec minus inutilis est stipulatio, si quis rem
suam, ignorans suam esse, stipulatus fuerit¹⁾.*

Далѣе, хотя бы при вступленіи въ обязательство и
не встрѣтилось этого препятствія, но за то позже, по

(стр. 163) усматриваетъ во множествѣ средствъ свидѣтельство то-
го, что ни одно изъ нихъ не есть рѣшающее, и посему предла-
гаетъ свое единственное, удерживая въ тайнѣ другія, которыя ко-
нечно и онъ знаетъ. Мы охотно согласились бы съ нимъ, еслибы
въ данномъ случаѣ сама болѣзнь, самый недостатокъ источниковъ
казался намъ столь-же серьезнымъ, какъ это ему кажется; но мы
думаемъ, напротивъ, что случай вовсе не есть опасный, что при
ближайшемъ изученіи ошибки у классиковъ совсѣмъ не оказывае-
тся, и какъ бы средство ни пригодилось въ данномъ случаѣ — оно
различно не на исполненіе, а на простую поправку недоразумѣ-
ній, которыя, впрочемъ, бывають хуже болѣзни.

Ю. Е. I § 10 D. 44. 7.

другому основанію, species можетъ попасть въ руки кредитора, стать его собственностью, и это также въ известныхъ условіяхъ погашаетъ стипуляцію одного изъ кредиторовъ совершенно случайнымъ образомъ. Указаніе на это даетъ Юлій Павелъ:

Si rem, quam ex causa lucrativa stipulatus sum, nactus fuero ex causa lucrativa, evanescit stipulatio; sed et si heres extitero, dominio extinguitur stipulatio ¹⁾.

Гораздо менѣе опасности въ этомъ смыслѣ представляетъ обязательство, котораго предметъ составляетъ genus. Но за то здѣсь имѣютъ мѣсто очень существенныя модификаціи въ дальнѣйшихъ функціяхъ корреального обязательства, на что указываетъ Ульпіанъ:

Qui decem debet, partem solvendo in parte obligationis liberatur, et reliqua quinque sola in obligatione remanent. Item qui Stichum debet, parte Stichi data in reliquam partem tenetur; qui autem hominem debet, partem Stichi dando nihilominus hominem debere non desinit, denique homo adhuc ab eo peti potest ²⁾.

Юліанъ говоритъ о возможности даже дѣянія (opera) двухъ лицъ при известныхъ условіяхъ считать за тождественныя. Если напр. duo fabri ejusdem peritiae обещали e a s e m o p e r a s, то и они станутъ duo rei promittendi. ³⁾ Но кто-же будетъ утверждать, что практически такіе случаи имѣютъ тоже значеніе, какъ обещаніе двумъ лицамъ или отъ двоихъ лицъ одной суммы? Подобнаго рода только теоретическіе вопросы обыкновенно и кончаются тамъ, гдѣ они получили свое начало. За сложны-

1) L. 83 § 6 D. de V. O. ср. L. 17 D. 44. 7.

2) L. 9 § 1 D. 46. 3.

3) L. 5 D. h. t.

ми модификаціями, которыя могутъ возникать въ виду подобныхъ отклоненій отъ нормы, ¹⁾ мы не будемъ вовсе слѣдить въ дальнѣйшемъ.

Мы отвѣтили выше на вопросъ о легкости для суда распознать явленіе корреальности по его положительнымъ признакамъ. Не сходятся ли однако тѣже признаки въ ихъ совокупности въ какомъ либо другомъ явленіи? И такъ, тотъ-же вопросъ мы ставимъ опять, но въ отрицательной формѣ. Нѣтъ ли опасности смѣшать корреалитетъ съ какимъ-либо инымъ сочетаніемъ обязательствъ? Мы отвѣчаемъ, что до тѣхъ поръ, пока описанный выше своеобразный обрядъ выполнялся со всей точностью, до тѣхъ поръ пока для корреалитета было необходимо сопоставленіе двухъ одновременныхъ отвлеченныхъ стипуляцій на *idem*,—смѣшеніе было положительно немислимо. Совершенно иначе въ ту пору, когда ригоризмъ обряда исчезъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ корреальность стали примѣнять внѣ тѣхъ условій, въ которыхъ она образовалась, въ извѣстной степени произвольно, позитивно. Тогда, конечно, разомъ утратилась вся своеобразность и вся рельефность явленія. Опасность смѣшенія становилась тѣмъ большею, чѣмъ шире опредѣлялся кругъ позитивнаго примѣненія института, и въ заключеніе судья могъ только тамъ съ достовѣрностью діагностировать его, гдѣ воля лицъ была выражена *expressis verbis* въ этомъ смыслѣ. Выше мы видѣли, что корреалитетъ можно было смѣшать съ новаціей (у Ульпіана L. 3 *pr. D. h. t.*) и съ проратарнымъ обязательствомъ (у Папиніана, L. 11 § 1 и 2 *D. h. t.*). Мы покажемъ далѣе, что еще опаснѣе становилась со временемъ возможность смѣшенія его съ солидарностью. Въ виду этого, позднѣйшія опредѣленія института суть

1) Присоединеніе условія и срока въ той или другой стипуляціи въ корреалитетѣ тоже возможно, но чтобы разъяснить вопросъ надлежащимъ образомъ—необходимо хорошо вникнуть въ явленіе условной новаціи, и мы ради единства изложенія, оставляемъ его въ сторонѣ. L. 7 *D. h. t. ср. L. 9 in fine eod.* и еще § 5 J. 3, 15 и L. 6 § 6 *D. 36. 1.*

обыкновенно только отрицательныя, рассчитанныя прямо на предупрежденіе *этой* опасности, вовсе не проникающія его подлинную природу; и только тамъ, гдѣ случайно мы встрѣчаемъ опять всѣ признаки основной формы корреалитета,—тамъ и понятіе его является передъ нами снова со всѣмъ его внутреннимъ необходимымъ содержаніемъ, исчерпывающимъ всю природу института.

Въ этомъ смыслѣ нигдѣ нельзя найти болѣе счастливаго сочетанія всѣхъ существенныхъ признаковъ явленія, какъ въ двухъ текстахъ, одного—Ульпіана, *въ которомъ онъ приводитъ мнѣніе Юліана*, и другаго, очень близкаго, Венулея. Мы разсматриваемъ ихъ какъ рѣшающія свидѣтельства для всего вопроса о природѣ и основной формѣ корреального обязательства. Оба должны быть отнесены къ той эпохѣ, когда элементы формализма еще во всей чистотѣ составляли необходимое условіе возникновенія корреального обязательства. Въ обоихъ текстахъ разсматривается тотъ-же вопросъ—о дѣйствіи сліянія (*confusio*) обязательствъ въ томъ случаѣ, когда одно есть главное, а другое акцессорное, и когда оба суть главныя. При этомъ Ульпіанъ свидѣтельствуетъ:

Generaliter Julianus ait, eum, qui heres extitit ei, pro quo intervenerat, liberari ex causa accessionis, et solummodo quasi heredem rei teneri. Denique scripsit, si fidejussor heres extiterit ei, pro quo fidejussit, quasi reum esse obligatum, ex causa fidejussionis liberari; reum vero reo¹⁾ succedentem ex duabus causis esse obligatum. Nec enim potest reperiri quae obligatio quam perimat, at in fidejussore et reo reperitur, quia rei obligatio plenior est. Nam ubi-

1) Целью въ такомъ-же случаѣ говорить объ обоихъ главныхъ обязательствахъ—*quoties duae sint principales*, о главномъ и акцессорномъ—*obligatio principalis et obligatio, quae sequelae locum obtinet L. 93 § 2. D. 46. 3.*

aliqua differentia est obligationum, potest constitui, alteram per alteram perimi; quum vero duae ejusdem sint potestatis, non potest reperiri, cur altera potius quam altera consumeretur.

Венулей, по совершенно тому-же поводу, почти буквально повторяет тоже:

nam ubi quidem altera differentia obligationum esse possit, ut in fidejussore et reo principali, constitit, alteram ab altera perimi; quum vero ejusdem duae potestatis sint, non potest reperiri, alteram potius quam alteram consummari; ideoque etsi reus stipulandi heres extiterit, duas species obligationis eum sustinere ¹⁾).

И такъ для наличности корреалитета существенны слѣдующіе моменты: нужны *два* обязательства, оба должны быть *главныя*, для каждаго необходима *особая causa* (здѣсь формальная, *verbis contractae obligationes*), оба должны имѣть *одинаковую силу* и не заключать въ себѣ различій, которыя дѣлаютъ изначала яснымъ, какое изъ двухъ обязательствъ должно поглотить другое. Гдѣ есть эти элементы,—тамъ есть корреальное обязательство.

Какъ отсюда развивается всё содержаніе института,—это мы увидимъ лишь тогда, когда передъ нами пройдутъ всё историческіе моменты юридическаго отношенія. Здѣсь мы разсмотрѣли лишь первый моментъ, установленіе корреального обязательства въ его первообразномъ видѣ.

Если изъ нашего предшествующаго изложенія ясно *почему*, по какимъ историческимъ причинамъ каутеларная

1) Ср. L. 5 D. 46. 1 и L. 13 D. h. t. (Venulejus libro tertio Stipulationum).

юриспруденція пришла къ тому обряду, который необходимо для установленія коррeального обязательства, то, когда разъ открытіе было сдѣлано, когда практика какъ нѣчто данное узнала средство сопоставлять два формальныхъ обязательства на *idem*,—*для чего, для какихъ цѣлей* могла служить въ гражданскомъ оборотѣ эта своеобразная конструкція?

Мы могли бы собственно отложить отвѣтъ на этотъ вопросъ до полнаго разъясненія всѣхъ сторонъ института; но необходимость имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ нѣкоторыя явленія обязательственнаго права, часто смѣшиваемыя съ коррeальнымъ обязательствомъ, и по природѣ своей въ римскомъ правѣ также составляющія продукты формализма, побуждаетъ насъ здѣсь-же опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Мы разумѣемъ воособенности поручительство въ его первоначальныхъ формахъ¹⁾. Общій вопросъ, поставленный нами сейчасъ, включаетъ въ себя и эту задачу.

И такъ, для какихъ цѣлей могъ служить коррeалитетъ? Надо, конечно, прежде всего искать отвѣта въ немъ самомъ, въ его строеніи. На что нужно сопоставлять два формальныхъ обязательства на ту же сумму, которая способна одно другое консумировать, какъ въ чистой делегации, и однако не производить этого эффекта, потому что неизвѣстно, которое изъ нихъ должно испытать на себя пассивную и обнаружить активную силу этого эффекта. Оба противустоятъ одно другому, какъ двѣ взаимно-нейтрализующія другъ друга силы.

Мы начнемъ съ совершенно отрицательнаго отвѣта, который дають намъ источники. Обманулици не для того такъ сопоставлены, чтобы прямо или косвенно служить средствомъ для двойнаго взысканія суммы или штрафа съ обоихъ должниковъ. Указаніе въ этомъ смыслѣ находимъ у Юлія Павла:

1) Helmolt неудачно называетъ поручительство *акцессорнымъ коррeалитетомъ*.

Item si duo rei promittendi sint, et unus ad iudicium non venerit contempta sua promissione iudicio sistendi causa facta, actor autem ab altero rem petat, ab altero poenam desertionis, petendo poenam exceptione summovebitur ¹⁾).

И такъ эксплуатація обоихъ должниковъ вовсе не составляетъ цѣли сопоставленія обязательствъ. Но, однако, не доставляетъ-ли инымъ образомъ сопоставленіе двухъ обязательствъ именно *матерьяльнаго обеспечения* для вѣрителя?—Внѣ всякаго сомнѣнія, въ случаяхъ пассивнаго корреалитета *можетъ* скрываться именно эта цѣль. Мы видѣли выше, что делегация могла имѣть мѣсто тамъ, гдѣ должникъ делегируетъ своего должника своему вѣрителю (А) на ту же сумму. Если делегатаръ приметъ обѣщаніе делегата, то оба прежніе долга прекращены. Выше было также ясно, что делегатаръ могъ принять обѣщаніе не на свой страхъ, а на страхъ делеганта (*periculo tuo*); тогда, при несостоятельности делегированнаго должника, онъ имѣлъ *actio mandati* противъ делеганта ¹⁾. Въ замѣнъ этого пути можно было избрать совершенно другой, который также вѣрно приводилъ къ цѣли. Оба должника, прежній и новый, корреально обязуются уплатить ту же сумму вѣрителю А. Если новый должникъ заплатитъ, то эффектъ будетъ тотъ-же какъ при делегации, и оба другіе долга прекратятся. Гарантія вѣрителя состоитъ въ томъ, что онъ выигрываетъ время, не рѣшается тотчасъ, имѣетъ оба обязательства въ своемъ распоряженіи и лишь искомъ окончательно опредѣляетъ свое отношеніе къ тому или другому изъ нихъ. При этомъ онъ не обязанъ взыскивать непременно съ одного всё, а имѣетъ право требовать также съ cadaго отчасти.

Далѣе, совершенно независимо отъ прежнихъ обязательствъ между тремя лицами, двое должниковъ *могутъ* обѣщать одному вѣрителю ту же сумму корреально,

1) L. 5 § 2 D. 2. 11.

2) L. 26 § 2 L. 45 § 7 D. 17. 1.

обеспечивая его такимъ образомъ возможностью выбора любого изъ нихъ на случай взысканія.

Здѣсь цѣль института близко сходится съ цѣлью поручительства въ его старѣйшихъ формахъ. Разница только въ томъ, что для пассивно корреального обязательства это одна изъ многихъ возможныхъ цѣлей, а для поручительства это прямо данная и исключительная цѣль.

На степени простаго предположенія мы считаемъ возможнымъ допустить, что для поручительства посредствомъ стипуляціи первоначально не существовало *особой формы сдѣлки, отличавшей именно эту цѣль* вступленія въ обязательство. Чтобъ стать поручителемъ по чужому долгу, надо было принять на себя обязательство, также какъ это сдѣлалъ главный должникъ; а для того, чтобъ произвести это, не консумируя главнаго долга, надо было выполнить обрядъ корреальной сдѣлки. Мы позволяемъ себѣ выразить это предположеніе, во первыхъ, въ виду общей скудости формъ стараго права. Если нельзя было обеспечить иначе долгъ залогомъ, какъ посредствомъ переноса собственности (фидуціарная форма), то весьма вѣроятно, что обязатья *verbis* за другаго также нельзя было иначе, какъ ставъ ровно въ тоже положеніе, въ какомъ находится должникъ. Другое основаніе для нашего предположенія заключается въ томъ, что на старѣйшихъ явленіяхъ поручительства остаются несомнѣнные слѣды формализма отношеній, совершенно соответствующіе пассивной корреальности. Стипуляція поручителя, когда институтъ есть уже отдѣльный, идетъ всегда на *idem*, не на меньшее и не на большее. Имѣетъ ли главный долгъ силу въ матеріальномъ смыслѣ, или нѣтъ,—это не оказываетъ вовсе вліянія на обязательство поручителя ¹⁾ Никогда старѣйшія формы поручительства не могутъ примыкать къ другому обязательству, если оно не есть *obligatio verbis*. Прямое указаніе на это даетъ Гай, говоря:

1) Ср. Гиртаннера, *die Stipulation*, стр. 283. Bekker друго мнѣнія.

Nam illi quidem (sponsores et fidepromissores) nullis obligationibus accedere possunt nisi verborum. 1)

Но въ каждомъ изъ видовъ пассивнаго *акцессорнаго* участія третьяго лица въ главномъ обязательствѣ есть уже специализировавшаяся цѣль; которая хотя первоначально достигается лишь въ условіяхъ очень строгато формализма, но въ которой уже лежитъ залогъ послѣдующаго развитія, именно въ виду этой прямо данной, матеріальной цѣли сопоставленія двухъ обязательствъ, особаго характера института. Гай говоритъ:

Sponsores quidem et fidepromissores et fidejussores saepe solemus accipere, dum curamus, ut diligentius nobis cautum sit.

Что касается *дѣйстви* цивильной формы поручительства (*fidejussio*), то извѣстно, что первоначально и долгое время потому, сила его исчезала вмѣстѣ съ предъявленіемъ иска противъ главнаго должника. Гарантія вѣрителя вся исчерпывалась тѣмъ, что онъ видѣлъ въ готовности другихъ принять на себя отвѣтственность за должника наравнѣ съ нимъ свидѣтельство его благонадежности, и съ другой стороны, въ томъ, что онъ могъ воспользоваться принятымъ на себя обязательствомъ поручителя совершенно съ тѣмъ-же эффектомъ, какъ и обязательствомъ главнаго должника 2). Любопытно, что долгое время, когда уже развились рядомъ съ *fidejussio*, для той-же цѣли, другіе институты, съ *матеріальной* точки зрѣнія несравнимо болѣе обеспечивавшіе результатъ взысканія (*fidejussio indemnitas*,

1) Гай III, 119. См. также текстъ дальнѣе, откуда видно, что возраженія Беккера не основательны.

2) Позже мы будемъ имѣть въ виду еще очень важныя черты болѣеаго обеспеченія вѣрителя при сопоставленіи двухъ обязательствъ.

(constitutum debiti alieni, mandatum qualificatum), старый институт, чисто формального образования, продолжал охранять практическое значение, и именно къ нему примыкали позднѣйшія модификаціи императорскаго законодательства (beneficium excussionis или ordinis beneficium divisionis, cedendarum actionum).

Это любопытная черта въ истории развитія римскихъ институтовъ: изъ того, что люди могутъ впадать въ ошибки, дурно рассчитывать, терять отъ этого, — вовсе еще неслѣдуетъ необходимо, чтобы самъ институтъ былъ дуренъ. Винаваты люди, а не учрежденія. Нѣтъ никакой надобности, чтобы институтъ постоянно приносилъ вредъ къ слабымъ сторонамъ, къ порокамъ воли, къ невѣдному смыслу. Отъ этого теряетъ только онъ свое достоинство, а люди не станутъ болѣе зрѣлыми. И такъ рядомъ съ новообразованиями преторской системы, дивильная fidejussio продолжаетъ держаться въ практикѣ, старый формализмъ сохраняетъ свою прикладность для тѣхъ характеровъ, по ширкѣ которыхъ онъ сложился (jus civile vigilanter scriptum est).

Такимъ образомъ, въ истории развитія поручительства корреляльная стипуляція, по всей вѣроятности, составляетъ такой-же исходный пунктъ, какимъ была простая стипуляція (см. выше) для матеріальныхъ контрактовъ. Формы акцессорнаго общапія съ цѣлью обезпеченія выдѣлились изъ нея какъ одна изъ возможностей, для которыхъ служило прежде абстрактное сопоставленіе двухъ главныхъ обязательствъ, выдѣлились также, какъ выдѣлялись изъ разныхъ сочетаній отвлеченной стипуляціи определенныя виды матеріальныхъ контрактовъ, которые позже развивались самостоятельно.

При этомъ сама корреляльная стипуляція вовсе не исчезла изъ оборота, ибо она пригодна была не для одной этой цѣли.

Трудно указать именно время, но не подлежитъ сомнѣнію, что fidejussio рано стала приниматься и къ

надать контрактамъ, которые не совершаются *verbis* ¹⁾, такъ что сама главная и акцессорная обязательства становилась совершенно различною, смотря по природѣ контрактовъ. Если сперва *fidejussio* могла идти только *in idem* ²⁾, то позже удерживается лишь слѣдъ этого прежде необходимаго качества въ томъ, что ответственность въ этихъ разнѣрахъ предполагается, если поручитель не выговорилъ именно ничего инаго. Наконецъ, третій и самый, важный, конечно, моментъ въ индивидуализации поручительства, какъ особаго института, заключается въ томъ, что *fidejussor* обязуется не *suo*, а *alieno nomine*. Именно этимъ послѣднимъ признакомъ Гай и отличаетъ поручительство отъ другихъ явленій:

Sed aut proprio nomine quisque obligatur, aut alieno; qui autem alieno nomine obligatur, fidejussor vocatur; et plerumque ab eo, quem proprio nomine obligamus, alios accipimus, qui eadem obligatione teneantur, dum curamus, ut, quod in obligationem deduximus, tutius nobis debeatur ³⁾.

Въ виду всѣхъ этихъ признаковъ, нѣтъ уже возможности смѣшивать оба института, хотя слѣдъ родства остается и тутъ на дѣйстви, которое производитъ *litis contestatio* на оба обязательства, на главное и акцессорное, вмѣстѣ.

Мы не имѣемъ интереса⁴⁾ дальше преслѣдовать черты обособленія обоихъ явленій. Отметимъ только такіе пункты, въ которыхъ сказывается соприкосновение кор-

1) Сальвиусъ справедливо видитъ въ этомъ очень важный моментъ въ исторіи развитія поручительства (стр. 203), хотя мы не думаемъ, чтобы лишь отсюда начиналось обособленіе института отъ корреалитета ср. Гай, III, 119. и L. 8 § 1 D. 46. 1.

2) Нужно ли говорить, что здѣсь мы имѣемъ въ виду юридическую технику поручительства, именно *fidejussio*, а не общее явленіе поручки?

3) L. 1 § 8 D. 44. 7. Ясные признаки прежняго и послѣдующаго направленія въ развитіи института сохранились въ контроверзѣ школь, о которой сообщаетъ намъ Сцевола L. 93 § 3 D. 46 § 3.

реалитета съ поручительствомъ у позднѣйшихъ классиковъ. Юлій Павелъ говоритъ объ *actio mandati*; которая имѣетъ мѣсто одинаково,

si iudicio te sisti promisero, nec exhibuero...
vel si pro te reus promittendi factus
sim. ¹⁾.

Прямой и самый рѣзкій признакъ корреалитета въ его подлинной формѣ есть именно тотъ, что каждый изъ должниковъ *suum negotium gerit* ²⁾. На этомъ держатся въ высшей степени важныя и самыя практическія конвенціи понятія ³⁾. Но вотъ возможность видоизмѣненія явленія именно въ этой его *коренной* чертѣ.

Съ другой стороны, и прямо на встрѣчу этой модификаціи корреалитета, идетъ совершенно такая-же возможная модификація поручительства, о которой говоритъ тотъ-же Юлій Павелъ:

Sed si fidejussor in rem suam spondit,
hoc casu fidejussor pro reo accipiendus
est, et pactum cum eo factum cum reo factum
esse videtur ⁴⁾.

Въ какой степени, однако, оба явленія въ своемъ *чистомъ видѣ* независимы и самобытны, — въ этомъ легко убѣдиться въ виду того, что *duo rei promittendi* могутъ независимо отъ этихъ отношеній стать въ тоже время поручителями другъ друга. Объ этомъ свидѣтельствуесть Папиніанъ:

Reos promittendi vice mutua fidejussores non
inutiliter accipi convenit ⁵⁾.

1) L. 45 § 3. D. 17. 1.

2) Ср. L. 10 § 10 D. 15. 3. L. 25 pr. D. 42. 8. L. 128. D. de V. O. Также для делегата L. 9 § 1 D. 12. 4.

3) См. напр. L. 5 § 6 и 7 D. 23. 3.

4) L. 24 D. 2. 14.

5) L. 11 pr. D. h. t.

И такъ, мы видѣли что въ пассивномъ коррелятивѣ можетъ быть скрыта *цѣль* делегаций, что точно также цѣлью сопоставленія двухъ обязательствъ *можетъ быть* поручительство одного должника за другаго. Для этой послѣдней цѣли коррелятивѣ могутъ особенно хорошо служить тогда, когда появились различныя ограниченія интерпессии, охранительныя мѣры противъ легкой готовности незрѣлыхъ людей ¹⁾ принимать на себя заботу о чужихъ дѣлахъ;— тогда поручительство маскировалось подъ формой коррелятива, гдѣ *negotium* не было *alienum*, а было *suum* ²⁾.

1) Известно, что въ римскомъ обществѣ женщины разсматривались съ этой точки зрѣнія. *St. Vellejanum*, которое онѣ могли, но не были обязаны (римляне не навязывались съ благодарностями) привести въ свою пользу, есть именно послѣдствіе такого взгляда. Другое любопытное послѣдствіе того-же взгляда видно въ дозволеніи женщинѣ дать мужу согласіе на продажу приданого, но не на залогъ? Отчего-жъ большее (продажа)— дозволено, а меньшее нѣтъ? Причина въ томъ, что незрѣлымъ людямъ *отдаленная* опасности кажутся меньшими, хотя они все тѣ же и непременно стануть *близкими*; поэтому съ залогомъ легче шло, но за то и чаще приходили къ продажѣ. Законъ противодѣйствуетъ именно тому и только тому, на чемъ легко поймаешь незрѣлаго человѣка. Понятія зрѣлости и свойства права для котораго требуется та или другая ея степень,— конечно, суть совершенно относительныя.

2) Это одинъ изъ видовъ обхода закона, которыхъ римское право знало очень много. *Ihering* сравниваетъ ухищренія римской практики обойти законъ съ подземными ходами и норами лисы, которыхъ ему удалось наслѣдить такое множество, что онъ ждетъ особаго случая чтобы сообщить о нихъ публикѣ, давая въ своемъ *Geist* только эскизъ этихъ подземныхъ работъ (§ 57). Несомнѣнно, что абстрактный характеръ формализма въ нѣкоторой степени могъ способствовать развитію обходнаго способа дѣйствія практики. Мы не хотимъ этимъ однако осудить достоинство формализма въ правѣ. Вопросъ объ этомъ никогда не долженъ быть поставляемъ совершенно отвлеченно, безъ всякихъ видовъ на опредѣленный кругъ явленій. Нельзя спрашивать что лучше—*nimia subtilitas* или *latitudo voluntatis contrauentium*? На это нельзя дать отвѣта, развѣ для того только чтобы завлечь себя другомъ простора или непремѣннымъ врагомъ всякаго стѣсненія. Желѣзные пути тоже стѣсняють просторъ движенія, но никто не будетъ доказывать,

Но ни тѣмъ, ни другимъ все таки не исчерпываются все цѣли, для которыхъ можетъ быть придано даже одна только пассивная форма коррeалитета. Два лица могутъ облечь въ эту форму сдѣлку, въ которой въ основѣ каждый изъ должниковъ реально обязанъ лишь на долю всей суммы, а на другую является поручителемъ по другому должникѣ. ¹⁾ Всѣхъ возможныхъ сочетаній такого рода нельзя предусмотрѣть.

Но затѣмъ, коррeальная конструкция имѣетъ еще активную форму. Для какой цѣли предназначается это сочетаніе двухъ estipуляцій? Зачѣмъ можетъ быть нужно устроить двѣ estipуляціи на одну сумму съ особымъ вѣрителемъ въ каждой? Самая простая мысль, въ которой, повидимому, разрѣшается весь вопросъ о цѣли активнаго коррeалитета есть слѣдующая.

Извѣстно, что въ римскомъ вознани *persona sui juris* является въ юридическомъ смыслѣ, какъ сама въ себѣ заключающая цѣль своего существованія ²⁾. Также

что отъ этого движеніе становится медленнѣе. Судить о значеніи формализма возможно только въ виду его опредѣленнаго преломленія. Баръ жалуется на смѣшеніе, даже въ Германіи, понятій формализма съ суровой несправедливостью и матерьяльнаго права съ пощадой и милостью. Справедливость есть и тутъ и тамъ достигаемая цѣль института, но дѣло въ томъ, какой путь вѣрнѣе и скорѣе приведетъ къ этой цѣли. Что касается опасныхъ сторонъ формализма, то, по отношенію къ формальнымъ контрактамъ, Баръ находитъ, что дурныя цѣли могутъ и безъ нихъ быть достигаемы также хорошо, какъ и съ ихъ помощью. Право не можетъ быть всегда рассчитано на мѣрку простодушной невинности, и наконецъ подъ маской простоты и незнанія такъ легко скрываются самыя верныя расчеты и самыя отдаленныя виды. *Jahrbüch. f. Dogm.* 1858 II, 3. На общій вопросъ о формализмѣ можно дать только общій отвѣтъ, какой намъ даетъ Нерацій: право можетъ и должно быть извѣстнымъ, оговореннымъ, опредѣленнымъ.... *quum ius definitum et possit esse et debeat...* L. 2 D. 22. 6., но красноречивымъ такой отвѣтъ является опять только у римскаго юриста....

1) Слѣмай, кезарый Бринць невозновательно принимаетъ за нормальнымъ.

2) *Selbst ist der Mann!* съ особымъ пассивомъ вслѣдствіе Унгеръ, становясь на точку зрения, дѣтнѣ коръ совершеному

самое въ отрицательной формѣ—никогда *persona sui juris* не способна стать средствомъ для юридическихъ цѣлей другаго. Служить въ юридической сферѣ орудіемъ чужихъ цѣлей могутъ только рабы и подвластные. Ближайшимъ образомъ, для обязательствъ и процесса Ульпианъ выражаетъ это въ слѣдующихъ словахъ:

Alteri stipulari nemo potest, praeterquam si servus domino, filius patri stipuletur; inventae sunt enim hujusmodi obligationes ad hoc ut unusquisque sibi acquirat, quod sua interest. Nemo alieno nomine lege agere potest. 1)

Если формально нѣтъ никакой возможности стипулировать на имя другаго лица *sui juris*, и такая стипуляція не дѣлаетъ мной названнаго другаго субъектомъ обязательства ²⁾,—то какъ быть, чтобъ достигнуть этой цѣли въ условіяхъ формализма? Для этого необходимо, чтобъ это другое лицо установило само для себя обязательство. Только тогда, когда каждое изъ двухъ лицъ само за себя стипулируетъ,—тогда мо-

дую его догматическому призванію—моральной и психической оцѣнки юридическихъ явленій. И такъ, *selbst ist der Mann*, и это основное начало самосознающей силы и мужественнаго характера, говоритъ Унгеръ, которое нѣмцы считаютъ своей національной чертой,—это начало ни у одного народа не проведено съ такой желѣзной послѣдовательностью и съ такимъ непреклоннымъ постоянствомъ, какъ у народа римскаго, народа воли по преимуществу. См. эту прекрасную статью въ *Jahrbüch. für Dogm.* 1869.

1) L. 38 § 17, 19, 20, 22. D. de V. O. L. 123, L. 59, D. de R. I. Ср. еще L. I. C. 4. 27 Ulp. Fr. XIX. 18. L. 126 D. de V. O. L. 1 § 11 D. 49. 4. Гай III, 163 и 164; § 3 и 5. I. 2. 9. Иныя начала для владѣнія, для вѣковыхъ исковъ, для насъ здѣсь не важны Ср. L. 1. C. 4. 24. Гай, II § 95. Pauli R. S. V. 2. 2. Гай, IV, 153, 77, 82 и 83.

2) Выше, полемизируя Фиттинга, мы указали мѣста, въ которыхъ рѣзко выражено различіе понятій *corgeus credendi* и *sollicitus scilicet adjectus*. Множество другихъ мѣстъ, гдѣ эта мысль выражается, знакомы всякому романисту.

жетъ быть достигнута цѣль, которой иначе нельзя достигнуть въ старомъ правѣ, именно сдѣлать другаго способнымъ упражнять всѣ права вѣрителя въ отноше- нии къ тому-же должнику. И такъ, простая мысль, ко- торая прежде всего приходитъ въ голову въ виду слу- чаевъ активнаго корреалитета, заключается въ томъ, что здѣсь объ стипуляціи устанавливаются съ той цѣлью, чтобъ сдѣлать другаго вѣрителя (*persona sui juris*) мо- имъ представителемъ въ отношеіи къ обязательству, котораго субъектъ собственно я. Иначе достигнуть это- го, какъ посредствомъ двухъ стипуляцій извѣстнымъ об- разомъ (корреальнымъ обрядомъ) связанныхъ, нельзя. Отдѣльными отъ этой сдѣлки соглашениями будетъ, какъ при фидуціарномъ залогѣ, обезпечено право настояща- го, въ матерьяльномъ смыслѣ, вѣрителя, а съ виду, фор- мально, будутъ двѣ стипуляціи и два субъекта.

Что такая цѣль дѣйствительно достигалась такимъ путемъ, -- въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Но вотъ еще другой поводъ присоединять въ ка- чествѣ вѣрителя другое лицо къ сдѣлкѣ. Нельзя было стипулировать съ такой прибавкой: *post mortem meam dari spondes? ibo inelegans esse visum est, ex heredis persona incipere obligationem* ¹⁾. Тогда, чтобъ предупредить недѣйствительность такой стипуляціи, можно бы- ло *ad id, quod stipulamur, alium adhibere, qui idem stipuletur*, и это съ той цѣлью, *ut is post mortem no- stram agat.* ²⁾

Но цѣлями прокуратуры вовсе опять не исчерпы- вается все, для чего можетъ служить активная корре- альность. Мы имѣемъ свидѣтельство того, что *duo rei stipulandi* и *promittendi*, независимо отъ двухъ стипу- ляцій, еще особо дѣлаютъ одинъ другаго прокурато- ромъ:

Porro si uni ex reis credendi constitutum sit, isque alium (procuratorem ins. Vulg.) in

1) Гай III, 100. и 158. L. 12 §. 17 L. 13 L. 27. D. 17. 1.

2) Гай, III, 110, 117, IV, 113. *Servus adstipulando nihil agit.* Тамъ-же III, 114.

constitutam pecuniam det, non negabimus posse dare. Sed et ex duobus reis promittendi alter alterum ad defendendum procuratorem dabit. 1)

Возможно было также для цѣлей делегации конструировать активно-корреальное обязательство. 2)

Thering, въ виду того, что мандатъ прекращается смертью манданта, предполагаетъ, что лица часто должны были обращаться къ постановкѣ уполномоченнаго въ обязательствѣ формально какъ самостоятельнаго субъекта. Лица заинтересованныя въ сдѣлкѣ только на долю, въ качествѣ участниковъ, являлись формально субъектами ея in solidum. При маломъ кругѣ 3) заинтересованныхъ корреальная конструкция замѣняла собою тоже, для чего въ обширномъ кругѣ служила форма юридическаго лица. 4)

Вотъ цѣлый рядъ *возможныхъ цѣлей* для которыхъ была пригодною корреальная конструкция. Исчерпываются ли, однако, этимъ перечисленіемъ всѣ операции, для которыхъ средствомъ можетъ служить сопоставленіе двухъ одновременныхъ стипуляцій на idem? Мы не рассчитывали на это. Указывая на множество *возможныхъ цѣлей* этого сопоставленія мы искали только опредѣлить его природу. Оно есть по существу своему совершенно отвлеченное, не принаровленное вовсе для какой либо именно данной, конкретной цѣли. Если простая стипуляція представляетъ собою отвлеченную отъ всякой матерьяльной causa общую формулу обязательства, которую Куяцій метко называлъ pandectae omnium contractuum, то корреальность, въ его основной формѣ, есть такого-же характера совершенно *абстрактное, всеоде-*

1) D. 42 § 5 D. 3. 3.

2) Arg. D. 59 pr. D. 23. 3.

3) Не двое, а многие correi встрѣчаются часто см. надр. L. 16 pr. и § 1 D. 46. 4.

4) Geist, III, стр. 211 и слѣд., изд. 1865 г., отсюда же пошло разнѣе глаголъ adjectitiae qualitatatis.

*каждое сопоставленіе двухъ стимуляцій, способное служить для всевозможныхъ цѣлей оборота съ требованіями. Если открытіе отвлеченныхъ формулъ, опредѣленіе математическихъ линій договорнаго права составляетъ вообще заслугу квинтскаго гевія, то нигдѣ это не очевидно въ такой мѣрѣ какъ въ этомъ отвлеченномъ сопоставленіи двухъ одновременныхъ стимуляцій *in idem*, изъ которыхъ каждая есть абсолютно равная другой и является заключающая въ себя все элементы самостоятельнаго обязательственнаго отношенія для каждою изъ двухъ агентовъ или для каждою изъ двухъ должностей.*

Обрядъ, описанный нами выше столь простъ, и между тѣмъ въ этомъ простомъ обрядѣ, разрѣшена одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, какія когда либо представлялись юридической мысли. Много разъ является необходимость для юридическихъ операций мыслить на одномъ и томъ-же матерьяльномъ субстратѣ двѣ отвлеченныя функціи. Всего чаще въ римскомъ правѣ мы встречаемъ этотъ способъ дѣйствія по отношенію къ рабу, который есть одинъ, но, въ извѣстныхъ условіяхъ, выполняетъ юридическія функціи двухъ рабовъ. Тогда юристы говорятъ, что этотъ одинъ рабъ составляетъ какъ бы двухъ, *quasi duo servi sunt*¹⁾. Но здѣсь абстракція не выработана вовсе у классиковъ до полного эластическаго выраженія ея въ юридическомъ образѣ. Въ коррелятетѣ два обязательства суть два настоящиха, подлинныя объекта гражданскаго оборота, и они оба сопоставлены такъ, что каждое можетъ служить для всѣхъ цѣлей, для которыхъ служить отдѣльное обязательство, если его субъектомъ будетъ то одно, то другое, то третье лицо. Здѣсь отвлеченіе отъ конкретныхъ цѣлей оборота произведено такъ, что оно, выражаясь словами Бэра, какъ алгебраическая формула, со-

1) Ср. мѣсто изъ Юліана, L. 81 § 1 D. de legat. I и L. 15 D. 45. 3., гдѣ находимъ названіе *conservus* соотвѣтствующее этимологически названію *correus*.

храняетъ всё результаты, не разрушая элементовъ. Римскіе кантаторы формуль умѣли отыскать эту тайну отвлеченнаго сопоставленія двухъ стипуляцій, снявъ съ обѣихъ только одинъ признакъ, признакъ времени возникновенія каждой. Въ этомъ видѣ онѣ явились въ первый разъ какъ выраженіе способности обязательства функционировать въ оборотѣ со всеми свойствами матерьяльныхъ вещей. Простая абстрактная сдѣлка, для которой не нужно ничего кромѣ слова, становится годной для безчисленныхъ особыхъ матерьяльныхъ юридическихъ и денежныхъ операций, кредита, перевода долга, уступки требованій, делегации, полномочія и проч. Въ этомъ центральномъ пунктѣ сходятся всё черты и всё свойства одинокой абстрактной стипуляціи, и отсюда открываются пути ко всевозможнымъ сложнымъ сдѣлкамъ, позже получившимъ специальныя примѣненія въ торговыхъ товариществахъ, въ ученіи о цессіи, о прокуратурѣ, объ *actio utilis*, о поручительствѣ и. т. д. И если англичане считаютъ возможнымъ своихъ *conveyances* называть Ньютонами, то мы, вопреки насмѣшливымъ намекамъ передоваго челоуѣка падающей республики, съ бѣльшимъ основаніемъ можемъ въ творцахъ стараго права отмѣтить признаки универсальнаго математическаго гениа.

Угадалъ ли Фиттингъ въ этомъ простомъ обрядѣ его скрытую силу?—Нѣтъ. Онъ смѣшалъ лицо, которое присоединяется къ обязательству *solutionis causa*, какъ касса, какъ кошель, съ субъектомъ обязательства, которому не только уплатить можно, но который способенъ упражнять всё права настоящаго вѣрителя. Онъ нашель, что сопоставленіе двухъ лицъ и двухъ вещей въ обязательствѣ составляютъ взаимно объясняющія одно другое явленія!

Увидѣлъ ли Риббентропъ природу двухъ обязательствъ (*naturam obligationum duarum*) ¹⁾, всё отвлеченныя функціи двухъ стипуляцій въ одной сдѣлкѣ? Нѣтъ,

1) Юліанъ, Ульпіанъ L. 5 D. 46. 1.

онъ не могъ освободиться отъ впечатлѣній матеріи, и обязательство корреальное осталось у него всё таки одно.

Чѣмъ объяснить эту роковую ошибку? Мы не можемъ объяснить ее себѣ ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ минусомъ или плюсомъ, которымъ германскій геній отличается отъ римскаго генія.

II Моменты, индивидуализирующие обязательства, поставленныя въ корреальную связь.

Пока цѣль установленія корреалитета не достигнута еще, пока стороны тѣмъ или инымъ специфическимъ для этого способомъ (о чемъ позже) не прекратили существованія описанной нами конструкции, до тѣхъ поръ каждое отдѣльное обязательство можетъ, или по волѣ лицъ или независимо отъ ихъ воли, испытывать на себѣ различныя вліянія, какимъ вообще подлежатъ обязательства. Мы здѣсь рассмотримъ только тѣ изъ нихъ, которыя особенно характерны для природы изучаемаго нами явленія, и ближайшимъ образомъ въ условіяхъ первоначальнаго формализма ¹⁾).

И такъ, оба вѣрителя или оба должника могутъ или изначала, или впоследствии, стать въ отношенія товарищества, *societas*, — тогда это *correi socii*, — и съ этимъ вмѣстѣ всё специфическія особенности товарищества оказываютъ тотчасъ, по законамъ этого матерьяльнаго контракта, вліянія очень существенныя на различныя функціи корреалитета. Мы не будемъ слѣдить за видоизмѣненіями абстрактнаго сопоставленія двухъ стипуляцій въ связи съ законами товарищества, тѣмъ болѣе что и самый контрактъ не есть ранняго образованія ²⁾). Павелъ говоритъ:

1) Подробное изученіе всѣхъ явленій такого рода можетъ включить въ себѣ всё такъ называемыя общія ученія объ обязательствахъ.

2) См. особен. L. 3 § 3 и 4. D. 34. 3. Также L. 9 § 1 D. h. t. L. 25 pr. D. de pactis. 2. 14. L. 29 in fine D. 34. 3.

Semper enim non id, quod privatum interest unius ex sociis, servari solet, sed quod societati expedit ¹⁾.

Природа отношений обоимъ вѣрителей или должниковъ остается таже, но въ известной степени функции той или другой стипуляціи измѣняются вслѣдствіе заключенія однимъ изъ вѣрителей или съ однимъ изъ должниковъ особаго соглашения о неупражненіи его права въ процессуальномъ порядкѣ. Знленіе есть тоже позднѣйшее. Источники разсматриваютъ его всего чаще въ связи съ *societas*. ²⁾ Такія соглашения облекаются въ форму *actum de non petendo*. Но возможность присоединенія къ той и другой стипуляціи особаго соглашения такого рода есть важное свидѣтельство въ пользу независимаго исковаго характера каждой стипуляціи, и поэтому на немъ всегда останавливаются исследователи нашего вопроса.

Если вѣритель заключилъ *actum* съ однимъ изъ должниковъ (пассивная коррeальность), то понятнымъ образомъ дѣйствіе его можетъ простираться только на ихъ обязательство, отдѣльно, развѣ ихъ интересы поставлены въ известную степень безразличія отношеніями товарищества. Тогда, по свидѣтельству Юлія Павла,

in rem pacta omnibus prosumt, quorum obligationem dissolutam esse, ejus, qui patiscitur, interfuit ³⁾.

Для коррeалитета активнаго и это различіе между *actum de non petendo in rem* и *in personam* не важно, и дѣйствіе его всегда относится только къ одной стипуляціи ⁴⁾.

1) L. 65 § 5. D. 17. 2.

2) См. приведен. сейчасъ для *societas* мѣста.

3) L. 21 § 5 D. 2. 14.

4) L. 27 pr. D. 2. 14 и L. 93 pr. D. 46. 3. Ср Вангерова, *Lehrbuch*, изд. 7-е обширное примѣчаніе, т. III, отд. 1., стр. 94.

Далѣ, въ чемъ будетъ заключаться это дѣйствіе простаго уговора на стипуляцію? Мы выше привели слова Павла: *in stipulationibus jus, in pactis factum verbatum* ¹⁾. Дать какую либо силу такому фактическаго характера уговору цивильное право не можетъ ²⁾. Вліянія на конструкцію корреалитета въ его чистомъ видѣ рас-шир. никогда не оказываетъ никакого. Единственный путь, которымъ можно было противодѣйствовать иску,— это преторская форма экспенци, которая не поражала необходимо исковой основы права и давала только средство защиты *paciscenti*у. Сама корреальная конструкція оставалась нетронутой ³⁾:

quia posterior conventio, quae in alterius persona intercessit, statum et naturam obligationis, quae duos initio reos fecit, mutare non potest (Папиніанъ, L. 9 § 1 D. h. t.)

Совершенно иное для поручительства: здѣсь точка зрѣнія матеріальная постоянно способна взять верхъ надъ формальной и оказать такое-же вліяніе на связь обязательствъ, какое оказываетъ *societas* (см. приведен. выше мѣсто изъ Юлія Павла) ⁴⁾. Едва ли можно встрѣтить въ источникахъ болѣе любопытное сочетаніе противоположеній дѣйствія *pactum de non petendo* съ акцептиляціей, стало быть, съ формальнымъ актомъ, съ одной

Толкованіе на текстъ Юлія Павла L. 27 pr. D. 2. 14 у Савинья, стр. 174, у Demangeat, 52 и здѣсь указ. мѣста. Множество сложокъ у Вангерова можно объяснить себѣ только тѣмъ, что руководство составлялось и перерабатывалось десятки лѣтъ, при чемъ авторъ всегда удерживалъ прежнія ссылки, хотя часто онѣ уже теряли всякую цѣну.

1) L. 27 § 2. D. 2. 14.

2) *Ex nudo pacto inter cives romanos actio non nascitur.* Pauli R. S., II, 14. 1.

3) Какъ въ этомъ отношеніи различны обязательства корреальное и альтернативное см. L. 27 § 6 D. 2. 14. Для *exceptio doli* противъ стипуляціи см. L. 14 § 2 D. 44. 2. L. 2 § 3 D. 44. 4.

4) L. 21 § 5. L. 32. D. 2. 14.

сторонъ, и потомъ—пригодности того и другаго для чистаго корреалитета и для корреалитета видоизмѣннаго товариществомъ, какъ то, которое даетъ намъ Ульпианъ. Рѣчь идетъ о легатѣ, которымъ завѣщатель приказываетъ освободить своего должника (*liberatio legata*):

Nunc de effectu legati videamus; et si quidem mihi liberatio sit relicta, sive a me petatur, exceptione uti possum, sive non petatur possum agere, ut liberer per acceptilationem. Sed etsi cum alio sim debitor, puta duo rei fuimus promittendi, et mihi soli testator consultum voluit, agendo consequar, non ut accepto liberer, ne etiam correus meus liberetur contra testatoris voluntatem, sed pacto liberabor. Sed quid si socii fuimus? Videamus ne per acceptilationem debeam liberari, alioquin, dum a correo meo petitur, ego inquietor. Et ita Iulianus libro trigesimo secundo Digestorum scripsit, si quidem socii non simus, pacto me debere liberari, si socii, per acceptilationem. ¹⁾

Цѣль, съ которой производилась такая *liberatio* при корреалитетѣ, могла быть столь-же многообразна, какъ и та, для которой устанавлился корреалитетъ. Прибавимъ еще, что тестаторъ могъ формально этимъ путемъ удовлетворять требованіямъ разныхъ лицъ, которыхъ онъ обязанъ былъ имѣть въ виду въ своемъ завѣщаніи.

На чемъ держится это различіе средствъ выполненія легата въ обоихъ случаяхъ? На различномъ отношеніи двухъ обязательствъ въ чистомъ корреалитетѣ (совершенно абстрактномъ) и въ корреалитетѣ, видоизмѣненномъ товариществомъ или поручительствомъ (матерьяльно характеризованномъ). Въ первомъ случаѣ воля можетъ быть выполнена только чисто формальнымъ

1) L. 3. § 3. D. 34. 3.

образомъ, ибо въ самомъ отношеніи не дано никакихъ указаній на его матерьяльную основу. Во второмъ случаѣ должны быть необходимо приняты во вниманіе именно матерьяльные моменты, и воля выполняется прямо въ виду ихъ. Освобождая содолжника—товарища или главнаго должника посредствомъ *pactum*, я effectu не выполнилъ вовсе отказа, ибо оставилъ себѣ возможность косвенно, преслѣдуя поручителя или другаго должника, все-таки взыскать съ легатара. Въ отношеніи къ поручительству, понятно, такой косвенный способъ дѣйствія имѣеть мѣсто только тогда, когда у поручителя есть регрессъ, и если онъ ручался дара ради или *suo nomine*, тогда достаточно простаго *pactum*, чтобъ выполнить легать. ')—Все значеніе *pactum de non petendo*, вовсе не аффицируя силы стипуляціи, можетъ быть устранено обратнымъ уговоромъ, *ut eam rescuniam rettere liceat*.

Оба обязательства могутъ далѣе индивидуализироваться присоединеніемъ къ тому или другому аксессуарныхъ стипуляцій или залоговъ. Вопросъ собственно имѣеть только экономическое значеніе для вѣрителя. То или другое обязательство становится болѣе гарантированнымъ. Но для насъ важно прослѣдить отношеніе обѣихъ стипуляцій на этомъ именно вопросѣ, ибо здѣсь всего очевиднѣе особенность существованія каждой. Если бы коррeальное обязательство составляло *unum*

1) L. 29 D. 4. 8. L. 5 pr. D. 34. 3. L. 25 pr. (Вангер. стр. 95) L. 24. D. 2. 14. L. 71 § 1 D. 46. 1. Разрѣшается ли обязательство посредствомъ *acceptilatio*, или *pactum de non petendo* дѣйствуетъ съ этой силой, идя въ пользу того и другаго,—въ результатѣ будетъ одно и тоже. Естественно, что чѣмъ болѣе видоизмѣнилась формальная сила стипуляціи,—тѣмъ безразличнѣе становится отношеніе къ вопросу о способѣ дѣйствія при тождествѣ результата. L 34 § 11. D. 46. 3 (Фиттингъ, стр. 208 иначе). Положеніе коррeального должника *pro te* (L. 45 § 3 D. 17. 1.) есть также матерьяльно характеризованное, какъ обязательство поручителя (см. выше). Оба института заимствуютъ одинъ изъ другаго извѣстные элементы обратно своей подлинной природѣ, понятнымъ образомъ, со всѣми консеквенціями.

obligationem, какъ этого хочеть большинство, — то все-го естественнѣе было бы ожидать, что личные пред-ставители обязательствъ будутъ разсматриваемы только какъ средства для этой единой материальной цѣли, и все, чѣмъ усиливается благонадежность одного должни-ка, будетъ служить обеспеченіемъ общаго обязатель-ства. Источники даютъ, однако, совершенно обратный от-вѣтъ. Выше мы видѣли, что каждый изъ должниковъ можетъ паруниться за другаго, и тогда онъ будетъ унла-чивать, отвѣчать на судѣ и т. д. или suo или alieno nomine, или по своему или по чужому обязательству. ¹⁾ Совершенно также отдѣльно къ каждому обязательству присоединяются и постороннія лица въ качествѣ пору-чителей. Папиніанъ, разсматривая вопросъ объ отвѣт-ственности поручителей по тому и другому обязатель-ству, высказываетъ именно, что поручители должны быть также разсматриваемы какъ отдѣльно обязанные, какъ и сами должники.

Duo rei promittendi separatim fidejussores dederunt; invitus creditor inter omnes fidejus- sores actiones dividere non cogitur, sed inter eos duntaxat, qui pro singulis intervenerunt; plane si velit actionem suam inter omnes di- videre, non erit prohibendus, non magis, quam si duos reos pro partibus conveniret. ²⁾

И такъ, это одна только изъ возможностей, для которыхъ способны служить оба обязательства. Самимъ

1) Какъ важно это различіе — оцласти мы видѣли выше. При- даное будетъ совершенно инымъ, дасть ли оно оцастъ отъ себя, или въ качествѣ поручителя L. 5 § 6 и 7 D. 23. 3. Если лица (под- властныя), которыя не могутъ за другаго рунчаться, не могутъ быть duo rei. Есть лица, которыя могутъ должать, но не могутъ интерве- дировать. Ср. въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы привели выше для поручительства, еще отмѣченныя нами при чтеніи источниковъ слѣдующія: L. 41 pr. L. 32. D. 46. 1. L. 4. D. 3. 5. L. 47. L. 59 D. 12. 6. L. 29 D. 4. 8. L. 1 § 8 D. 44. 5. L. 28. C. 8. 41. Pauli R. S. I. 20. 1. L. 3 § 1 D. 42. 6.

2) L. 51 § 2 D. 46. 1.

корреляльнымъ отношеніемъ оба обязательства вовсе не связаны такъ, чтобъ поручители по одному силой обязательнаго единства обязательства становились необходимо и поручителями по другому. ¹⁾

Съ другой стороны, тоже самое лицо можетъ по каждому изъ обязательствъ отдѣльно взять на себя поручительство, и не смотря на то, что это будетъ одно лицо и что оно ручается за каждаго изъ двухъ должниковъ въ той-же суммѣ, оба поручительства рассматриваются все-таки какъ отдѣльныя обязательства. Въ высшей степени тонное указаніе на практическую важность этого различія дѣлаетъ Африканъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

Quum et tu et Titius ejusdem pecuniae rei essetis, eum, qui pro te fidejussit, posse et pro Titio fidejubere, respondit, quamvis eandem pecuniam eidem debiturus sit.

И такъ, поручитель за того и за другаго будетъ два раза долженъ одному и тому-же лицу ту-же суммѣ. Какой-же смыслъ этой двойственности основаній? Африканъ продолжаетъ:-

Nec tamen inanem eam creditori futuram, nonnullis enim casibus emolumentum habituram, veluti si ei, pro quo ante fidejussisset, heres existat; tunc enim confusa prima obligatione posteriorem duraturam. ²⁾

Мы рассмотримъ далѣе другіе моменты, фактическаго характера, отчасти составляющіе акты воли, отчасти случайные, которые тоже оказываютъ вліяніе на

1) Это столь-же мало необходимо, какъ и преемство одно-го вѣрителя за другаго. Прокураторъ по обязательству другаго корреляльнаго вѣрителя или должника не есть *procurator in rem suam*.

2) L. 21 § 4. D. 46. 1.

каждое обязательство особо, вовсе не дѣйствуя на другое.

Прежде всего тогда одного изъ должниковъ. Этотъ вопросъ, всвязи съ вопросомъ о *culpa*, есть одинъ изъ самыхъ спорныхъ во всей литературѣ корреалитета ¹⁾ Причина спора и, съ точки зрѣнія экзегезы *отдельныхъ мѣстъ*, до сихъ поръ не достижимаго соглашенія заключается въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя текстами, которые служатъ выраженіемъ совершенно различныхъ принциповъ.

И такъ, по вопросу о дѣйствиі просрочки Юлій Павелъ говоритъ прямо слѣдующее:

Unicuique sua mora nocet, quod et in duobus reis promittendi observatur. ²⁾

Точно также Марціанъ:

Sed si duo rei promittendi sint, alterius mora alteri non nocet. ³⁾

Во множествѣ мѣстъ, касающихся собственно поручительства, руководящій принципъ въ рѣшеніяхъ о томъ и *culpa* одинъ и тотъ-же. ⁴⁾ Между тѣмъ Помпоній въ самомъ общемъ смыслѣ рѣшаетъ вопросъ о послѣдствіяхъ дѣянія одного изъ содолжниковъ для обязательства другаго, выходя повидимому изъ совершенно противоположнаго принципа:

Ex duobus reis ejusdem Stichi promittendi factis alterius factum alteri quoque nocet. ⁵⁾

1) Указанія на старую литературу см. отчасти у Риббентрона, стр. 29, примѣч. 8, отчасти у Demengeat, стр. 375 и слѣд.; новая литература у Вангерова, стр. 63.

2) L. 173 § 2 D. 50. 17.

3) L. 32 § 4 D. 22. 1.

4) L. 23. D. de V. O. (тоже Помпонія) L. 49 пр. и § 1 L. 88. 1. L. 91 § 3, 4 и 5. (мѣсто изъ Павла съ указаніемъ на Помпонія и на спорный характеръ вопроса) L. 105 D. eod. L. 24 § D. 22. 1. L. 32 § 5 D. eod.

5) L. 18 D. h. t.

Понятно, какую поддержку хочеть найти себѣ въ этомъ положеніи теорія единства корреального обязательства. Если бѣ это мѣсто стояло одиноко и представляло собою въ самомъ дѣлѣ вполне выдержанное общее начало, то согласовать его съ нашимъ взглядомъ на корреалитетъ какъ на совокупность двухъ обязательствъ было бы невозможно. Ни того, ни другаго однако нѣтъ въ данномъ случаѣ.

Прежде всего мы находимъ частныя рѣшенія, которыя прямо должны были бы подходить подъ этотъ принципъ, но которыя совершенно ему противорѣчатъ, такъ что намъ необходимо во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ ограничить его общій смыслъ. У Юлія Павла читаемъ:

Si duo rei stipulandi sint, et uni debitor iudicio se sisti cum poena promiserit, alter autem impederit, ita demum exceptio adversus alterum danda est, si socii sint, ne prosit ei dolus propter societatem ¹⁾.

Отчего въ вопросѣ объ обѣщаніи раба иначе? Выдерживаетъ ли здѣсь юристъ строгую послѣдовательность юридическимъ принципамъ гражданского права, или быть можетъ, Помпоній даетъ свое рѣшеніе прямо противно разуму строгаго права, *contra tenorem juris civilis* въ виду какихъ либо особыхъ соображеній? Отступленіе отъ ригоризма встрѣчается многократно въ вопросахъ подобнаго рода.

Et Celsus adolescens scribit, eum, qui moram fecit in solvendo Stichō, quem promiserat, posse emendare eam moram postea offerendo; esse enim hanc quaestionem de bono et aequo; in quo genere plerumque sub auctoritate juris scientiae perniciose, inquit, erratur ²⁾.

1) L. 5. pr. D. 2. 11.

2) L. 91 § 4 D. de V. O. Ср. также текстъ дальше (въ словахъ *par utriusque causa sit*—нѣтъ ли указанія на корреали-

Здѣсь строгость является смысловой началами эквитета. Въ нашемъ случаѣ совершенно обратно. Въ то-то того чтобъ каждый изъ должниковъ терпѣлъ на своемъ обязательствѣ только послѣдствіе своего дѣянія, оба отвѣчаютъ другъ за друга какъ будто они сообщники, хотя этого именно не оказано. *Какой поводъ? Какія особенности находимъ именно въ данномъ вопросѣ?* Рассмотримъ предметъ сдѣлки: два лица промиттируютъ раба Слеха, и видимъ одинъ изъ промиттентовъ совершаетъ нѣчто, за что юристъ хочетъ, чтобъ они оба отвѣчали передъ вѣрителемъ. Послѣдствія должны пасть на обоихъ. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь есть позитивный, штрафной элементъ, что юристъ хочетъ достигнуть той цѣли, которая выше (L. 5 pr. D. 2. 11) была выражена въ отношеніи къ другому случаю, — *ne prosit ei dolus propter societatem*, хотя товарищество вовсе не показано какъ основаніе такой отвѣтственности. Поводъ прилагать здѣсь позитивно, въ качествѣ презумпціи, тѣ начала, которыя имѣютъ мѣсто только для *bonae fidei*, заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что предметъ сдѣлки есть рабъ, а работорговцы составляли одиозный влассъ людей, и противъ нихъ именно законъ и практика допускала совершенно особня мѣры, которыхъ основаніе заключалось не въ правѣ, не въ юридическихъ принципахъ, а лишь въ этомъ особомъ взглядѣ на ихъ ремесло. Прямое свидѣтельство на этомъ смыслѣ даетъ намъ Юлій Павелъ:

Justissime Aediles noluerunt, hominem ei rei, quae minoris esset, accedere, ne quae fraus aut Edicto aut juri civili fieret, ut ait Pedius, propter dignitatem hominum..... § 1. Proponitur actio ex hoc Edicto in eum, ejus maxima pars in venditione fuerit, quia plerumque

теть? Ср. L. 25 pr. D. 42. 8). Еще напр. мѣсто изъ Папиніана: *neque enim ratio juris damno debet affibere creditorem, qui sibi diligenter prospexerat* L. 3 pr. D. 42. 6.

venaliciarii ita societatem coeunt, ut quidquid agunt, in commune videantur agere. Aequum enim visum est vel in unum ex his, cujus major pars, aut nulla parte minor esset, aedilicias actiones competere, ne cogeretur emptor cum multis litigare, quamvis actio ex empto cum singularis sit pro portione qua socii fuerunt; nam id genus hominum ad lucrum potius vel turpiter faciendum pronius est ¹⁾.

Если принципъ, выраженный въ разсматриваемомъ фрагментѣ Помпонія (18 h. t.), находится въ прямомъ противорѣчій съ другими рѣшеніями, если другія мѣста носятъ на себѣ несомнѣнно гораздо болѣе общій характеръ (L. 173 § 2 L. 161 D. de R. J.), чѣмъ это, если въ вопросахъ о торгѣ рабами допускались aequitatis causa прямыя отступленія отъ юридической консеквентности, то въ правѣ-ли мы давать отрывочному свидѣтельству Помпонія рѣшающее значеніе для вопроса о природѣ корреального обязательства? Въ правѣ-ли мы сказать—если въ корреальныхъ стипуляціяхъ, которыхъ предметъ составляетъ рабъ, дѣйствіе одного изъ промиттентовъ влечетъ за собой отвѣтственность и для другаго, то тоже самое должно имѣть мѣсто и для всякаго другаго обязательства, независимо отъ предмета обиданія? Мы думаемъ, что это будетъ прямой ошибкой, что данный случай долженъ быть разсматриваемъ какъ особый, какъ сингулярный, заключающій въ себѣ самомъ свое объясненіе и не способный служить средствомъ для раскрытія общихъ началъ, ²⁾ развѣ въ качествѣ аргумента а contrario для прямо противоположныхъ заключеній въ иныхъ случаяхъ. Въ этомъ смыслѣ, мы считаемъ попытку Bekker'a и Фиттинга произвести

1) L. 44. D. 21. 1.

2) Quid vera contra rationem juris receptam est, non est procedendum ad consequentias L. 14 D. 1. 3.

эмендацию текста совершенно ошибочной¹⁾). Текст, такъ какъ онъ есть, имѣетъ за себя всю несомнѣнную достовѣрность подлиннаго. Заключение, къ которому онъ насъ приводитъ, есть прямо противное господствующей теоріи. Не оттого Помпоній хочетъ, чтобъ одинъ промиттентъ отвѣчалъ за дѣйствія другаго, что обязательство корреальное есть *obligatio communis* или *una eademque* у обоихъ, ибо иначе тоже встрѣчалось бы во всѣхъ рѣшеніяхъ, а оттого, что въ данномъ случаѣ есть особая причина, побуждающія отступить отъ юридической логики, дѣйствовать прямо противно ей.

Мы покончили такимъ образомъ съ одной изъ *сильнѣйшихъ* опоръ теоріи унитаристовъ, и переходимъ теперь къ тому вопросу, который всегда составлялъ ея *слабѣйшую* сторону. Это вопросъ о вліяніи, которое оказываетъ *confusio* на отдѣльныя обязательства, входящія въ составъ корреалитета. Вопросъ самъ по себѣ не есть, однако, легко рѣшаемый, по крайней сложности явленій римскаго наследственнаго права, съ которымъ мы приходимъ здѣсь въ соприкосновеніе²⁾). Мы ду-

1) Перемена въ текстѣ, которую предлагаетъ Фиттингъ, въ виду L. 5 C. 8. 40., есть небольшая, но очень рѣшительная. Слѣдуетъ-де читать: *alterius factum alteri non nocet*. Если унитаристы предложатъ намъ взять это *non* напр. изъ текста Марцелла (L. 32 § 4 D. 32. 1.), то мы будемъ въ рѣшительномъ проигрывать. Bekker (по чужой ссылкѣ) думаетъ читать вмѣсто—*ex duobus reis promittendi factis, —ex duobus reis promittendi sociis*. Ни въ какихъ чтеніяхъ этого мѣста не встрѣчается никакихъ намековъ на возможность такой перемены. При нашемъ толкованіи чѣмъ тверже стоять принятый текстъ, тѣмъ лучше.

2) Фиттингъ оказалъ рѣшительную заслугу внимательнымъ изслѣдованіемъ вопроса въ видахъ опроверженія господствующей теоріи. Мы однако будемъ держаться вдали отъ его изложенія, ибо нѣтъ никакой возможности русскому ученому, а главное русской публикѣ, слѣдить за всѣмъ развитіемъ литературнаго движенія вопроса, какъ оно происходитъ на мѣстѣ, со всѣми свойственными минутѣ интересами торжества надъ только что выраженнымъ мнѣніемъ или просто преимуществу лучшей аргументаціи мнѣнія и прежде высказаннаго, но слабо поддержаннаго. Можно желать этой живости обмѣна мыслей, какою мы видимъ въ Герма-

маемъ, что тѣ различія мѣнѣй, которыя встрѣчаются въ подлежащихъ изученію текстахъ, составляютъ только послѣдствія двойственности институтовъ наследственнаго права, съ которой встрѣчались юристы въ жизни. Это различіе мѣнѣй не измѣняетъ впрочемъ вовсе результатовъ дѣйствія конфузій на коррeальное обязательство. Какъ бы она ни дѣйствовала, съ силой формальнаго или матерьяльнаго акта, — все равно — при сляніи правъ вѣрителя съ правами должника въ одномъ лицѣ только одно обязательство прекратится, а другое останется въ силѣ, — при сляніи правъ двухъ вѣрителей или двухъ должниковъ въ одномъ лицѣ, оба требованія или оба обязательства продолжаютъ существовать отдѣльно. Вопросъ вовсе не въ этомъ. Объ этомъ никто не споритъ. Вопросъ только въ томъ, въ силу чего *confusio* производитъ извѣстныя послѣдствія, и именно это одно составляетъ предметъ разногласія.

И такъ, мы продолжаемъ здѣсь слѣдить за явленіями индивидуальной жизни каждаго изъ обязательствъ ¹⁾ Возможно, во время продолжающаго существовать коррeалитета, что между двумя лицами, входящими въ это отношеніе, произойдетъ совершенно случайно, по началамъ институтовъ наследственнаго права (объ этомъ только мы и будемъ говорить), сляніе права и обязанности, или двухъ правъ и двухъ обязанностей въ одномъ

ніи, для нашей печати, но репродуцировать исторію этихъ процессовъ мы не беремъ на себя, тѣмъ менѣе въ данномъ случаѣ, что точка зрѣнія, которую мы проводимъ, дѣлаетъ для насъ возможнымъ болѣе простой выходъ изъ недоразумѣній и спорныхъ вопросовъ, чѣмъ это представляютъ предшествующія попытки.

1) Конечно теорія унитарета говоритъ здѣсь о прекращеніи только субъективныхъ отношеній. Полагаемъ, что теперь представляется уже больше удобства, чѣмъ въ началѣ, спросить, — какимъ же юридическимъ понятіемъ опредѣлить этотъ совершенно неюридическій терминъ — *только субъективныхъ отношеній*? Неужели это не обязательство? Субъективное отношеніе, по которому дается искъ, о которомъ можно заключить *actum de non petendo*, по которому принимаются поручители, — что-жъ это за отношеніе; если это не обязательство?

лицъ. Такое слияніе и его дѣйствию должно быть здѣсь разсмотрѣно не по отношенію только къ лицамъ, между которыми оно произошло, но и по отношенію къ третьему лицу.

Сперва о дѣйствиі слиянія, когда оно происходитъ между двумя вѣрителями или должниками. На этотъ счетъ источники даютъ намъ открытый отвѣтъ. У Ульпіана, съ указаніемъ на Юліана, читаемъ

item si reus stipulandi extiterit heres rei stipulandi, duas species obligationis sustinebit ¹⁾

Тоже, почти буквально, повторяетъ Венулей. ²⁾

Въ отношеніи къ пассивному корреалитету у обоихъ писателей встрѣчаемъ ту же мысль:

Si reus promittendi altero reo heres extiterit, duas obligationes eum sustinere dicendum est. Reum vero reo succedentem ex duabus causis esse obligatum. ³⁾

Основанія, на которыхъ держатся эти мнѣнія, суть здѣсь существеннымъ образомъ отрицательнаго характера. Не видно, говоритъ тотъ и другой, вследствие чего одно изъ обязательствъ должно консумировать другое, и оба приводятъ въ параллель случаи, гдѣ можетъ быть виденъ, ясенъ резонъ для консумціи одного обязательства другимъ, именно въ поручительствѣ, когда главный должникъ наследовалъ поручителю:

nam ubi quidem altera differentia obligationum esse possit, ut in fidejussore et reo principali, constitit alteram ab altera perimi; quum vero duae ejusdem sint potesta-

1) L. 9 D. 46. 1.

2) L. 15 D. h. t.

3) Тамъ же, ср. еще L. 93 § 1 и 2 D. 46. 3.

tis sint, non potest reperiri, alteram potius quam alteram consummari (Венулей, тамъ-же).

Julianus ait, eum, qui heres extitit ei, pro quo intervenerat, liberari ex causa accessio- nis et solammodo quasi heredem rei teneri (тамъ-же).

Но и *коллоквиальнаго характера* основанія есть не- сомнѣнно для того, чтобъ недопускать конфузій, слитія обоихъ обязательствъ въ одно при корреалитетѣ, и эти основанія даетъ намъ Сцевола.

Мы видѣли выше, что каждое изъ обязательствъ *eiusdem potestatis*, способно индивидуализироваться. Мо- ментовъ обособленія можетъ быть много. Сцевола имѣ- етъ въ виду одинъ изъ нихъ, *factum de non petendo*, и съ этой точки зрѣнія отвѣчаетъ на вопросъ:

Sí duo rei sint stipulandi, et alter alterum heredem scripsit, videndum, an confundatur obligatio. Placet non confundi. Qvodsi intendat dari sibi oportere, vel ideo dari oportet ipsi, qvod heres extitit, vel ideo, qvod proprio no- mine ei deberetur. Atqvin magna est hujus rei differentia: nam si alter ex reis pacti conventi temporali exceptione sumamomeni poterit, intererit, is qui heres extitit, utrumne suo nomine, an hereditario experiat, ut ita possis animad- vertere, exceptioni locus sit, nec ne. 1)

Несомнѣнно, что не въ одномъ этомъ отношеніи могло быть практически важно различить *duas species obligationis* въ одномъ лицѣ, а точно также въ отноше- нии большей благонадежности того или другаго долга, ибо, какъ мы сейчасъ это видѣли, поручитель по одно- му обязательству не былъ eo ipso поручителемъ и по другому.

1) L. 93 pr. D. 46. 3.

Въ вопросѣ о конфузiи снова любимую тѣму сравненiй у классиковъ составляетъ коррeалитетъ и *fidejussio*. Здѣсь опять также ясно постоянное стремленiе обоихъ институтовъ разойтись въ разныя направленiя. Въ первомъ постоянно выдерживаются черты формализма и отвлеченности; во второй также послѣдовательно проходитъ матерьялизирующая тенденцiя. Источники сохранили намъ указанiе на старую контроверзу школь, изъ которой узнаемъ, что Сабинъ, *qui potius substantiam intuetur, quam opinionem* ¹⁾, думалъ, что обязательства главнаго должника и поручителя должны слиться въ одно вслѣдствiе наслѣдованiя одному другому, а Прокулъ былъ другаго мнѣнiя ²⁾. Гай еще повторяетъ старую догму, что разные виды поручителей не могутъ такъ принимать на себя обязательство, *ut plus debeant, quam debet is, pro quo obligantur, nec plus in accessione esse potest quam in principali re*; но на minus обязательство *fidejussor'a* можетъ идти ³⁾. И съ этой точки зрѣнiя разрѣшается вопросъ о слиянiи, т. е. меньшее обязательство всегда и необходимо погашается большимъ. Что большее и что меньшее сначала рѣшаетъ одна формальная мѣрка, количество. Еще позже, и эта догма индивидуализируется, примѣняясь къ отдѣльнымъ явленiямъ. У Папинiана ⁴⁾ находимъ случай, гдѣ *obligatio* поручителя можетъ быть *plenior*, чѣмъ обязательство главнаго должника. Если *obligatio* главнаго должника была только *naturalis*, то слиянiе въ одно, въ случаѣ наслѣдованiя поручителемъ должнику, не произойдетъ. Наконецъ, торжествомъ внутреннихъ началъ справедливости надъ старымъ формализмомъ, вѣнцомъ эквитета можетъ служить рѣшенiе того-же Папинiана, который, въ извѣстныхъ случаяхъ, предоставляетъ вѣрителю требовать, чтобъ имущество несостоятельнаго долж-

1) L. 2 § 2 D. 41. 4.

2) L. 93 § 3 D. 46. 3.

3) Гай, III, 126.

4) L. 95 § 3 D. 46. 3., съ извѣстной эмендацiей Буяцiя, ср. Вангер., I, стр. 314, изд. 1863 г., Глюкъ, V, 570.

ника и поручителя, не смотря на *confusio*, вслѣдствие котораго поручительство должно было погаснуть, разсматривались разнo:

neque enim ratio juris, quae causam fidejussionis propter principalem obligationem, quae major fuit, exclusit, damno debet afficere creditorem, qui sibi diligenter prospexerat ¹⁾.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ случай, гдѣ собственно вслѣдствие *confusio* не происходитъ никакой перемѣны съ существомъ обоихъ абстрактныхъ обязательствъ, и оба они продолжаютъ существовать въ одномъ лицѣ совершенно такъ, какъ существовали до слиянія. Вниманіе къ этому явленію было для насъ важно не столько въ виду поставленной нами задачи этого раздѣла, сколько въ виду ложнаго или эвазивнаго отношенія къ нему господствующаго ученія.

Мы переходимъ за сямъ къ вопросу о дѣйствиіи слиянія, тамъ гдѣ оно въ самомъ дѣлѣ и существеннымъ образомъ вліяетъ на одно изъ двухъ обязательствъ. Мы разумѣемъ возможность слиянія въ одномъ лицѣ, посредствомъ наслѣдованія другому, обѣихъ обязательственныхъ ролей, роли кредитора и дебитора.

Такое явленіе встрѣчается постоянно въ обязательствахъ, независимо отъ того или другаго ихъ строенія. Источники даютъ намъ множество указаній для этого вопроса. Но нигдѣ не испытывается въ такой мѣрѣ точность изслѣдованія вопроса о томъ, какъ производитъ *confusio* свое дѣйствіе, какъ здѣсь, при двухъ обязательствахъ *eiusdem potestatis*, гдѣ недостаточно грубой, матерьяльной точки зрѣнія, чтобъ опредѣлить свойство этого дѣйствія, гдѣ тотчасъ окажется послѣдствіе неправильной квалификации этого вліянія на рядомъ стоящемъ обязательствѣ, на интересахъ третьяго лица. При простомъ противуположеніи одного вѣрителя и

1) L. 3 pr. D. 42. 6.

одного должника едва-ли возможно какое либо недоразумѣніе по вопросу о дѣйстви конфузи, и едва-ли не всё равно (по крайней мѣрѣ въ массѣ случаевъ), какъ мы опредѣлимъ юридически составъ этого понятія, скажемъ ли мы, что обязательство прекратилось за неимѣніемъ вѣрителя, за неимѣніемъ должника, вслѣдствіе предположительной уплаты ¹⁾ и т. д. Юлій Павелъ по этому поводу говоритъ:

et quidem si unus debitor fuisset, non dubitabam, sicut fidejussorem, ita et mandatorum liberatum esse;..... ubi successit creditor debitori veluti solutionis jure sublata obligatione etiam mandator liberatur, vel quia non potest pro eodem apud eundem quis mandator esse.

Во всякомъ случаѣ нигдѣ вопросъ о *специфическомъ свойствѣ дѣйствія слиянія* не требуетъ такой точности изученія, какъ тамъ, гдѣ надо рѣзко различать способы

1) Различіе тотчасъ становится однако опять важнымъ, едва мы будемъ имѣть въ виду различное значеніе акта приступа къ наслѣдству въ римскомъ правѣ. Различіе то формальной, то матеріальной точки зрѣнія на слияніе идетъ, понятнымъ образомъ, совершенно параллельно развитію институтовъ наслѣдственного права. И такъ confusio не окажетъ вовсе матеріальнаго дѣйствія, если въ данномъ случаѣ лицо должно было принять наслѣдство лишь для того, чтобъ тотчасъ реституировать его въ качествѣ универсальнаго фиденкоммисса другому. L. 59 pr. L. 73 § 1 и L. 80 D. 36. 1. Тоже самое въ многочисленныхъ вопросахъ по поводу продажи наслѣдства ср. L. 20 § 1 D. 18 4. L. 2 § 8 D. 18. 4. (ср. Виндшейда, Actio, стр. 58 и 59). L. 45 D. 12. 6. Для наслѣдства, которое подлежитъ спору см. L. 95 § 8 D. 46. 3. L. 8 L. 17 L. 18 § 1 D. 34. 9. Различіе экономической и юридической, матеріальной и формальной точки зрѣнія восособности въ L. 1 § 18 L. 82 D. 35. 2. Случай реституціи L. 87 § 1 D. 29. 2. Для наслѣдованія въ долъ напр. L. 50 D. 46. 1. Для confusio между кредиторомъ и должникомъ или поручителемъ L. 21 § 3 § 5 L. 38 § 1 L. 21 § 4 D. 46. 1. L. 34 § 8 L. 43 L. 91 § 3. D. 46. 3. Сингулярное положеніе L. 29 § 1 и 2 D. 49. 14.

прекращенія обоихъ обязательствъ отъ способовъ прекращенія каждаго особо.

И такъ, не принимая во вниманіе всѣхъ видоизмѣненій явленія, возможныхъ при различіи комбинацій институтовъ наследственнаго права, мы постараемся найти въ источникахъ указанія на особый характеръ дѣйствія сліянія въ условіяхъ формализма, когда классики ямбуютъ прямо въ виду чистую форму корреалитета.

Основное мѣсто, прямо сюда относящееся, принадлежитъ Юлію Павлу. Вотъ оно:

Sed quum duo rei promittendi sint, et alteri heres extitit creditor, justa dubitatio est, utrum alter quoque liberatus est, ac si soluta fuisset pecunia, an persona tantum exempta, confusa obligatione. 1)

За снль юристъ выражаетъ свое мнѣніе, которое заключается въ томъ, что обязательство другаго лица должно остаться въ силѣ, и только тотъ, въ лицѣ котораго произошла confusio, выходитъ вслѣдствіе этого изъ отношенія со всѣми къ нему примыкавшими акцессорными обязательствами.

Впрочемъ, специфическаго характера вліянія конфузій на прекращаемое обязательство Павелъ здѣсь не обозначаетъ прямо, и эта сторона вопроса гораздо ярче освѣщена другими.

Прежде всего Помпоній опредѣляетъ намъ специфическую особенность дѣйствія конфузій, противополо-

1) L. 71 pr. D. 46. 1. Обращаемъ вниманіе на то, что слова an persona tantum exempta указываютъ только на результатъ дѣйствія, а причина дѣйствія выражена тутъ же, въ словахъ—confusa obligatione; поему ученіе, которое здѣсь ищетъ поддержки страннаго положенія, что въ обязательствахъ есть отдѣльныя субъективныя и объективныя отношенія, совершенно неправильно пользуется этимъ мѣстомъ. Именно уничтоженіе *обязательства этого лица* и дастъ въ *результатъ* его свободу, стало быть именно обязательство должно прекратиться, а не иное что. Надо только различать причину и ея послѣдствія,—и тогда все будетъ ясно.

гая этотъ способъ прекращенія обязательствъ другимъ, натуральнымъ, какова уплата, исчезновеніе вещи, и поставляя его съ прекращеніемъ обязательствъ формальнымъ, цивильнымъ способомъ, акцептиляціей:

Verborum obligatio aut naturaliter resolvitur, aut civiliter; naturaliter, veluti solutione.....; civiliter, veluti acceptilatione, vel quum in eandem personam jus stipulantis promittentisque devenit ¹⁾).

Папиніанъ, присматриваясь къ возможности самыхъ различныхъ матерьяльныхъ результатовъ конфузій, говоритъ о простѣйшемъ случаѣ слиянія: *jure confundit obligationem* ²⁾). Наконецъ, у Модестина читаемъ:

Sicut acceptilatio in eum diem praecedentes perimit actiones, ita et confusio; nam si debitor heres creditori extiterit, confusio hereditatis perimit petitionis actionem ³⁾).

Какая — же причина прекращенія обязательства чрезъ *confusio*? Въ силу чего она погашаетъ его? Отвѣтъ въ высшей степени простъ, — въ силу того, что послѣ конфузій существеннѣйшее формальное дѣйствіе стипуляціи не можетъ дальше имѣть мѣста: не на кого больше поставить интенцію, ибо и истецъ и отвѣтчикъ одно и тоже лицо. Формально этого совершенно достаточно, чтобъ не было больше обязательства, и это формальное дѣйствіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ есть его прямая причина, а гдѣ ея нѣтъ, въ обязательствѣ другаго вѣрителя, или другаго должника — тамъ нѣтъ и послѣд-

1) L. 107 D. 46. 3.

2) L. 95 § 2 D. 46. 3: *nonnunquam jure confundit,.... aliquando pro solutione credit,.... aliquando evenit, ut inanis obligatio aditione hereditatis confirmetur.*

3) L. 75 D. 46. 3.

ствій конфузiи. Сила дѣйствiя на слитый долгъ есть абсолютная, форма погашаетъ форму, не оставляя никакого матерьяльнаго резидуума ¹⁾. Это нѣчто совершенно иное, чѣмъ *actum de non petendo*, ибо при *confusio* причиной въ самой стипуляціи лежащей условливается ея исчезновеніе, а при *actum* само обязательство остается нетронутымъ, и ему противопоставляется препятствіе чисто внѣшняго характера, внѣ его лежащее.

Едва корреалитетъ является въ какой либо степени матерьялизированнымъ вліяніемъ товарищества, опредѣлившимся характеромъ обеспеченія одного обязательства посредствомъ другаго, указаніемъ на цѣль (*corgeus debendi pro te*), какъ все положеніе дѣла становится инымъ, и на вопросъ о дѣйствіи *confusio* нельзя отвѣчать иначе, какъ всякій разъ въ виду особаго свойства отношенія двухъ данныхъ обязательствъ. Тогда сила формы должна уступить силѣ матерьяльной истины, какая въ данномъ случаѣ будетъ раскрыта.

Повторяемъ еще разъ вопросъ: возможно-ли при совершенно абстрактномъ отношеніи обязательствъ допустить какое либо послѣдствіе уничтоженія одного обязательства для другаго? Мы отвѣчаемъ—нельзя, совершенно такъ, какъ нельзя считать обѣ стипуляціи ничтожными, потому что на одну, при ея установленіи, послѣдовалъ отвѣтъ, а на другую—нѣтъ, *neque enim sub conditione interrogatio in utriusque persona fit, ut ita demum obligetur, si alter quoque responderit* ²⁾. Каждое изъ входящихъ въ составъ сдѣлки двухъ обязательствъ въ себѣ самомъ заключаетъ всѣ условія своего возникновенія, всѣ условія индивидуальнаго существованія и полную возможность индивидуально прекратиться, вовсе и не увлекая за собой рядомъ стоящее обязательство.

1) См. существенно таже точка зрѣнія у Фиттинга, и тутъ же совершенно основательная полемика противъ Гиртаннера § 17—22.

2) L. 6 pr. D. h. t.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о причинѣ прекращенія обязательства, которая лежитъ не въ пережѣѣ, касающейся двухъ лицъ, какъ при *confusio*, а въ пережѣѣ, ограничивающейся однимъ лицомъ, однимъ должникомъ или однимъ вѣрителемъ. Это *capitis deminutio*. Интересъ вопроса совершенно второстепенный, ибо мы имѣемъ самое ясное указаніе на дѣйствіе ея, разрушающее *jure civili* обязательство только въ отношеніи къ той стипуляціи, которой субъектъ подвергается этой *status mutatio*. Именно у старѣйшихъ классиковъ мы находимъ всѣ необходимыя намъ свидѣнія. Помпоній свидѣтельствуегь:

Cum duo eandem pecuniam debent, si unus capitis deminutione exemptus est obligatione, alter non liberatur. ¹⁾

Совершенно понятное явленіе, если мы вспомнимъ слова Цапініана: *in cuius quę persona propria singulorum consistit obligatio*, или Павла, приведенныя выше, гдѣ онъ сравниваетъ корреляльное обязательство въ этомъ отношеніи съ альтернативнымъ: *quia non alterius nomine ei solvitur, sed suae obligationis, quae nulla est*. Существованіе каждой изъ нихъ подлежитъ тѣмъ же законамъ, какимъ подчиняется и отдѣльно стоящая стипуляція.

У Гаія мы узнаемъ о свойствѣ дѣйствія *capit. demin.* на прежній долгъ:

de eo vero quod prius suo nomine eae personae debuerint, licet neque pater adoptivus teneatur..... neque ipse quidem..... maneat obligatus, quia scilicet per capitis deminutionem liberatur, tamen in eum utilis actio datur, rescissa capitis deminutione. ²⁾

Кто даетъ эту защиту матеріальнымъ интересамъ лицъ, независимо отъ формальныхъ реквизитовъ цивиль-

1) L. 19 D. h. t.

2) Гаій III, 84.

наго права, въ данномъ случаѣ прямо противно абсолютизму его актовъ, *rescissa caritatis deminutione*, что известно. По данному вопросу мы имѣемъ подлинныя едова эдикта, которые сохранились у Ульпиана:

Ait Praetor: qui quaeve, posteaquam quid cum his actum contractumve sit, capite deminuti deminutae esse dicentur, in eos easve perinde quasi id factum non sit, iudicium dabo. ¹⁾

Это былъ прямой, позитивный путь противодействія началамъ квинтизма въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ они не могли быть пригодными, какъ практическая система права. Это тотъ-же арбитрный методъ, ²⁾ который встрѣчаемъ въ массѣ случаевъ въ системѣ наследственнаго права, гдѣ ровно также уничтожаются послѣдствія *carit. demin.* для еманципированнаго. Понятнымъ образомъ, когда обѣ системы уже противустояли одна другой какъ исторически завершившія свое образование, позднѣйшая наука, стоя на высотѣ критическаго отношенія къ обѣимъ, стремилась отыскать внутреннее основаніе, по которому обязательство, имѣющее матерьяльное *raison d'être* и уступающее только абсолютизму формы, должно удержаться въ силѣ. Строгий формализмъ не соответствовалъ больше характеру времени. Способъ дѣйствія претора носилъ въ себѣ слишкомъ много позитивныхъ элементовъ, чтобъ на немъ могла остановиться наука, какъ на послѣдней причинѣ явленія. И такъ, ближайшимъ образомъ въ нашемъ вопросѣ, Ульпианъ ищетъ внутренней основы для того, чтобъ сохранить силу обязательства формально ничтожнаго, и на-

1) L. 2 § 1 D. 4. 5. Если бы формализмъ, въ его нетронутой еще цѣлости, заключалъ въ себѣ какія либо ремедуры противъ абсолютно дѣйствія формы, то понятно, что преторъ отнюдь навзлечь бы средство для своихъ цѣлей. Онъ дѣйствуетъ, однако, прямо враждебно, противно формѣ. Очевидно, что понятіе натуральнаго обязательства позднѣйшаго обрарованія.

2) L. 3 § 12 D. 43. 29.

ходить ее въ той' неуволимой' субстанціи, которую на- зываютъ 1) naturalis obligatio:

Hi, qui capite minuuntur, ex his causis, quae capitis deminutionem praecesserunt, manent obligati naturaliter. 2)

Хорошо, если эти предшествующія causae были матерьяльныя. Но если и предшествующая causa obligationis есть только формальная, какъ у насъ, въ кор- реальной стипуляціи, — тогда будетъ ли послѣ формаль- наго способа уничтоженія какой либо остатокъ, который можно назвать obligatio naturalis? Мы думаемъ, что нѣтъ, что здѣсь погашеніе одного изъ обязательствъ есть такое-же абсолютное какъ при confusio, со всѣми accessiones. Слова Помпонія, которыми онъ заключа- етъ выписанный нами выше текстъ: fidejussor postea ab eo datus tenetur — косвенно могли бы служить подтвержденіемъ этой мысли, но они во первыхъ за- подозриваются, во вторыхъ относятся къ совершен- но специальному случаю, когда лицо, cui aqua et igni interdictum est, само послѣ даетъ поручителя. 3)

III Какими средствами прекращается корреалитетъ?

Намъ остается за сѣмъ анализировать заключитель- ный моментъ юридическаго отношенія, его *прекращеніе*.

1) Исслѣдованіе вопроса о томъ, что такое *ius naturale* въ римскомъ правѣ, *naturalis obligatio*, составляетъ, какъ извѣстно, предметъ очень обширной литературы. Для понятія *naturalis obligatio* см. воособенности Schwanert'a, *Die Naturaloblig. des R. R.*, 1861 съ обширными литературными указаніями. Также Leist'a *Ueber die dogm. Anal. (natura rerum у юристовъ)*. Извѣстно, что *naturalis obligatio* могла существовать только потому, что есть въ данномъ случаѣ залогъ, *propter pignus, propter fidejussorem*! Ср. указ. соч., стр. 398 и 404 (книгу Лейста указываю по памяти, не имѣя подъ руками).

2) L. 2 § 2 D. 4. 5.

3) Ср. Schwanert, стр. 418 и 422. Ср. еще L. 47 pr. D. 46. 1.

Любопытно, что до сихъ именно здѣсь видѣли наиболее оригинальную черту явленія, на томъ, какъ прекращается корреальное обязательство, сосредоточено было все вниманіе изслѣдователей. Самый вопросъ объ особой природѣ корреального обязательства, въ отличіе отъ солидарнаго, въ его новомъ видѣ, у перваго изъ современныхъ его изслѣдователей (Риббентрона), возбужденъ былъ предшествующей разработкой ученія о *litis contestatio*, т. е. именно объ одномъ изъ способовъ прекращенія однимъ актомъ обѣихъ стипуляцій или, по мнѣнію другихъ, общаго одинаго обязательства. Это было именно то, что находили совершенно своеобразнымъ въ явленіи. Ученіе о стипуляціи, различіе эпохъ въ исторіи этого формальнаго контракта, всеобщее значеніе его въ системѣ римскихъ обязательствъ, функціи стипуляціи въ оборотѣ съ требованіями, словомъ, вся исключительная природа самой стипуляціи была въ ту пору еще очень мало уяснена.—Быть можетъ этой точкой отправленія изслѣдованія, съ конца, съ заключительнаго момента, условливалось неясность *цѣлой* конструкции. Для *юстиниановской эпохи*, это правда, почти на одномъ только способѣ прекращенія корреалитета остается ясный признакъ его отличія отъ солидарности. Но, дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей не хотѣлъ вовсе ограничивать себя одной юстиниановской догмой, а между тѣмъ на дѣлѣ выходило именно такъ.

Мы приняли совершенно иной исходный пунктъ. Мы взяли сперва *стипуляцію* предметомъ нашего изученія. Не въ томъ, какъ прекращается корреалитетъ, возникшій изъ любого контракта, а въ томъ, какъ и изъ чего онъ способенъ образоваться, думаемъ мы, лежитъ разгадка всѣхъ особенностей его природы. И эту сторону вопроса мы старались разъяснить въ предшествующихъ экскурсахъ.

За тѣмъ, мы спрашиваемъ, существуютъ ли для корреалитета *специфические* способы прекращенія, или, также какъ онъ самъ предоставляетъ собою не болѣе, какъ своеобразное сочетаніе двухъ стипуляцій, такъ и

способы его прекращения суть тѣже, какіе вообще имѣютъ силу для контрактовъ *verbis*?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь мы должны имѣть дѣло опять съ тѣми же формально разрѣшающими актами и только съ тѣми, которые вообще имѣютъ силу для всякой отвѣченной стипуляціи, и вся оригинальность явленія исчерпывается тѣмъ, что въ данномъ случаѣ *они способны оказывать влияние не на одно, а на два обязательства разомъ*. Какъ это происходитъ мы покажемъ тотчасъ, но сперва намъ необходимо опредѣлить наше отношеніе источникамъ.

Дѣло въ томъ, что въ *юстиниановской компиляціи* сохранилось относительно не много средствъ, чтобъ различить подлинныя способы прекращения вербальныхъ контрактовъ отъ позже образовавшихся безформенныхъ актовъ, которые *своей матеріальной силой* приводили къ той же цѣли. Если мы поставимъ въ одинъ рядъ—*asserptio, solutio, novatio, litiscontestatio, compensatio* и т. д.; если мы будемъ держаться тѣхъ объясненій, которыя, съ этой *позднѣйшей* точки зрѣнія, давали старымъ формальнымъ актамъ, то мы закроемъ себѣ совершенно путь къ разумнѣю ихъ *подлинной* природы. *Позже*, какъ это было видно въ предшествующей главѣ, *сама стипуляція*, въ ея отправленія; наконецъ *и способы ея прекращенія*, получили совершенно иной характеръ, чѣмъ имѣли прежде. Формальная сила актовъ исчезала всё больше и больше, и мѣсто ея заступали безформенныя дѣйствія, понятія съ однимъ *матеріальнымъ содержаніемъ*. Такимъ образомъ, у позднѣйшихъ классиковъ сила дѣйствія цивильныхъ актовъ, *confusio, asserptio*, опредѣляется очень часто такими понятіями, которыя сами лишь гораздо позже ихъ приобрѣли способность разрѣшать любое обязательство, какъ бы оно ни возникло. Такова воособенности *solutio*. *Confusio*, говорятъ они, дѣйствуетъ *vi solutionis*, *asserptio, novatio*—также. — Далѣе, что касается воособенности корреалитета, то о немъ источники весьма часто говорятъ, что онъ прекращается *non perceptione, sed electione*. Понятіе *electio*, въ системѣ первоначальной

чальнаго римскаго формализма, не имѣть положительно
ни тѣни смысла. ¹⁾ Это нѣчто съ формальной точки зрѣ-
нія вовсе не существующее. Сказать, что обязательство
прекратилось *electione*, а не *perceptione*,—это тоже, что
ничего не сказать. Если *electio* есть понятие въ юри-
дическомъ смыслѣ совершенно безформенное и, для *jus*
solemne, не имѣющее никакого содержанія, то также
мало опредѣленности имѣетъ и понятие *perceptio*. Что
значитъ *perceptio*? Есть ли *perceptio*, когда мнѣ деле-
гировано обязательство, и я стипулировалъ себѣ всю
сумму?—Съ точки зрѣнія формальнаго обязательства,
которая удерживается и въ классическую эпоху, *dele-*
gatio имѣетъ всю силу матерьяльнаго акта: *verbum—*
exactae pecuniae non solum ad solutionem referen-
dum est, verum etiam ad delegationem. Мы имѣемъ
свидѣтельство Сенеки: *delegatione et verbis perfecta*
solutio (*de benef.*, VI, 5 § 2). Далѣе, *solvit qui debi-*
torem suum delegat, pecuniam dare intelligitur,
quanta ei debetur. Всѣ такія указанія мы уже сдѣлали
выше. Сама стипуляція имѣла совершенно такое-же
обратное достоинство, какъ всякая другая цѣнность.—
Въ виду того и другаго соображенія, мы спрашиваемъ,
какой-же смыслъ могло имѣть для явленій формальна-
го права это противоположеніе понятій *perceptio* и *elec-*
tio? Мы думаемъ, что оно все составляетъ не болѣе,
какъ продуктъ позднѣйшихъ взглядовъ, когда исчезла
абстрактная сила не только стипуляціи, но когда весь
формализмъ утратилъ всё свое значеніе; тогда, подѣ

1) Любопытно, что Фиттингъ, превосходно разъяснившій съ
точки зрѣнія формализма природу сліянія (*confusio*) и давшій
этимъ существенную поправку теоріи единства, въ другомъ вопро-
сѣ, гдѣ насущнѣйшимъ образомъ необходимо было выдержать ту-
же точку зрѣнія, не только не выдерживаетъ ея, но наоборотъ ус-
тупаетъ много въ правильности разужніе явленія унитаристамъ,
и вездѣ, по вопросу о прекращеніи обоихъ обязательствъ искомъ,
пользуется понятіемъ *electio* вмѣсто понятія *intentio*, которое ему
же оказало такую пользу въ другомъ вопросѣ.—Подлежащая сви-
дѣтельства мы всё будемъ имѣть случай привести далѣе; здѣсь
опредѣляется только общая исходная точка зрѣнія.

вліяніемъ новыхъ началъ, компиляторы должны были совершенно иначе взглянуть на всѣ явленія формализма, и они не только объясняли ихъ себѣ по своему, но, какъ сейчасъ увидимъ, прямо замѣняли терявшія для нихъ смыслъ формальныя понятія (*intentio*) иными, материальными (*electio*). Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, вся старая техника утрачиваетъ свои наиболѣе характеристическія черты. Но дѣйствуя такимъ образомъ, компиляторы не лишили однако насъ совершенно средствъ возстановить прежній строй явленій, и при пособіи Гая, мы имѣемъ полнѣйшую возможность возстановить всю технику прекращенія вербальныхъ контрактовъ и особенности корреалитета, согласуя его извѣстія съ отрывочными свидѣтельствами сохранившихся отъ искаженія фрагментовъ другихъ юристовъ.

И такъ, прежде всего общій вопросъ: всѣ ли тѣ способы прекращенія корреалитета, которые видимъ у Юстиніана, суть въ то же время и первоначальныя? Мы постараемся дать отвѣтъ на это сперва въ виду свидѣтельствъ общаго характера, потомъ прямо соответствующихъ вопросу въ положительной формѣ—какіе именно способы суть первоначальныя и какіе позднѣйшіе.

Нѣсколько отрывочныхъ указаній различныхъ писателей открываютъ передъ нами всю изумительную гармонию формъ, которая нѣкогда существовала въ нетронутомъ еще никакимъ внѣшнимъ, вліяніемъ квинтизмѣ. Гай говоритъ:

Omnia, quae jure contrahuntur, contrario jure pereunt ¹⁾.

Юлій Павелъ: *Fere quibuscumque modis obligamur, iisdem in contrarium actis liberamur* ²⁾....

1) L. 100 D. de R. I.

2) L. 153 eod.

Наконецъ Ульпіанъ: *Nihil tam naturale est, quam eo genere quidquē dissolvere, quo colligatum est; ideo verborum obligatio verbis tollitur* ¹⁾).

Если мы возьмемъ, далѣе, тѣ мѣста, въ которыхъ старѣйшіе классики говорятъ о способахъ прекращенія корреального обязательства, то результатъ будетъ совершенно соответствовать этимъ строгимъ требованіямъ формализма. Такимъ образомъ Яволень, какъ извѣстно, ближайшій послѣдователь Сабина ²⁾), даетъ намъ въ немногихъ чертахъ всю природу корреального обязательства въ ея чистѣйшемъ видѣ:

Quum duo eandem pecuniam aut promiserint, aut stipulati sunt, ipso jure et singulis in solidum debetur et singuli debent; ideoque petitione, acceptilatione unius tota solvitur obligatio ³⁾).

Ульпіанъ, ссылаясь на авторитетъ *Юліана*, говоритъ о разныхъ случаяхъ исковъ *adjectitiae qualitatis*, при чемъ оказывается, что если искъ направленъ противъ одного изъ господъ, то, каковъ бы нибылъ его результатъ, другіе господа того-же раба, будутъ свободны: *si unus fuerit conventus, omnes liberabuntur*. Но за сими Ульпіанъ отъ себя продолжаетъ.

Sed si licet hoc jure contingat, tamen aequitas dictat, judicium in eos dari, qui occasione juris liberantur, ut magis eos perceptio, quam intentio liberet ⁴⁾

Съ точки зрѣнія Ульпіана абсолютная сила формальныхъ актовъ составляла уже нѣчто обременитель-

1) L. 35 eod.

2) L. 2 § 47 in fine D. de O. J.

3) L. 2 D. h. t.

4) L. 32 pr. D. 15. 1.

ное, вопиющее къ чувству справедливости. Въ другомъ мѣстѣ, по другому поводу, онъ даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ восклицаетъ: *de bona fide enim agitur, cui non congruit de apicibus juris disputare, sed de hoc tantum, debitor fuerit, nec ne* ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ это и сдѣлано въ цѣлой массѣ другихъ, совершенно имъ соответствующихъ, компиляторы должны были также замѣнить слова *intentio, conventio, petitio*, словомъ *electio*, и однако, по простому недосмотру, они этого не сдѣлали.

Наконецъ, Юлій Павелъ, разбирая дѣйствіе *actum de non petendo* на альтернативное обязательство сопоставляетъ три способа прекращенія контракта *verbis: solutio, petitio, acceptilatio* ²⁾.

Чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ актъ материальнаго характера (*solutio* въ тѣсномъ смыслѣ уплаты) приравнивается по своему дѣйствию чисто формальнымъ актамъ, — надо припомнить то безразличіе, съ которымъ въ позднѣйшее время относились къ отвлеченной стипуляціи на опредѣленную сумму денегъ и къ займу (см. выше стр. 87 и слѣд.). Если этотъ *контрактъ re* одинаково съ *контрактомъ verbis* способенъ былъ служить для установленія обязательства, то естественнымъ образомъ *iisdem modis in contrarium actis* (см. выше, Гай, L. 100 D. de R. I.), съ тѣмъ же безразличіемъ, не только *verbis*, но и *re (solutio)*, обязательство могло быть и разрѣшаемо. Кромѣ указаннаго мѣста Юлія Павла въ этомъ же смыслѣ мы имѣемъ еще старѣйшее свидѣтельство Помпонія:

1) L. 29 § 4 D. 17. 1. Если мы сопоставимъ это съ словами Нерація, приведенными выше, — *quum jus finitum et possit esse, et debeat, facti interpretatio plerumque etiam prudentissimos fallat* L. 2. D. 22. 6., — то будетъ ясна вся разница эпохи формализма и позднѣйшихъ классиковъ. *In stipulationibus jus tantummodo continetur!* Ср. также еще вышеприведенное мѣсто изъ Папиніана (L. 3 pr. D. 42. 6.), гдѣ такъ очевидна его связь съ Ульпианомъ какъ учителя съ ученикомъ. Здѣсь не на одномъ только присутствіи, а на всемъ направленіи лежитъ печать новой эпохи.

2) L. 27 § 6 D. 2. 14.

Prout quidque contractum est, ita et solvi debet, ut quum re contraxerimus, re solvi debet, veluti quum mutuum dedimus, ut retro pecuniae tantundem solvi debeat. Et quum verbis aliquid contraximus, vel re vel verbis obligatio solvi debeat; verbis, veluti quum acceptum promissori fit, re, veluti quum solvit, quod promisit. (L. 80 D. 46. 3).

Значить ли, въ виду этого, что solutio есть въ самомъ дѣлѣ исполнѣ соответствующій формальнымъ способамъ способъ прекращенія обязательствъ verbis, что такова сила уплаты въ самой ея основѣ, что никогда иначе и быть не могло? Вотъ въ этомъ—то именно и заключается величайшая ошибка прежней критики изучаемаго нами явленія. Изъ того, что позже формальный и матерьяльный актъ сблизились въ своемъ дѣйствіи, изъ того, что позже ихъ стали сопоставлять,— не слѣдуетъ никакъ, чтобъ такъ было всегда. Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что если бы solutio и формальные акты не различались въ предшествующей эпохѣ въ высшей степени строго, то въ римскомъ правѣ никогда не образовалось бы двухъ совершенно различныхъ понятій, которыя непрерывно противопоставляются въ источникахъ, понятія *correus* и *solutionis causa adjectus*. Для того чтобъ быть поставленнымъ въ возможность принять уплату въ матерьяльномъ смыслѣ, этимъ матерьяльнымъ путемъ прекращая обязательство, нѣтъ никакой надобности быть субъектомъ обязательства, не нужно никакого корреального обряда, довольно чтобъ вѣритель въ стипуляціи сказалъ—объщашь ли мнѣ или Тицію заплатить 100? Тицій вовсе не долженъ при этомъ присутствовать. Но тогда онъ именно только уплату и способенъ принять, только этимъ матерьяльнымъ, подлежащимъ повѣркѣ актомъ и можетъ прекратить обязательство. Никакой формальный актъ Тиція, ни *intentio*, ни *acceptilatio*, ни *novatio*, не произведетъ никакого дѣйствія, ибо онъ вовсе не субъектъ обязательства.

Что акты формальнаго и реальнаго прекращенія обязательства въ самомъ дѣлѣ строго различались въ эпохѣ формализма,—для этого мы имѣемъ не одни общаго характера свидѣтельства, какъ тѣ, которыя мы привели выше, не одни общія соображенія, высказанныя сейчасъ, не одно свидѣтельство Яволена, а прямо указанныя намъ практическія рѣшенія, имѣющія смыслъ только въ виду ясно сознаннаго различія между матерьяльной solutio и формальнымъ уничтоженіемъ обязательства. Такимъ образомъ Гай говоритъ намъ:

Mulieri vero etiam sine tutoris auctoritate recte solvi potest;..... quamquam hoc ita est, si accipiat pecuniam, at si non accipiat, sed habere se dicat et per acceptilationem velit debitorem sine tutoris auctoritate liberare, non potest ¹⁾.

Тутъ-же, выше (§ 83 и 84), видно, чѣмъ условлена точка зрѣнія на *solutio* какъ на средство разрѣшать обязательство, котораго субъектъ есть *pupillus* или *mulier*,—*quoniam meliorem conditionem suam facere iis etiam sine tutoris auctoritate concessum est*. Здѣсь есть матерьяльный моментъ, по которому можно судить—стало ли положеніе лучше. Толи-же въ формальныхъ актахъ? Совершенно иное. Здѣсь само лицо есть послѣдній и безповѣрочный судья въ вопросѣ о достоинствѣ акта. Повѣрять матерьяльнымъ критеріемъ его силу нельзя, ибо онъ не поставленъ при его возникновеніи ни въ какую связь ни съ какой матерьяльной основой или цѣлью. Весь кругъ лицъ, для которыхъ возникли формальныя обязательства и формальныя способы ихъ прекращать, есть другой, чѣмъ для матерьяльныхъ актовъ. Полное соответствіе *ex tunc omnino* существуетъ опять только между способами установ-

1) Гай, II, 85.

ленія обязательства *verbis* и способами превращенія его тоже *verbis*.

Наконецъ, Гай даетъ намъ очень важное указаніе на контроверзу школь по вопросу о *дѣйстви уплаты на искъ послѣ litis contestatio*. Это то весьма извѣстное мѣсто, изъ котораго мы узнаемъ, что Сабинъ и Касцій требовали *абсолютн* отвѣтчика, *si ante rem iudicatam is, cum quo agitur, post acceptum iudicium satisfaciatur actori*, и наоборотъ, *diversae scholae auctores* хотѣли, строго держать юридической консеквенци, его *кондемнаци*, *quia iudicii accipiendi tempore in ea causa fuerit, ut damnari debeat, развѣ искъ шелъ in rem, или къ формулѣ присоединена была clausula restitutoria, или это было iudicium bonae fidei* ¹⁾... И такъ въ искѣ личномъ, гдѣ судѣ не предоставлено никакой роли посредника, гдѣ рѣшающимъ должно служить строгое право,—тамъ *прокураторы не давали вовсе значенія матерьяльной satisfакции* и требовали только строго выдержаннаго движенія процесса до конца. Цѣль суда есть чисто формальная и никогда никакіе матерьяльные моменты не могутъ видоизмѣнить развѣ опредѣлившагося направленія воли истца. Судья не вправе рѣшать,—сдѣлалъ ли отвѣтчикъ, уплачивая мнѣ послѣ начавшагося суда лучшимъ мое положеніе (*conditionem meliorem*, см. выше, Гай, II, 83—85, гдѣ иная мѣрка для женщинъ и дѣтей). Это можетъ рѣшить только самъ истецъ и никто за него. Судъ въ этихъ условіяхъ никогда не есть *только попытка* судиться. Что въ этомъ мнѣніи учениковъ Лабейона, знаменитаго друга республики, снова блеснулъ какъ въ зеркалѣ весь суровый образъ самобытнаго личнаго развитія чистыхъ римскихъ характеровъ, всѣ черты стараго формализма—это также вѣрно какъ то, что друзья цезарей, ученики Сабина, не давали столь много цѣны вопросамъ воли, чтобъ ихъ нельзя было измѣрить никакой денежной единицей. Сабиніанецъ Гай свидѣтельствуетъ намъ, что существо нововведенія выража-

1) Гай, IV, 114. § 2 I. 4. 12.

ли всё такъ: Sabino et Cassio placere, omnia judicia esse absolutoria. Но всё ли видѣли въ этомъ великое благо, у всѣхъ ли вдругъ развилось одиозное отношеніе къ старымъ обрядамъ, объ этомъ не говоритъ Гай, и мы можемъ дѣлать наши заключенія лишь со словъ Помпонія, которыми онъ характеризуетъ положеніе вождей той и другой школы¹⁾).

И такъ, въ виду этихъ соображеній, можетъ ли имѣть для насъ, если мы хотимъ раскрыть всё моменты развитія корреального обязательства въ условіяхъ первоначального формализма, какое нибудь значеніе то, что *postea* рядомъ съ *acceptilatio* и *intentio* ставили *solutio*? Мы полагаемъ никакого.

Результатъ этихъ предварительныхъ свѣдѣній очень важенъ для насъ. Мы становимся совершенно врозь съ нашими предшественниками. Мы будемъ въ дальнѣйшемъ разсматривать *одни только формальные акты прекращенія обязательства*. Мы не будемъ безразлично насчитывать всевозможные способы прекращенія корреалитета, въ числѣ которыхъ за одно идутъ и тѣ, которые характеризуютъ явленіе, и тѣ, которые диаметрально противоположны первымъ по своей природѣ. Мы слѣдуемъ здѣсь тому-же аналитическому приему, котораго держались въ вопросѣ объ установленіи корреалитета. Какъ тамъ *стипуляція* и она одна заключала въ себѣ всё свойства необходимыхъ для того, чтобъ сопоставить два обязательства *eiusdem potestatis*, которыхъ взаимное отношеніе не определено никакимъ, ни матерьяльнымъ (какъ въ поручительствѣ), ни формальнымъ (какъ въ новация) критеріемъ, — такъ и здѣсь *одни формальные акты* нуж-

1) L. 2 § 47 D. de O. I. Et ut obiter sciamus, ante tempora Augusti publice respondendi jus non a principibus dabatur, sed qui fiduciam studiorum suorum habebant, consulentibus respondebant.... Primus divus Augustus, ut major juris auctoritas haberetur, constituit, ut ex auctoritate ejus responderent... Ergo Sabino concessum est a Tiberio Caesare, ut populo responderet.... Sed Proculi auctoritas major fuit, nam etiam plurimum potuit, appellatiqve sunt partim Cassiani, partim Proculiani.

ны и пригодны для того, чтобъ разрѣшить нейтрализованное состояніе обязательствъ, чтобъ привести силу одной стипуляціи въ дѣйствіе противъ другой.

Только при такомъ способѣ дѣйствія, выдѣляя разнородныя явленія въ разныя группы или эпохи, мы придемъ къ тому, что всё юридическое отношеніе, съ минуты его возникновенія и до заключительнаго момента, явится передъ нами вполнѣ выдержаннымъ, само себя вѣрнымъ.

Совершенно тоже соотвѣтствіе будетъ видно и *позже* между началомъ и концомъ конструкціи. Формализмъ будетъ исчезать и въ способахъ установленія и въ способахъ прекращенія корреалитета. Точно также цѣль сопоставленія двухъ обязательствъ мало по малу будетъ утрачивать свой прежній абстрактный характеръ. Обѣ стипуляціи будутъ идти на любые предметы, на услуги; рядомъ съ корреалитетомъ образуются новыя средства оборота съ требованіями; иные, чѣмъ прежде, контракты будутъ сопоставляемы въ эту связь; и если не прямо изъ самой конструкціи, то изъ этихъ внѣшнихъ условій мы увидимъ, что весь институтъ измѣнился во всѣхъ своихъ чертахъ. Цѣль сопоставленія обоихъ обязательствъ не есть болѣе формальная, всеохраняющая, и тогда понятно, что рядомъ со старыми способами прекращенія, которые тоже потеряли свой прежній характеръ, возникли новыя, совершенно матерьяльнаго свойства, *solutio, compensatio* и т. д. Но это именно *въ позднѣйшее время*, когда и сама стипуляція матерьялизовалась, когда, наконецъ, корреального обязательства нельзя было больше узнавать по его собственнымъ чертамъ, и надо было назвать данное сочетаніе именемъ корреалитета, чтобъ его не смѣшивали ни съ чѣмъ инымъ. Въ этихъ условіяхъ, если цѣль сопоставленія была, согласно духу эпохи, совершенно опредѣленная и именно—матерьяльная, необходимо долженъ былъ, наконецъ, возникнуть вопросъ,—на что нуженъ корреалитетъ? Не гораздо ли лучше тѣже матерьяльныя цѣли достигаются посредствомъ простой солидарности, и Юстиніанъ (по крайней мѣрѣ для пассивнаго корре-

алитета) нашелъ въ самомъ дѣлѣ всю конструкцію вовсе больше не нужной и вполнѣ замѣнимой солидарнымъ сопоставленіемъ двухъ обязательствъ.

Вотъ то *критическое* отношеніе къ источникамъ (стр. 172), которое одно способно въ данномъ случаѣ привести насъ къ цѣли.

Какіе-же эти формальные способы прекращенія и какъ они дѣйствуютъ? Явленъ называетъ намъ въ приведенномъ выше текстѣ два: *intentio* и *asserptilatio*. Но достаточно анализировать хотя одинъ первый, чтобы убѣдиться въ его тѣснѣйшей связи съ новаціей. Если мы присоединимъ сюда еще *jusjurandum*, то будемъ имѣть все четыре формальныхъ акта прекращенія корреальныхъ стипуляцій ¹⁾.

Вопросъ о томъ, какъ дѣйствуютъ эти способы, можетъ быть поставленъ точнѣе и ближе къ его разрѣшенію, если мы его формулируемъ нѣсколько иначе, чѣмъ это было принято до сихъ поръ, слѣдуя здѣсь прямо образцу классиковъ. У Ульпіана, который держится авторитета Юліана, вопросъ принимаетъ собственно такой видъ, что дѣло идетъ не о томъ, какъ, какимъ внѣшнимъ средствомъ прекратить корреалитетъ, а о томъ, по какой внутренней причинѣ, и стало быть, до какихъ поръ необходимо будетъ продолжаться это сопоставленіе стипуляцій.

Въ этой причинѣ, по которой сопоставленіе не прекращается, лежитъ прямо природою явленія условленный отвѣтъ и на то, что нужно, для того чтобы оно прекратилось. И такъ, какая причина продолжающагося сопоставленія двухъ стипуляцій на *idem*? Причина, говорить Ульпіанъ, заключается въ томъ, что здѣсь на лицо *duae obligationes ejusdem potestatis*, между которы-

1) О *jusjurandum* мы не имѣемъ надобности говорить особенно, ибо способъ дѣйствія его, рядомъ съ *litis contestatio*, не прибавляетъ ничего къ разумнѣю явленія. Ср. L. 95 § 4 D. 46. 3. L. 1. pr. D. 44. 5. L. 7, 8, L. 2. L. 26 § 2, L. 27, 28 и 40. D. 12. 2. L. 5 § 3. L. 13 D. 20. 6.

ни non potest reperiri, cui altera potius quam altera consumeretur.

Стало быть недостатокъ вотъ чѣмъ: неизвѣстно, отъ чего скорѣе эта, чѣмъ та стипуляція должна поглотить другую, неизвѣстно — *какая изъ двухъ* должна будетъ произвести эффектъ консумции.

Все остальное есть извѣстное, данное. Извѣстно, что здѣсь двѣ отвлеченныя стипуляціи на idem (duae stipulationes); извѣстно, что у каждой изъ нихъ одинаковая способность и сила (eiusdem potestatis); извѣстно, наконецъ, что характеръ погашенія одной стипуляціи другою есть формальный, абсолютный (consumptio). Это всё данное; неизвѣстное, искомое — одно, — которая изъ двухъ на такую другую должна произвести это дѣйствіе.

Какая причина этой неизвестности? Ответъ Ульпіна совершенно ясенъ. Она заключается въ томъ, что между обѣими нельзя усмотрѣть *никакой разницы*, по которой можно бы заключить, что именно эта, а не другая стипуляція должна обнаружить активно заключенную въ ней силу, другая испытать ее на себѣ: *nam tantummodo ubi aliqua differentia est obligationum, — potest constitui, alteram per alteram perimi.*

Что нужно, чтобъ эта неизвестность, эта причина продолжающагося сосуществованія обѣихъ стипуляцій, прекратилась? Надо, чтобъ этотъ недостатокъ восполнился, чтобъ между обѣими стипуляціями образовалась требуемая *differentia*.

Какая-же должна быть эта differentia? Мы видимъ ясно, что обѣ стипуляціи могутъ очень видоизмѣниться вълѣдствіе присоединенія поручительства, *ratum de non rebando*, вълѣдствіе просрочки, всякаго рода случайностей. Но всё эти *вышнія влияния* оказываютъ свое дѣйствіе только на одну стипуляцію, а вовсе не на обѣ. Вълѣдствіе такихъ причинъ коррeалитетъ можетъ вовсе не достигнуть своей цѣли, но никогда не можетъ прекратиться такъ, какъ этого требуетъ природа конструкции, *natura obligationum duarum*. — И такъ, *зѣвшіе, фактическіе, случайныя различія* для это-

го мало. Чтобъ возникла та *differentia*, которой требуетъ Ульпіанъ, — необходима *перемѣна внутренняя*, необходимо, чтобъ *ipsum jus obligationis* измѣнилось.

Если образуется между обязательствами такая *differentia*, тогда, понятно, причина продолжающагося существованія обоихъ исчезнетъ, мы получимъ *извѣстность*, которая *стимуляція* поглотитъ какую другую, и вмѣстѣ съ этимъ коррелитетъ исчезнетъ.

Что мы должны заключить отсюда о томъ, *какіе должны быть способы прекращенія* коррелитета?

Они всѣ должны заключать въ себѣ способность оказать вліяніе на *ipsum jus obligationis*. Если они окажутъ это вліяніе, то не ихъ сила, а *сила въ самихъ стимуляціяхъ* заключенная довершитъ остальное.

И такъ, роль, которую играютъ здѣсь такъ называемые способы прекращенія есть въ высшей степени ограниченная. *Они восполняютъ только то, чѣмъ недостаетъ внутри коррелитной конструкции*, только одинъ моментъ неизвѣстности, только недостатокъ *differentiae*. Свойство прекращенія, сила консумціи дана не этими послѣдующими актами, а самими сопоставленными стимуляціями.

Казалось бы, что здѣсь способамъ прекращенія принадлежитъ совершенно исключительная интензивность. Одинъ актъ разомъ прекращаетъ двѣ стимуляціи! Въ виду этого воособенности унитаристы хотѣли во что бы то ни стало доказать, что въ коррелитетѣ всего одно обязательство. Въ виду этого Фиттингъ строилъ свои возраженія имъ. Допуская, что *litis contestatio* консумируетъ одну стимуляцію, онъ спрашивалъ, — что-же будетъ съ другой? Если первая исчезаетъ только формально, то вторая, подъ вліяніемъ того-же акта, не можетъ-же вовсе исчезнуть! Послѣ нея должно всё таки остаться хоть *резидуумъ* натурального обязательства, а тогда — де остаются обязанными поручители, можетъ имѣть мѣсто *solutio* и проч. До чего близорукка та и другая точка зрѣнія, — мы думаемъ, что теперь это совершенно ясно. — Не силой послѣдующаго акта

прекращающаго коррeалитетъ, а силой въ самихъ сти-
пуляціяхъ заключенной условленъ весь эффектъ консум-
ціи. Актъ прекращенія заключаетъ въ себѣ, не смотря
на большой его эффектъ, самое малое содержаніе. Онъ
долженъ только восполнить то небольшое, чѣго недоста-
вало въ обѣихъ противопоставленныхъ стипуляціяхъ.—
Это искра, которой дѣйствіе зависитъ не отъ ея раз-
мѣровъ, а отъ свойствъ тѣлъ, которыхъ она каснулась.

Мы позже будемъ говорить о солидарныхъ обяза-
тельствахъ, и тогда будетъ ясно, что *неизвѣстность въ
солидаритетъ* будетъ совершенно инаго содержанія. Тамъ
она касается совершенно другого вопроса, именно вопро-
са о томъ,—какое изъ двухъ обязательствъ послужитъ
достаточнымъ средствомъ для погашенія *матерьяльной
цѣли иска*. Оба обязательства тамъ имѣютъ одну *ма-
терьяльную* цѣль, и лишь когда она достигнута, тогда
истецъ не можетъ больше упражнять исковъ. Здѣсь
неизвѣстность касается только вопроса, какая изъ двухъ
стипуляцій формально погаситъ другую, и цѣль кон-
струкціи достигнута, когда эта неизвѣстность прекра-
тилась.

И такъ, вотъ всё что должны въ себѣ заключать
и что дѣйствительно заключаютъ въ себѣ тѣ три спо-
соба, которые суть подлинныя для прекращенія коррe-
алитета ¹⁾. Они всѣ восполняютъ собою только одинъ

1) Точнѣе было бы говорить—юридическіе акты, посредст-
вомъ которыхъ коррeальная конструкція достигаетъ своей цѣли,
ибо она можетъ прекратиться и иначе, не достигнувъ цѣли, въ
томъ смыслѣ, что останется въ силѣ одна стипуляція, какъ напр.
при *capitis deminutio*. То, что мы здѣсь будемъ имѣть въ виду, со-
ставляетъ нѣчто прямо изъ конструкціи истекающее, ей свой-
ственное, также какъ изъ полномочія истекаетъ сила акта, совер-
шеннаго въ его предѣлахъ и тоже прекращающаго полномочіе.
Смерть *mandant'a* или мандатара, также какъ въ коррeалитетѣ
capit. demin., прекращаютъ сдѣлку совершенно соотвѣтственно ея
природѣ, но однако прежде, чѣмъ вся ея природа, всѣ ея функціи
выразились на дѣлѣ. Можно было бы, въ виду этого, выдѣлять
особыя группы способовъ прекращенія такого рода сдѣлокъ, слу-
чайныя. Мы не сдѣлали этого, держась прежняго порядка, но для

формальный моментъ, который есть неизбѣжный въ коррелятивной конструкціи.—Какъ это происходитъ, мы сейчасъ увидимъ на каждомъ способѣ отдѣльно.

Мы уже выше, въ краткихъ чертахъ, познакомили читателя съ послѣдними главнѣйшими усѣбками нѣмецкой литературы по вопросу о новации. Эти предисловія свѣдѣнія существеннымъ образомъ облегчаютъ задачу ближайшую задачу,—опредѣлить влияние, которое производятъ новация, *litis contestatio* и *asseritatio* на коррелятивность.

Все ученіе о новации въ своей основѣ принадлежитъ къ системѣ стараго формализма. При Гафъ, однако, формальное значеніе новации, какъ оно опредѣлилось въ *ius civile*, удерживалось еще вполне. Въ этомъ первоначальномъ видѣ *novatio* и *litis contestatio* одинаково служили средствомъ, заключали въ себѣ формальный способъ пережоса требованія съ одного лица на другое. Быть можетъ сама новация выдѣлилась изъ процессуальныхъ обрядовъ лишь позже какъ особый институтъ ¹⁾. Для активной сукцессіи въ старомъ правѣ служила главнымъ образомъ *litis contestatio*, ибо здѣсь не нужно согласія должника, чтобъ достигнуть передачи иска; напротивъ, для пассивной необходимо согласіе вѣрителя, и здѣсь главнымъ образомъ предлагается *novatio*.

Одно то, что оба акта служатъ средствомъ для передачи требованій и перевода долга на другое лицо, достаточно свидѣтельствуетъ о силѣ влияния этихъ средствъ на прежнее обязательство: и *novatio* и *litis contestatio* уничтожаютъ его абсолютно, не оставляя вовсе того рещидуума натурального обязательства, которое могло бы служить достаточнымъ основаніемъ, чтобъ произвести уплату прежнему вѣрителю

догматиковъ такой способъ дѣйствія можно рекомендовать, хотя они ему обыкновенно не вѣдуютъ. Впрочемъ Бринцъ обращалъ вниманіе на различіе способовъ прекращенія коррелятивнаго, посредствомъ *negotia* и случайно, но однако не безъ очень существенныхъ ошибокъ.

1) См. гипотеза Mayer'a въ сочиненіи, *Die Litis contestation geschichtlich dargestellt*, 1830, и Сальвиуса, стр. 145.

Старая тѣсная связь обоихъ актовъ видна совершенно ясно у Гая, который адъос служить главнымъ источникомъ ¹⁾ изученія явленія.

Новація, совершаемая посредствомъ стипуляціи, измѣняетъ *ipsum jus obligationis* ²⁾. Новая стипуляція поглощаетъ въ себѣ старое обязательство, и въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству Гая, дѣйствіе *litis contest.* на извѣстные виды обязательствъ есть совершенно тождественное съ дѣйствіемъ внѣпроцессуальной консумпціи.

Praeterea novatione tollitur obligatio.... prima tollitur translata in posteriorem, adeo ut interdum, licet posterior stipulatio inutilis sit, tamen prima novationis jure tollatur.

Tollitur adhuc obligatio litis contestatione, si modo legitimo judicio fuerit actum: nam tunc obligatio quidem principalis dissolvitur, incipit autem teneri reus litis contestatione.... Et hoc est quod apud veteres scriptum est, ante litem contestatam dare debitorem oportere, post litem contestatam condemnari oportere.

Та и другая форма, и *litis contestatio* и *novatio*, служатъ средствомъ преемства, а *interventu novae personae nova nascitur obligatio....* ³⁾

1) Не единственнымъ, впрочемъ. Мы имѣемъ еще очень важное свидѣтельство въ Ватиканск. Фрагментахъ (стали павѣстными позже Гая) о новаціи чрезъ *litis contestatio*, см. § 263: *interpositis delegationibus aut inchoatis litibus novavit* (мѣсто давно обратившее на себя вниманіе Keller'a, *Litis contest.*, стр. 93, Савинья, VI, 24, и къ удивленію опущенное Фиттингомъ; для него было бы также еще важно имѣть въ виду L. 66 D. 3. 3). Далѣе въ пандектахъ есть очень важные отрывки, особенно L. 29 D. 46. 2. (изъ Павла), также L. 5 pr. D. 26. 9 и масса другихъ. Главныя мѣста у Гая, II, 38 и 39, III, 176—182, IV, 45 и слѣд., 104 и слѣд., 131 in fine.

2) § 2. I. 2. 2.

3) Ср. Гай, III, 176 и 180. Также Юстин. *Inst.* § 3. I. 3. 29.

Но необходимо ли, чтобы иное лицо вступило въ обязательственное отношеніе, для того чтобы было понятіе новаціи? *Jus novationis* этимъ вовсе не условлено. *Litis contestatio* и *novatio* существуетъ независимо отъ этого:

Sed si eadem persona sit, a qua postea stipuler, ita demum novatio fit si quid in posteriore stipulatione novi sit ¹⁾.

Мы касались выше (стр. 109) вопроса о томъ, какой смыслъ имѣло это требованіе чего либо новаго отъ *stipulatio posterior*. Источники сохранили намъ прекраснѣйшій образецъ того, какое исключительно формальное содержаніе заключалось въ этомъ понятіи. Весь смыслъ его исчерпывался тѣмъ, что новая стипуляція, въ которую переносилась старая, становилась позднѣйшею относительно рядомъ стоящей. Вотъ этотъ любопытный примѣръ:

Si duo rei stipulandi usumfructum in servo habeant, vel quibus bona fide serviebat, et jussu unius a debitore stipuletur, ei soli acquirit. ²⁾

Мы двое, я и Тицій, были *duo rei stipulandi* и имѣли общаго раба, который приобрѣтаетъ намъ обонимъ. Я приказываю этому рабу новировать мою стипуляцію, и стипулируя тоже самое отъ должника на мое имя, онъ производитъ новацію, дѣлаетъ *cautionem junioem*, ео *ipso* погашаетъ стипуляцію другаго господина, и я остаюсь единственнымъ вѣрителемъ.

Для *litis contestatio* совершенно достаточно, что она происходитъ въ новыхъ условіяхъ, съ участіемъ суда, для того чтобы получился тотъ-же результатъ, то-

1) Гай, III, 177.

2) L. 33 § 1. D. 45. 3.

же понятіе *aliqui'd novi*, и вмѣстѣ съ этимъ та *differentia*, отъ которой зависитъ весь эффектъ прекращенія корреалитета.

Interpositis delegationibus aut inchoatis libris novavit. ¹⁾

Совершенно таже точка зрѣнія и на *jusjurandum*:

Jurisjurandi conditio ex numero esse potest videri novandi, delegandique, quia proficiscitur ex conventionem, quamvis habeat et instar judicii.

In duobus reis stipulandi ab altero delatum jusjurandum etiam alteri nocebit. ²⁾

Вопросъ о дѣйствиі новаци и *litis contestatio* есть при корреалитетѣ всегда стало быть двойственный: это, во первыхъ, вопросъ о вліяніи на новируемую стипуляцію, и во вторыхъ, — о дѣйствиі этой новой стипуляціи на прежде рядомъ стоявшую.

Въ той именно тирадѣ изъ Юліана, въ которой мы нашли выше руководящее средство для постановки вопроса о прекращеніи обѣихъ стипуляцій, въ ней-же мы находимъ и разрѣшеніе его въ обѣ стороны:

Plane si ex altera earum (duae obligationes) egerit, utramque consumet, videlicet quia natura obligationum duarum, quas haberet, ea esset, ut quum altera earum in iudicium deduceretur, altera consumeretur. ³⁾

Чтобъ судить о силѣ дѣйствиі новированной стипуляціи на другую, которая стояла съ ней рядомъ, мы

1) Fr. Vat. § 263.

2) L. 26 § 2 L. 28, пр. и § 3 D. 12. 2. (въ § 3 тоже для *duo rei promittendi*).

3) L. 5 in fine D. 46. 1.

имѣемъ ясное указаніе прямо сюда относящагося текста изъ Гая, взятаго въ нашу титуль:

Ex duobus reis stipulandi si semel unus egerit, alteri promissor offerendo pecuniam nihil agit ¹⁾).

Прекрасный случай приложения этихъ принциповъ представляетъ извѣстный L. 29 D. de liberatione legata 34. 3., взятый изъ толкованія Павла на lex Julia et Papia:

Si is, qui duos reos promittendi habet, damnaverit heredem, ut utrosque liberet, si alter ex his capere non possit, nec socii sint, delegari debebit is, qui nihil capit, ei, cui hoc commodum lege competit; cujus petitione utrumque accidit, ut et hoc commodum ad eum perveniat, et is, qui capit, liberetur. Quodsi socii sint, propter eum qui capax est, et ille capit, per consequentias, liberato illo per acceptilationem; id enim eveniret, etiamsi solum capaxem liberare jussus esset.

Дѣло въ томъ, что одна изъ стипуляцій индивидуализируется здѣсь тѣмъ, что должникъ по закону не можетъ быть либерированъ актомъ послѣдней воли: онъ есть incapax. Завѣщатель приказалъ однако либерировать обоихъ. Смысль этого legata есть для наслѣдника двойной: онъ долженъ отказаться отъ иска, и оба должника должны быть свободны. Одинъ изъ нихъ не можетъ быть освобожденъ по причинѣ въ немъ лежащей. Но отказываться отъ иска и отъ себя либерировать наслѣдникъ всё таки обязанъ. Если онъ произведетъ acceptilatio, то обѣ стипуляціи будутъ погашены, и это будетъ противно закону.

И такъ, возможность удовлетворить требованію закона и вмѣстѣ выполнить волю одна: вѣритель долженъ

1) L. 16 D. h. t.

потребовать съ неспособнаго, тогда *litis contestatione* его обязательство будетъ дедуцировано *in iudicium* и обязательство способнаго погашено. Неспособный останется обязаннымъ. Требованіе закона удовлетворено. Но чтобъ вмѣстѣ и воля, въ той мѣрѣ, въ какой нѣтъ препятствія ее выполнить, была тоже выполнена, искъ ставится не на имя кредитора, а на имя способнаго должника. Результатъ будетъ тотъ, что вѣритель уступилъ искъ, способный приобрѣлъ требованіе, неспособный остался обязанъ. Это единственно возможный формальный исходъ изъ complicationi. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отношенія обоихъ должниковъ суть матерьяльно опредѣленныя, когда они *socii*,—тамъ нѣтъ нарушенія закона, если *insarax* стяжаетъ выгоды изъ либеранці, ибо онъ ихъ приобретаетъ не прямо на основаніи акта последней воли, а *per consequentias*, въ силу того, что онъ *socius* способнаго. Гдѣ дѣло стоитъ иначе, гдѣ оба обязательства суть отдѣльныя, тамъ надо избрать такой путь, которымъ бы именно одно обязательство разрѣшалось, а другое удерживалось въ силѣ, хотя не въ пользу наслѣдника.—При томъ характерѣ безмездности, который заключается въ данномъ случаѣ легата, нельзя иначе выполнить волю, какъ именно перенеся искъ на способнаго приобретать изъ легата. Онъ приобретаетъ быть можетъ больше, чѣмъ приобрѣлъ бы, если бъ и другой былъ способенъ, но причина здѣсь не въ *ius patrum* какъ думаетъ Келлер ¹⁾, а въ невозможности иначе выполнить волю въ виду особаго свойства сопоставленія обоихъ формальныхъ обязательствъ ²⁾, точно также какъ въ противоположномъ случаѣ (при *societas*) невозможно устранить послѣдствій стяжанія неспособнымъ, поскольку онъ *socius*.

1) *Litis contest.*, стр. 460.

2) Надо помнить, что привазъ заключается не въ томъ, чтобъ тотъ или другой приобрѣлъ что либо, а лишь въ томъ, чтобъ наслѣдникъ ни съ того, ни съ другаго не требовалъ; отчасти нельзя выполнить его, а вполне можно только указаннымъ способомъ.

Консумция *jure novationis* происходит посредством *litis contestatio* однако далеко не во всѣхъ искахъ. По свидѣтельству Гая самостоятельное существованіе прежней обязательственной формы прекращается лишь тогда, когда искъ есть *actio in personam*, когда *formula* есть *in jus concepta*, и *judicium* есть *legitimum*. Всѣ эти условія внѣ всякаго сомнѣнія могутъ совпадать въ искѣ изъ абстрактной стипуляціи. И въ такомъ случаѣ дѣйствіе ея заключается въ томъ, что *postea ipso jure de eadem re* не можетъ быть больше спора. ¹⁾

Для насъ вовсе не важны дальнѣйшія подробности вопроса, которыя сами по себѣ очень любопытны. Результатъ тотъ, что моментомъ *lit. contestat.* фиксируется пунктъ времени, когда возникло новое юридическое отношеніе сторонъ. Препятствіе прежняя обязательственная форма въ отношеніи къ этой новой сошла на степень служебную, какъ основа этого притязанія, и она никогда больше не способна стать основой другаго иска.

Разъ мы имѣемъ этотъ результатъ, какъ вся необходимость вліянія его на рядомъ стоящую корреальную стипуляцію ясна сама собой. Положеніе обоихъ вѣрителей или обоихъ должниковъ не есть болѣе равное, нельзя больше сказать *par utriusque causa est*. У одного изъ нихъ *ipsum jus obligationis* подверглось существенному измѣненію, и эта новая, перерожденная въ интенцію формулы *cautio*, много-ли, мало-ли новаго она въ себѣ заключаетъ, даетъ во всякомъ случаѣ исковую дифференцію, которой недостатокъ составлялъ единственную причину продолжавшагося нейтрализованнаго состоянія обоихъ обязательствъ ²⁾.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ *acceptilatio*. Дѣло въ томъ, что на природѣ этого

1) Ср. Гай IV, 107. Ср. Еще тамъ же, IV, 45, 46, 47, 104, 106, 109, 131. Keller'a, *Litis cont.* стр. 82, Сальпусъ, стр. 141, Виндшейдъ, *Actio* стр. стр. 53 и слѣд. Еще Paul. R. S. V. 8. 1. и L. 22 D. 26. 7.

2) Множество попытокъ иного объясненія явленія см. напр. у Фиттинга § 10.

акта также легко прослѣдить по источникамъ его постоянное склоняющееся къ силѣ простой росписки въ полученіи долга значеніе, какъ и на природѣ самой стипуляціи. Преимущественно эту сторону акта и принимаютъ во вниманіе изслѣдователи корреального обязательства. Но тогда, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Фиттингъ, прекращеніе обязательствъ корреальныхъ и солидарныхъ этимъ актомъ не представляетъ ничего особеннаго. Фиттингъ на этомъ впрочемъ и останавливается, не изслѣдуя глубже природу самаго акта.

Мы начнемъ съ того, что еще въ позднѣйшее время, при Папиніанѣ, *asserptio*, на ряду съ *emanipatio*, *hereditatis aditio* и проч. причислялась къ *actus legitimi, qui non recipiunt diem vel conditionem.* ¹⁾

Еще позже Ульпіанъ говоритъ, что если *obligatio* не была *verbis*, а *re contracta*, то должникъ посредствомъ акцептиляціи, *non liberatur quidem, sed exceptione doli mali vel pacti conventi se tueri potest.* ²⁾ Различіе съ роспиской (*apocha*) онъ усматриваетъ въ томъ, что первая имѣетъ силу только тогда, когда деньги уплачены, а послѣдняя либерируетъ должника *licet pecunia soluta non sit.*

Гай говоритъ, что ниже по приказу господина рабъ не можетъ совершить акцептиляцію. ³⁾

Определеніе, которое даетъ ей Модестинъ, указываетъ на ея строго вербальный характеръ и притомъ совершенно отвлеченный отъ матеріальной основы, по которой происходитъ освобожденіе должника: *asserptio est liberatio per mutua[m] interrogationem.* ⁴⁾

Мы видимъ не разъ, что этотъ актъ служитъ средствомъ для того, чтобъ совершать сдѣлки матеріальнаго характера, какъ напр. установленіе приданаго.

1) L. 77. D. de R. I.

2) L. 19 D. 46. 4.

3) L. 22 D. 46. 4 ср. L. 49 D. 46. 3.

4) L. 1 D. 46. 4. L. 6 и 7 eod.—образъ сдѣлки.

Именно Яволень разсматриваетъ случай, когда женщина, въ виду брака, совершаетъ, желая дать приданое, акцептиляцію долга, котораго уплаты она можетъ потребовать, если бракъ не послѣдуетъ. ¹⁾

Отсутствіе иной необходимой связи съ матерьяльнымъ содержаніемъ сдѣлки, кромѣ соответствія формальнаго — сдѣлки *verbis* и либерациі *verbis*, видно часто въ источникахъ. Я стипулировалъ раба, акцептировалъ Стиха, — и стипуляція консумирована. ²⁾

Рѣшающій моментъ субъективнаго удовлетворенія есть также прямо выраженный въ этомъ актѣ. ³⁾

Гай называетъ акцептиляцію — *imaginaria solutio* и требуетъ при совершеніи ея женщиной присутствія опекуна. ⁴⁾

Если акцептиляція составляетъ такимъ образомъ средство для отвлеченнаго обращенія имущества (долга) къ любой цѣли, измѣняющее самое *jus obligationis*, то понятно, что совершить ее можетъ, точно также какъ совершить стипуляцію, какъ новировать, вывести въ судъ, только субъектъ обязательства. Посему, при коррелятетѣ этимъ актомъ, совершенно также какъ всѣми другими, сейчасъ названными, одинъ вѣритель дѣлаетъ изъ своей стипуляціи такого-же рода употребленіе, измѣняетъ ея субстанцію совершенно такъ, какъ при всѣхъ другихъ формальныхъ актахъ. Посредствомъ акцептиляціи *ipso jure* устанавливается та разница между двумя стипуляціями, которая необходима, чтобъ между ними опредѣлился неразрѣшенный въ коррелятномъ обрядѣ вопросъ, какая изъ двухъ должна консумировать другую. Если акцептиляція способна служить средствомъ для того, чтобъ обязать *именно себя* возратить сумму составляющую долгъ, если она замѣняетъ собою реаль-

1) L. 10 D. 12. 4. L. 5 § 1 D. 24. 1. L. 9 § 4 и 8. D. 4. 2. L. 43. D. 23. 3.

2) L. 13 § 4 D. 46. 4. Ihering; II, 616, прим. 801 думаетъ, что первоначально это были сдѣлки *juris civilis*.

3) L. 49. D. 46. 3.

4) III, 171.

ноя совершение ¹⁾), если здѣсь происходитъ такая-же alienatio какъ при делегаціи ²⁾), то совершенно понятно, что дѣйствіе ея должно быть тоже, какое имѣютъ другіе формальные акты, измѣняющіе ipsum jus obligationis.

Тѣже вопросы, которые возникаютъ въ источникахъ для новаціи, имѣютъ мѣсто и по отношенію къ акцептиляціи. И такъ, источники рассматриваютъ ея вліяніе на условную стипуляцію ³⁾), погашеніе ею части долга ⁴⁾). Въ извѣстной аквиліевой стипуляціи, гдѣ многія предшествующія обязательства новированы, они всѣ вмѣстѣ погашаются однимъ актомъ акцептиляціи ⁵⁾). Употребленіе акцептиляціи вовсе не ограничивается узкимъ кругомъ извѣстныхъ сдѣлокъ, и она способна дѣйствовать non spa natura, sed potestate conventionis ⁶⁾). Наконецъ, много разъ дѣйствіе ея поставляется въ связь съ процессомъ и съ присягой.

Совершенно понятно, въ виду этого, что по вопросамъ о дѣйствіи акцептиляціи на корреальное обязательство, она всегда является рядомъ съ другими формальными актами прекращенія корреалитета. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ ясно такое ея значеніе. И такъ Венулей говоритъ:

Fere autem convenit, et uni recte solvi, et unum judicium petentem totam rem in litem

1) Quia nihil interest, utrum ex numeratione pecunia ad eum sine causa, an per acceptilationem pervenerit L. 10 D. 12. 4.

2) L. 31 § 1 D. 46. 2. L. 15 D. 46. 3.

3) L. 12, L. 13 § 6 D. 46. 4.

4) L. 9 и 10 D. 46. 4.

5) L. 18 § 1 D. 46. 4.

6) L. 5 pr. D. 18. 5. Опредѣленіе ея какъ remissio obligationis, L. 32 § 23 D. 24. 1., есть собственно только указаніе на результатъ ея дѣйствія. Указаніе на связь съ процессомъ см. L. 13 pr. D. 46. 8. L. 3 pr. D. 42. 6., также въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ Модестина (hereditatis perimit petitionis actionem). Мѣста приведенныя выше, въ которыхъ говорилось объ акцептиляціи, мы предполагаемъ извѣстными. Для присяги см. L. 13 pr. D. 46. 4.

deducere; item unius acceptilatione perimi utrisque obligationem.

Здѣсь же сопоставляется дѣйствіе этихъ актовъ съ делегацией:

alioquin quid dicemus, si unus delegaverit creditori suo communem debitorem, isque ab eo stipulatus fuerit, aut mulier fundum jusserit doti promittere viro, vel nuptura ipsi, doti eum promiserit? nam debitor ab utroque liberabitur ¹⁾).

Сила дѣйствія акцептиляціи на оба долга и смыслъ формальнаго ея вліянія на одинъ посредствомъ другаго, по нашему мнѣнію, очень ясно выраженъ въ слѣдующемъ рѣшеніи Юлія Павла:

Si duobus debitoribus mortis causa donatus creditor uni acceptum tulit, et convaluerit, eligere potest, utri eorum condicat.

Хотя оба долга не названы именно корреальными, но рѣшеніе такого рода, что предположеніе корреальности есть совершенно вѣрное.

Мы заключаемъ этимъ нашъ обзоръ сдѣлокъ, прекращающихъ корреальность ²⁾). Вмѣстѣ съ этимъ главная

1) L. 31 § 1 D. 46. 2. Сравни еще напр. L. 5 § 1 D. 24. 1. и L. 9 § 4 и 8 D. 4. 2. Много мѣстъ приводитъ Фиттингъ, опуская впрочемъ то, которое мы сейчасъ выйдемъ въ текстъ, именно L. 35 § 6 D. 39. 6.

2) Менѣе важные моменты, напр. искъ на долю по каждой стипуляціи, мы обошли, не думая, чтобъ наша основная задача отъ этого сколько нибудь потеряла. Подробности едва ли когда могутъ быть исчерпанными въ такой мѣрѣ, чтобъ не оставалось ничего больше сказать по тому же вопросу. Если исследователь нашелъ правильный способъ дѣйствія, то примѣненіе его къ отдѣльнымъ, меньшей важности вопросамъ, не можетъ встрѣтить никакого затрудненія.

задача высшего исследования, — отыскавъ основную форму коррелянаго обязательства, разрѣшена: ея положительная сторона, и намъ остается лишь показать въ дальнейшемъ видоизмѣненія основнаго типа коррелятивныхъ отношеній въ явленіяхъ позднѣйшаго римскаго права.

Несомнѣнно, что та почва, на которой первоначально образовалось это своеобразное составленіе двухъ отвѣченныхъ обязательствъ, есть именно почва чистѣйшаго формализма. Несомнѣнно, что творцы этихъ простой комбинаціи были не теоретики — юристы, а вѣ *veteris juris conditores*, которые стояли лицомъ въ лицу съ практическими потребностями гражданскаго оборота, не имѣя за собой ничего, кромѣ традиціонной техники сдѣлокъ, совершаемыхъ *verbis*. — Для исторіи развитія римскихъ институтовъ, эта техника *словесныхъ сдѣлокъ* составляла вторую стадію на пути освобожденія права отъ узъ формализма. За нею, сразу ея лежитъ эпоха *символическаго формализма*, котораго слѣды удерживались и позже. Если тамъ юридическая идея должна была принять *осязательный* образъ, для того чтобы стать доступной общему разумѣнію, для того чтобы получить разнородность, то здѣсь необходимымъ для выраженія юридическаго акта средствомъ служить слово, отвѣчательная, разуму, а не фантазіи говорящая форма.

Явленія въ правѣ, въ преемствѣ развитія его формъ, не суть, однако, никогда внезапныя. Никогда одна форма не смѣняетъ другой механически. Этотъ законъ непрерывности развитія, который нѣмецкая литература выражаетъ понятіемъ континуитета, есть общій законъ явленій жизни; въ правѣ онъ есть такой же непреложный, какъ въ языкѣ, какъ въ искусствѣ.... Форма слова, повидимому гораздо болѣе гибкая, чѣмъ символъ, она твердѣетъ, превращается въ нѣчто неизмѣнное, некамениное, въ обрядъ, *verborum solemnitas*, и въ этомъ видѣ служитъ средствомъ для юридическаго оборота.

Передъ нами пропелъ теперь весь кругъ превращеній, которыя совершаются съ двумя отвѣченными обязательствами, поставленными въ извѣстную связь. Все что происходило въ гражданскомъ оборотѣ виситъ на

этими сочетаніями и разрѣшеніями обязательствъ,—вся смѣна юридическихъ отношеній, всё это имѣло одну простѣйшую форму выраженія, форму слова. Съ помощью извѣстнаго порядка вопросовъ и отвѣтовъ, юристы умѣли такъ сопоставить двѣ стипуляціи *eiusdem potestatis*, что онѣ до времени не уничтожали другъ друга, хотя каждая заключала въ себѣ эту способность въ отношеніи къ другой. Если условія, въ которыя поставлены этимъ обрядомъ два лица, суть совершенно одинаковыя, *par utriusque causa est*, то понятнымъ образомъ всякій изъ двухъ вѣрителей (или должниковъ) можетъ упражнять всё права вѣрителя, *perinde ac si solus stipulatus -esset*. Всѣ дѣйствія, предпринимаемыя однимъ лицомъ, совершаются имъ *non alterius nomine sed suae obligationis*. Пока не возникло никакого различія въ природѣ той и другой стипуляціи, ихъ сосуществованіе продолжается. Должникъ можетъ уговариваться съ каждымъ отдѣльно, ставить поручителей по каждому изъ обязательствъ, можетъ даже производить реально уплаты то тому, то другому,—природа первоначальныхъ отношеній отъ этого вовсе не измѣняется. Для того чтобъ произвести внутреннее измѣненіе отношеній,—необходима новая сдѣлка *verbis*. Тогда тотчасъ же прежнее равновѣсіе обоихъ обязательствъ будетъ нарушено, и скрытая до тѣхъ поръ способность каждой консумировать другую выйдетъ наружу.

Въ основѣ здѣсь дѣйствуютъ тѣже силы, какъ въ новаци и делегаци, гдѣ, *последовательнымъ* образованіемъ одного словеснаго обязательства за другимъ, позднѣйшее разрѣшаетъ предшествующее.

Объ корреальныя стипуляціи имѣютъ *въ абсолютномъ смыслѣ* совершенно ту же способность, и только вопросъ объ *относительномъ* дѣйствиіи той или другой остается нѣкоторое время неразрѣшеннымъ. Три лица, которыя сошлись для корреального обряда, имѣютъ скрытымъ, невыраженнымъ въ словѣ уже рѣшенный вопросъ, что каждое изъ нихъ въ правѣ дѣйствовать отъ своего имени какъ совершенно особо стоящее лицо, какъ исключительный субъектъ обязательства, со всѣми

послѣдствіями дѣйствій одного для обязательства другаго (какъ и при делегации). Это какъ бы взаимно данное другъ другу полномочіе формально и стало быть абсолютно разрѣшать все вопросы, касающіеся обязательства, безъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Римская техника не могла достигнуть этого иначе, какъ устанавливая для cadaго особую обязательственную форму. Невозможность двойственности актовъ, двухъ исковъ, двухъ акцентилляцій, условливалась тѣмъ, что все такія сдѣлки дѣйствовали *ipso iure* на одно обязательство и *in contenti*, согласно его природѣ, посредствомъ него, на другое. При этомъ, внѣшнимъ, матерьяльнымъ образомъ, отношенія обоихъ обязательствъ оставалось совершенно неопредѣленнымъ: *coegei* не суть ни поручители одинъ по другому, ни *soeii*, ни прокураторы; каждый есть субъектъ отдѣльнаго обязательства, связаннаго съ другимъ только тѣмъ, что они идутъ на *idem*. Обязательства не перестаютъ отъ этого быть отдѣльными, точно такъ, какъ не перестаютъ быть отдѣльными два послѣдовательно возникающія обязательства на *idem*, изъ которыхъ позднѣйшее консумируетъ предшествующее. Тамъ это *potatio*. Въ обоихъ одновременныхъ обязательствахъ скрыта совершенно таже возможность, таже способность произвести разрѣшающее дѣйствіе на другое, какъ и при новации. Вопросъ только въ томъ, чей формальный актъ опредѣлитъ прежде взаимное отношеніе обѣихъ стипуляцій, и разъ опредѣлившись такъ, оно не можетъ уже послѣ опредѣлиться иначе.

Нѣмецкія попытки разгадать природу явленія клонились къ тому, чтобъ опредѣлить, — какимъ образомъ одинъ вѣритель исключаетъ другаго въ правѣ потребовать ту сумму, которую общій должникъ обязанъ уплатить не одному только, а точно также и другому, — отчего требованіемъ, а не уплатой разрѣшается все отношеніе. Отвѣта искали въ особой природѣ *litis contestatio*, въ томъ, что обязательство есть *una obligatio*, въ томъ что *occupantis est melior conditio*, въ томъ что все право исчерпывается здѣсь понятіемъ выбора (*electio*). Все эти попытки не суть совершенно ошибочныя

и не имѣюща никакихъ оснований, но онѣ не поддаются для коррeалитета въ его основной формѣ, и если имѣютъ смыслъ, то лишь для послѣдующихъ совершенно позитивныхъ случаяхъ его примѣненія. При дегагѣ напр. одинъ даръ, одно шестип, такъ назначается, что стяжать его можетъ либо тотъ, либо другой, или—предметъ обязательства есть нераздѣльный и пригязо-щикъ двое; тогда объ имѣющемся въ виду изъ обяза-тельности барышѣ можно сказать, что это одна прибыль, одинъ барышъ, и кто прежде его захватитъ, искомъ ли, или реально, — тотъ и будетъ въ лучшихъ условіяхъ. Или, съ другой стороны, *quis elegerit* (electio), изъ двухъ должниковъ вѣритель, тотъ и есть въ окончательномъ смыслѣ должникъ.

И такъ, по мнѣнію вѣщевъ, владѣльческимъ прин-ципомъ, принципомъ выбора, принципомъ единства, обя-зательства должна быть рѣшена тайна коррeалитета.

Но нашему мнѣнію ни тѣмъ, ни другимъ, ни тре-тьимъ. Природой двухъ сопоставленныхъ формальныхъ обязательствъ, скрытую въ нихъ самихъ силой, формаль-нымъ видоизмѣненіемъ той или другой, которое можетъ со-вершиться каждымъ изъ вѣрителей, или которое можетъ быть произведено въ отношеніи къ каждому изъ дол-жниковъ, — разрѣшается вся тайна коррeальной кон-струкціи. О барышахъ, о стяжаніяхъ, о материальномъ содержаніи сделки — нѣтъ никакой рѣчи въ коррeали-тетѣ. Это чистый продуктъ формализма въ приложеніи къ обороту съ обязательствами. Всѣ вопросы здѣсь только о томъ, кто, какъ, почему можетъ дѣйствовать, и какия формальныя послѣдствія возникаютъ изъ этихъ дѣйствій. Дѣло не въ томъ, что одинъ должникъ, и-вѣтъ несчастіе стать ооонатеельно должникомъ, и не въ томъ, что одинъ изъ вѣрителей, имѣль, счастье, стать окончательно вѣрителемъ. Это не *Glücksspiel*. Это, толь-ко, юридическій, вопросъ, вопросъ о формальномъ пога-ошеніи одного обязательства, другимъ, какъ, при делега-ціи и новаціи. Весь вопросъ, ионерцывается юридиче-скимъ, а не экономическимъ содержаніемъ, конструкціи. *Далее, съ материальномъ смысломъ, установлена эта кон-*

струкція,—изъ нея самой невидно. Это съ намѣреніемъ, какъ при отвлеченной простой стипуляціи, скрытый моментъ сдѣлки. Изъ сдѣлки видно только, что два лица хотятъ, чтобъ формальные акты одного производили формальные послѣдствія для другаго. Я принявъ стипуляцію делегата и этимъ погасилъ мое требованіе на делеганта и его требованіе на делега. Тамъ одно попен сдѣлано *bonum*, здѣсь оба имѣютъ это качество. Почему я это сдѣлалъ,—это не юридическій вопросъ. Формально сила его не зависитъ отъ мотивовъ воли, а отъ ея простаго акта. Для какой цѣли мы совершили двѣ корреляльныя стипуляціи, для того ли, чтобъ *за меня* искалъ, новировалъ, делегировалъ, акцептировалъ другой вѣритель, или въ тѣхъ видахъ, чтобъ онъ *за себя* принялъ то требованія, которое реально принадлежитъ мнѣ,—это совершенно безразлично для вопроса о формальной силѣ его актовъ. Я-ли, онъ-ли, дѣйствуемъ какъ вѣрители,—это всё равно, всякій дѣйствуетъ въ силу своего обязательства, *perinde ac si solus stipulatus esset*. Формально эти возможные матерьяльныя цѣли ничего не измѣняютъ, совершенно такъ, какъ сила делегационной стипуляціи остается всегда одинаковой, каково бы ни было прежнее отношеніе делегата къ делеганту и делегатора къ нему-же.

Вотъ нашъ отвѣтъ на вопросъ о природѣ абстрактнаго сопоставленія двухъ отвлеченныхъ стипуляцій, которая есть первоначальная, типическая для корреляльнаго обязательства.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что никогда анализъ *юридической* природы явленія на его подлинной почвѣ не можетъ дать никакого инаго результата, чѣмъ э-тотъ.

Есть-ли нашъ результатъ *исторически* вѣрный?—Если для этого вопроса недостаточно было той общей картины формализма, которую мы сдѣлали, и которую, конечно, можно восполнить дальнѣйшимъ изученіемъ всѣхъ сторонъ системы,—то быть можетъ послѣдующая судьба корреляитета, въ иныхъ условіяхъ, его постепенное вырожденія тамъ, гдѣ нѣтъ необходимой для

него атмосферы формализма, еще яснее убедить насъ въ томъ, что не здѣсь, не въ сферѣ матерьяльнаго характера сдѣлокъ, а лишь въ прямо противоположной ей возможно было его первообразование. ¹⁾

1) Мы дѣлаемъ здѣсь выноски совершенно случайнаго характера въ виду сейчасъ просмотрѣнной нами статьи Бринца о корреальныхъ обязательствахъ въ 1-ой тетради *Kritisch. Vierteljahrsschr.* за 1874 годъ. Бринцъ приблизительно сдѣлаетъ тѣже упреки Фиттингу какъ и мы выше, но мы думаемъ, что онъ не совершенно правильно опѣиваетъ заслугу Фиттинга съ догматической точки зрѣнія. Что касается собственныхъ идей Бринца, то онъ тѣже какъ и въ прежней его работѣ по нашему вопросу. Корреалитетъ опредѣляется принципомъ представительства (*Vertretung*). Что это узкое опредѣленіе, мы думаемъ, трудно сомнѣваться въ виду приведеннаго выше (стр. 144) свидѣтельства, изъ котораго ясно, что *colegi* назначаютъ другъ друга прокураторами, и если для этого нуженъ особый актъ, то ясно, что самимъ корреальнымъ обрядомъ не опредѣлилась именно специальная цѣль представительства. Впрочемъ небольшой *article* не заключаетъ въ себѣ ничего значущаго, кромѣ выражений почтительныхъ чувствъ къ знаменитому вѣнскому профессору Арндтсу (къ чему мы охотно присоединились бы, если бъ это могло стать ему извѣстнымъ), 70 лѣтній день рожденія котораго и былъ ближайшимъ поводомъ напечатанія названной статьи.

ОТДѢЛЪ III.

КОРРЕАЛЬНОСТЬ У ПОЗДНѢЙШИХЪ КЛАССИКОВЪ.

Намъ надо перейти въ условія совершенно иной эпохи въ исторіи права, для того чтобы уразумѣть характеръ послѣдующаго развитія понятія коррeальности. По свойствамъ спеціальнаго изслѣдованія мы не можемъ принять на себя задачи опредѣлять характеръ этой эпохи во всѣхъ чертахъ. Слишкомъ обобщенныя характеристики теряютъ опредѣленность; входящія въ частности отвлекаютъ вниманіе отъ ближайшаго интереса изысканія.

И такъ мы неизбѣжно должны здѣсь взять только тѣ черты новаго времени, которыя, опредѣляя собой общія свойства институтовъ новаго образованія, ближе всего связаны съ подлежащей нашему анализу конструкціей.

Мы видѣли выше, что старое время знало чрезвычайно мало юридическихъ средствъ для цѣлей гражданскаго оборота. Эта *скудость средствъ* есть несомнѣнно одна изъ опредѣляющихъ старую систему квинтизма особенностей. Если мы скажемъ, что юридическія формы въ эту пору всѣ на перечѣтѣ, что для одной цѣли всегда одно средство, ¹⁾ то мы еще не выразили всего

1) Эта мысль не есть наша, ее много разъ такъ или иначе уже выражали въ обширной литературѣ римскаго правовѣдѣнія, и мы хотимъ здѣсь сказать только, что почитаемъ ее за неоспоримую. Значить ли это, чтобъ ее никто не оспаривалъ? Отъ всякой мысли о безспорности тѣхъ или другихъ мнѣній по римско-

существа дѣла. Основная черта системы формализма заключается въ томъ, что тамъ *одна* абстрактная форма способна служить для множества конкретныхъ цѣлей. Это общее свойство абстракціи. Это внутреннее содержаніе понятія строгаго права. Оно всё именно тѣмъ исчерпывается, что нормы въ немъ не суть никогда принаровленные, иныя для каждаго даннаго случая, мультиплицирующіяся всё больше и больше въ виду потребностей жизни. Совершенно на оборотъ, тамъ всё стянуто къ центральнымъ пунктамъ, къ основнымъ линиямъ института. Въ этомъ существенное достоинство формализма. Въ этомъ историческая заслуга квинтеской системы. Это давало праву тотъ образъ извѣстности и оконченности (*jus certum atque finitum*), котораго, въ такой мѣрѣ, нѣтъ ни въ одномъ новомъ законодательствѣ. ²⁾

му праву надо разъ навсегда отказаться. Тутъ нѣтъ ничего, что когда нибудь и кѣмъ нибудь не подвергалось бы сомнѣніямъ. Когда почтеннѣйшій изъ представителей отживающаго догматизма, умершій гейдельбергскій профессоръ ф. Вангеровъ начиналъ свои чтенія Пандектовъ, то слушатель узнавалъ въ первый-же часъ, что всё содержаніе его курса есть *jus controversum*. Засимъ слѣдовала самая выработанная, самая непререкаемая догматика, которая со всѣхъ сторонъ была окружена ересями, лжеученіями, ошибками, получавшими тутъ-же достойную кару. При изумительномъ дарѣ преподаванія ничто не могло инстинктивно дѣйствовать на аудиторію, какъ этотъ вѣчный призывъ на бой противъ лжеученія. Но надо знать, однако, откуда это *jus controversum*, гдѣ его источникъ, въ самомъ ли римскомъ правѣ, или въ томъ отношеніи къ нему, которое создала средневѣковая дисциплина, въ этомъ догматизмѣ, въ этомъ недостаткѣ исторической критики его положеній... Какъ бы те ни было, если у Юстиніана довольно было 29 фрагментовъ, чтобъ исчерпать весь титулъ *de rebus dubiis*, то у насъ накопились цѣлыя *volumina* поцентія, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ контроверзъ, словари контроверзъ, особое ремесло собирать ихъ, особое умѣнье вездѣ видѣть спорный пунктъ, цѣховая любовь къ своему дѣлу. И у такихъ мастеровъ, конечно, не найдется ничего безспорнаго во всемъ текстѣ юстиніановской кодификаціи. Слѣдъ старой страсти, почтеннаго цѣховаго духа, даетъ часто себя и теперь чувствовать у такихъ юристовъ, которые ничего не могутъ мыслить иначе какъ *quellenmässig*.

2) Мы не уходимъ здѣсь дальше въ ацѣнку достоинствъ формализма. Объ этомъ много писано, и всего что можетъ быть

Такъ или иначе, но для насъ съ характеромъ неспоримой истины, кореннаго свойства старой системы является эта черта—скудости формъ, которыми долженъ былъ обходиться гражданскій оборотъ въ первое время развитія словесныхъ сдѣлокъ.

Другая черта, которую мы тоже имѣли въ виду выше, это абсолютная, *рѣшающая сила* всякаго акта. Ничто не есть только попытка. Истецъ не можетъ ставить иска иначе, какъ для того чтобъ получить судебное рѣшеніе, ибо разъ предъявивъ свой искъ,—онъ безвозвратно консумируетъ свое право. Отвѣтчикъ не можетъ доводить до процесса, если онъ не хочетъ привлечь на себя всѣхъ послѣдствій кондемнаціи. Опять и здѣсь никогда не можетъ имѣть мѣста простая попытка судиться, ибо отъ отвѣтчика не примутъ даже всей цѣны иска, разъ онъ довелъ дѣло до суда;—тогда необходимо судебное рѣшеніе.

Третья черта стараго права, которая тоже стоитъ въ прямой связи съ природой изучаемаго нами явления,—это постановка въ *одномъ процессѣ одною вопросомъ*, на который долженъ послѣдовать одинъ рѣшающій отвѣтъ,—при чемъ всѣ возраженія, ограниченія и проч. должны быть выдѣлены въ особые иски.

То, въ чемъ мы усматриваемъ элементы прямо противоположные этимъ основнымъ чертамъ старой системы,—всѣ это мы называемъ новыми условіями, въ которыя поставлено было новѣе то явленіе, которое мы изучаемъ.

сказано, кажется, никогда не будетъ достаточно, чтобъ привести къ сознанію высокую практическую важность вопроса. Его нельзя разъяснить *при случаѣ*. Онъ требуетъ всего вниманія для полнаго уразумѣнія его важности. Если эта извѣстность, эта оконченность права въ классической системѣ усложнялось существенно тѣмъ, что нигде тамъ и не подумалъ бы называть правомъ такое притязаніе, по которому нѣтъ иска,—то мы спросимъ—чего у насъ нельзя назвать правомъ, и какъ мы придемъ къ тому чтобъ наше право было тоже *jus certum et finitum*? Гдѣ эта нотная система, по которой поютъ наши *cantatores formularum*? Отчего *volumina posentia* нашихъ руководящихъ рѣшеній похожи больше на кучу, чѣмъ на зданіе?

И такъ, прежде всего, въ эпоху позднѣйшаго классицизма не только нѣтъ недостатка въ средствахъ для юридическаго оборота; а напротивъ они избыточны до излишества. Они представляютъ собой результатъ вполне законченнаго развитія двухъ системъ. Доказывать это слишкомъ легко. Какой бы институтъ мы ни взяли, вездѣ одно и тоже явленіе. Не касаясь подробностей, — довольно того, что можно было всю сферу своихъ имущественныхъ отношеній устраивать такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ нормамъ, по преторскому или цивильному праву.

Другая черта — эта рѣшающая, абсолютная сила актовъ, — она уже такъ рано потерпѣла видоизмѣненія, и мы видѣли выше, что, по ученію сабиніанцевъ, совершенно возможно было начать искъ для того только, чтобъ кончить его тѣмъ, что исключаетъ всякую надобность въ спорѣ, т. е. уплатой требуемой суммы.

Наконецъ принципъ единства вопроса есть давно нарушенный въ преторской юрисдикціи.

Не надо думать, чтобъ эти новыя начала вытѣснили механически, какъ новый законодательный актъ, всѣ старые порядки; совершенно наоборотъ, римскій геній былъ въ высшей степени консервативнымъ по отношенію къ своему прошедшему¹⁾. Ни одна форма, созданная прошедшей жизнью, никогда не терялась изъ памяти народа²⁾.

Если формализмъ въ правѣ въ первое время развитія юридическихъ институтовъ составлялъ историческую необходимость, то теперь въ немъ заключался базисъ для дальнѣйшей постройки свободнѣйшей и обширнѣйшей системы институтовъ *juris gentium*. Никогда позднѣйшіе юристы, преслѣдуя новыя цѣли эквитета, не теряли изъ виду математическихъ линій, преж-

1) И въ этомъ опять быть можетъ никакой изъ новыхъ народовъ не подходитъ такъ близко къ римскому типу, какъ англійскій.

2) На эту черту римской культуры многократно обращаетъ вниманіе Ihering.

де опредѣлившихся въ эпохѣ формализма, и конечно только этимъ знаніемъ математическихъ законовъ условливалась возможность выполненія такого необъятнаго сооруженія, какое мы видимъ въ сложившемся окончательно формахъ позднѣйшаго права. Центральные пункты, прямыя линіи всегда были въ виду у строителей, и они хорошо сознавали, насколько и гдѣ возможно отступить отъ строгой правильности, отъ этой *ratio juris*, не подвергая опасностямъ всю конструкцію. Конечно, не прекратившимся творчествомъ жизни, а затерявшейся связью съ прошедшимъ, забвеніемъ основъ института въ системѣ формализма условливалось позднѣйшее многоплодіе законодателей, которое ничего, однако, не прибавляло къ величію созданной прежде системы.

Мы видѣли выше, что корреальная конструкція способна была служить для самыхъ разнообразныхъ цѣлей гражданскаго оборота. Позже—этого вовсе не нужно, ибо для специальныхъ цѣлей есть вездѣ специальныя средства. Такимъ образомъ, хотя корреальныя стипуляціи вовсе не выходятъ изъ употребленія и всѣ ихъ формальныя реквизиты были хорошо извѣстны даже при Юстиніанѣ,—но корреалитетъ вовсе уже не примѣняется тамъ, гдѣ его примѣняли прежде. Для оборота съ требованіями теперь нѣтъ болѣе надобности создавать два обязательства, ставить ихъ въ извѣстную связь, ибо можно и безъ этого гораздо легче и удобнѣе произвести цессію. Для всякаго рода интерцессіи возникли изобильныя другіе специальныя формы.

За то съ другой стороны, отрѣшаясь совершенно отъ прежнихъ строгихъ формъ корреальной конструкціи, понятіе *елективнаго сопоставленія* двухъ обязательствъ нашло себѣ новый, обширнѣйшій кругъ примѣненія въ сферѣ первоначально совершенно для него чуждой.

Эту сторону вопроса, процессъ вырожденія корреалитета въ новыхъ условіяхъ, мы и должны рассмотреть здѣсь ближе.

1. Примѣненіе понятія коррeальности въ первоначальной сферѣ. Противуположеніе съ солидарностью.

Мы видѣли уже выше, что формальные реквизиты въ обрядѣ установленія коррeалитета посредствомъ стипуляцій, стало быть даже въ этой подлинной для него формѣ, не выполнялись съ прежней строгостью уже при Юліанѣ (стр. 122). Во время Ульпіана весь смыслъ обряда исчезаетъ почти совершенно. Отчего? Есть ли теперь та опасность, въ виду которой прежде необходимо было тщательно скрыть признакъ разновременности обѣихъ стипуляцій? Нѣтъ, теперь совершенно иное время, когда одно средство можетъ очень хорошо уживаться съ другимъ, хотя оба они потребны для одной только цѣли. Одно обязательство консумируетъ другое только при томъ условіи, что этого именно хотятъ стороны (*animus novandi*). Иначе *frustra timetur novatio*; и если двѣ стипуляціи на *idem* суть послѣдовательныя, такъ что *differentia* между ними видна съ перваго взгляда, но стороны хотятъ, чтобъ онѣ обѣ сохранили силу, — тогда достаточно выразить эту волю, и судъ долженъ будетъ примѣнить здѣсь ровно тѣже начала, которыя имѣли бы мѣсто при совершенно точно выполненной *verborum selennitas* (тамъ-же дальше).

Но этимъ вовсе не ограничивается сфера примѣненія высвобождающагося изъ старыхъ формъ понятія коррeальности.

Мы выше видѣли, что къ извѣстному сочетанію двухъ легатовъ прилагается тоже понятіе. Сжато формулируя вопросъ, мы спросимъ — что здѣсь легатъ есть средство для установленія коррeалитета, или коррeалитетъ есть средство, для того чтобъ выдти изъ затрудненій, въ которое *testator* въ этихъ случаяхъ ставитъ испол-

1) Эта сторона вопроса лучше другихъ выполнена Helholt'омъ хотя у него почти такое-же изобиліе группъ, подраздѣленій, цифръ, литеръ, условныхъ знаковъ, какъ въ англійской грамматикѣ Робертсона.

ководителей своей воли? Едва ли возможно сомневаться, что въ массѣ слушаетъ последнее отношеніе есть правильное. И такъ, если мы встрѣчаемъ въ догматическомъ руководствѣ — *an ein Legat kann die Correalität entstehen*, — то это еще не значитъ, что оба способа установленія этой формы суть равнозначущіе. Различія между тѣмъ и другимъ очень существенны. Разсмотримъ слѣдующіе вопросы. Можетъ ли *сольтъ* завѣщатель корреальной конструкции двухъ обязательствъ? *Надо ли чтобъ для этого именно сольтъ*, для того чтобъ мы пришли къ необходимости приложить сюда начало корреальности? Имѣетъ ли тутъ институтъ корреального обязательства *тотъ-же смыслъ и ту-же роль*, какъ при двухъ стипуляціяхъ? На оба послѣдніе вопроса мы отвѣчаемъ отрицательно, о первомъ — позже.

Если мы только взглянемъ на тѣ свидетельства классиковъ, въ которыхъ видны случаи примѣненія корреальности къ legataмъ, какъ тотчасъ-же будетъ ясно, насколько различны условія образованія корреальности посредствомъ стипуляцій и изъ legata. Мы выше привели мѣсто (стр. 44), гдѣ говорится, что въ данныхъ условіяхъ два наслѣдника, то тотъ, то другой обявуются уплатить тѣмъ десять Сено. Юристъ рѣшаетъ — *si cum uno actum sit, alter liberetur, quasi si duo rei promittendi in solidum obligati fuissent*. Такъ думаетъ Помпоній. Хотѣлъ ли этого завѣщатель, — чтобъ этомъ вовсе нѣтъ рѣчи. *Si hoc actum sit* — вовсе не есть необходимое условіе чтобъ принять корреальность обязательствъ. У Юлія Павла мы находимъ совершенно такой-же выходъ тамъ, гдѣ прямая случайность была причиной возникновенія двухъ требованій.

Si inter duos dubitetur de eodem legato, cui potius dari oportet, utputa si Titio relictum est, et duo ejusdem nominis amici testatoris veniant, et legatum petant, et heres solvere paratus sit, deinde ambo defendere heredem pa-

rati sint, eligere debere heredem, cui solvat, ut ab eo defendatur. ¹⁾

Совершенно такая-же случайность возможна и иначе. Мы видѣли выше, у того же Юлія Павла, другой случай, гдѣ необходимо совершенно позитивнымъ путемъ искать выхода изъ затрудненій (стр. 46).

Выше мы поставили еще вопросъ—можетъ ли завѣщатель *сольтъ* корреального сопоставленія двухъ обязательствъ какъ въ стипуляціи? Это возможно, конечно, но здѣсь цѣль будетъ совершенно другая, чѣмъ при сопоставленіи двухъ стипуляцій и несравненно болѣе узкая. Въ случаяхъ активнаго сопоставленія этимъ можетъ быть предупреждаема опасность отказа онерированнаго отъ выгодъ изъ наслѣдства. Тогда вся цѣль есть обеспечение матерьяльнаго выполненія воли во всемъ объемѣ. Какая можетъ быть цѣль пассивнаго сопоставленія двухъ легатаровъ по одному легату? Опять тоже, чтобъ отказъ одного легатара не вліялъ на другой. Такая цѣль достигается назначеніемъ легата общему рабу. Юліанъ говоритъ:

Si servo communi res legata fuisset, potest alter dominus agnoscere legatum, alter repellere; nam in hanc causam servus communis quasi duo servi sint ²⁾.

Наконецъ, извѣстно, что римляне часто ради любезности или просто вѣжливости назначали легаты своимъ друзьямъ, и тогда весь смыслъ назначенія получалъ совершенно особый оттънокъ.

Мы спрашиваемъ,—при этомъ различіи характера сдѣлокъ,—есть ли возможность разсматривать легатъ и стипуляцію какъ два одинаковыхъ способа установленія корреального обязательства?

1) L. 8 § 3 D. de legatis II. Ср. еще воособенности L. 24 D. 34. 5. и L. 11 § 21 D. de leg. III.

2) L. 81 § 1 D. de legat. I.

Здѣсь все направленіе вопроса въ иную сторону. Рѣчь вовсе не объ оборотѣ съ обязательствами, не о природѣ двухъ абстрактныхъ стипуляцій и ихъ взаимодѣйствии, не объ одномъ кредитѣ, который погашаетъ другой, а о томъ—кто изъ двухъ стяжаетъ, о матерьяльномъ результатѣ, и приложеніе сюда *принциповъ* корреалитета есть лишь аналогическое, ограниченное, условное, позитивное. Оно вовсе не изъ природы сдѣлки вытекаетъ. Природа сдѣлки не абстрактная, а матерьяльно характеризованная. Это актъ *дароваго* стяжанія (см. выше, стр. 73, примѣч.). Корреальная форма никогда не разовьется на этой сдѣлкѣ во всей многосторонности своего пракческаго значенія. Здѣсь это какъ чужое слово, попавшее въ область языка, ему вовсе не родственнаго. Оно будетъ служить только прямо для опредѣленной цѣли и никогда дальше. Могутъ ли имѣть здѣсь, въ корреалитетѣ изъ легата, какойнибудь смыслъ всѣ эти *acta de non petendo*, взаимныя поручительства, назначенія другъ друга прокураторомъ, установленія товарищества и весь этотъ живой дѣятельный юридическій обмѣнъ, который мы наблюдали въ корреальной стипуляціи? Конечно, нѣтъ. Мы видѣли выше, что легатъ приводится самъ въ форму стипуляціи, и въ этомъ какъ нельзя болѣе характерно обнаруживается различіе оборотнаго значенія обѣихъ формъ. Совершенно понятно, въ виду этихъ соображеній, что Папиніанъ сопоставляетъ корреалитетъ изъ тестаментъ съ корреалитетомъ изъ *матерьяльныхъ* контрактовъ (кромѣ займа, см. выше, стр. 88), *противуположная* то и другое типическому случаю его возникновенія изъ стипуляціи. Въ его время именно *non tantum verbis, sed et ceteris contractibus... (et) testamento* ¹⁾ могли возникнуть корреальныя отношенія, но, конечно, только когда этого именно хотѣли стороны или форма корреального обязательства представляла удобство для выхода изъ затруд-

1) L. 9 D. h. t.

нительныхъ задачъ истолкованія воли ¹⁾). Въ случаяхъ, подобнаго рода мы находимъ въ источникахъ прямо колебаніе, — какой приложить сюда принципъ коррeальности или проратарности (или, для матеріальныхъ контрактовъ, еще и солидарности), и надежнымъ мѣриломъ служить не сама сдѣлка, а особая *clausula*, которую присоединяютъ стороны — *ita ut duo rei promittendi feregent* ²⁾), — Любопытно было бы, если бы и въ эту пору, коррeальное обязательство изъ легата разрывалось не иначе какъ посредствомъ акцептиціи, или коррeальность изъ консензуальнаго контракта непременно *verbis*! Мы увидимъ, что, послѣдовательно, въ этой новой сферѣ примѣненія, всѣ фазы юридическаго отношенія станутъ постепенно измѣняться, пока изъ этого общаго превращенія не выяснится окончательно, что гдѣ игра формъ, весь кругъ операций съ отвлеченнымъ контрактомъ *verbis*, также какъ и самъ этотъ контрактъ, совсѣмъ отжилъ свое время.

Такъ съ легатами. Но и съ самой стимуляціей видоизмѣненія идутъ очень далеко: у одного изъ воздвигшихъ классиковъ (Флорентина) находимъ, что *duo rei promittendi* могутъ промиттировать такъ, что *obligatio* одного будетъ *pure contracta*, а другаго *in dem vel sub conditione* ³⁾). Далѣе, въ форму коррeальнаго обязательства облакаются такія сдѣлки, гдѣ явнѣе дня видна цѣль простой гарантіи и легчайшаго способа взыскивать, съ которою устанавливается эта форма, а вовсе не оборота съ требованіями, напр. при обязательствѣ двухъ мастеровыхъ *eiusdem peritiæ* выполнить работу ⁴⁾).

Наконецъ, къ двумъ обязательствамъ, которыя возникли совершенно независимо одно отъ другаго, которыя совершенно случайно совпали одно съ другимъ,

1) L. 3 pr. D. h. t.: si hoc actum inter eos sit, ut duo rei constituantur.

2) L. 11 § 1 и 2. eod.

3) L. 7, L. 9 § 2 D. h. t.

4) L. 5 D. h. t.

прилагается тот же принцип. Мы разумеваем фидеюссоровъ по одному обязательству, которыхъ источникъ называютъ *confidejssores* ¹⁾. Выше достаточно было разъяснить процессъ постепеннаго отложенія формы поручительства отъ прототипической формы коррeальности. Въ известныхъ моментахъ онѣ могутъ сходиться, и тогда юристы специально отмѣчаютъ, что *in hac causa non differunt (sc. fidejssores), a duobus reis promittendi* ²⁾. На этихъ сдѣлкахъ остается слѣдъ формализма, и отсюда консуицио однимъ искомъ притязанія противъ обоихъ въ известномъ, очень условномъ кругѣ случаевъ. Но отношенія сопоручителей суть *материально* определенныя и поэтому одной формой вовсе не исчерпывается ихъ существо, и за дѣйствиемъ формы тотчасъ идетъ цѣлый рядъ вопросовъ объ уступкѣ иска, о регрессѣ и т. д. Но для *fidejssora* его обязательство есть *aliena causa*. Совпаденіе двухъ фидеюссоровъ представляетъ такія осложненія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ простой природой коррeальныхъ стипуляцій.

Всѣ случаи, которые мы рассмотрѣли до сихъ поръ, хотя представляютъ собою явленіе *примыслимаго* понятія коррeальности, но все таки въ сферѣ, которая не чужда совершенно элементамъ формализма, гдѣ, по крайней мѣрѣ, формула процесса можетъ заключать въ себѣ всѣ условия, которыя необходимы для того, чтобы выведеніе въ судъ обязательство было консуицировано *ipso jure*.

Но вотъ другіе случаи, въ которыхъ вовсе не имѣетъ мѣста такая формула, гдѣ не *ipso jure*, а только посредствомъ экцепціи устраняется искъ противъ другаго обязаннаго, и стало быть ни то обязательство, которое выведено въ судъ, ни то, которое стояло рядомъ съ нимъ, не исчезаютъ безслѣдно какъ двѣ абстрактныя

1) Helmolt даетъ имъ имя *duae obligationes confidejssoriae*!

2) L. 20 D. 12. 6. Два поручителя по обязательствамъ того и другаго должника при коррeальности не суть *confidejssores*. Все разнообразіе отношеній въ этихъ случаяхъ видно въ сдѣд. мѣстахъ: L. 26—28 L. 51 § 4 D. 46...

корреальныя стипуляціи. Мы разумѣемъ *actiones adjectivae qualitatis*. И не смотря на все различіе ихъ природы мы имѣемъ прямое свидѣтельство Ульпіана, изъ котораго ясно, что искомъ противъ одного обязаннаго прекращается возможность искутъ противъ другаго:

Haec actio (exercitoria) ex persona magistri in exercitorem dabitur, et ideo si cum utro eorum actum est, cum altero agi non potest ¹⁾.

Дѣйствіе иска здѣсь есть совершенно такое, какъ при корреальномъ обязательствѣ, хотя источники даже не называютъ обоихъ обязанныхъ корреальными должниками ²⁾. Этотъ совершенно отвлеченный признакъ однако—*si cum utro eorum actum est, cum altero agi non potest*—останется единственнымъ надежнымъ критеріемъ, которымъ до позднѣйшаго времени отмѣчали случаи, гдѣ обязательства двухъ лицъ представляютъ аналогію коррeалитета, отъ случаевъ только солидарнаго ихъ сопоставленія. Между обоими обязательствами ясно отношеніе придатка (*accessio*) одного къ другому. Сверхъ того интенція ставится на имя одного, кондеманціи на имя другаго, какъ при прокуратурѣ. Очевидно параллель съ корреальными обязательствами можетъ быть лишь самой отдаленной, и если она для чего нибудь нужна, то только для того, чтобъ отличить это явленіе отъ другаго, съ которымъ теперь такъ легко смѣшать коррeалитетъ, именно отъ простой солидарности.

Въ отношеніяхъ изъ легата, изъ *fidejussio*, есть одна черта, которая сближаетъ природу этихъ сдѣлокъ съ

1) L. 1 § 24 D. 14. 1.

2) Въ литературѣ господствуетъ по поводу исковъ *adjectivae qualitatis* большое различіе мнѣній. Вангеровъ видитъ тутъ коррeалитетъ, Савини думаетъ иначе. Естественно, что мы здѣсь вовсе не думаемъ рѣшать трудный вопросъ, и касаемся его только въ той мѣрѣ, въ какой это явленіе тоже служитъ выраженіемъ принципа погашенія иска противъ одного лица искомъ противъ другаго.

природой отвлеченной стипуляци. Это качество односторонности притязаній, противъ которыхъ не можетъ быть выставлено встрѣчнаго притязанія, какъ при сдѣлкахъ сюраллагматическаго характера. Но вотъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ именно такого рода контракты *могутъ быть*, если этого именно *хотятъ* стороны, также устраиваемы съ характеромъ альтернативности иска противъ того или другаго должника. Объ этомъ свидѣтельствуеъ Папиніанъ въ извѣстномъ по своей трудности L. 9 D. h. t.

Eandem rem apud duos pariter deposui, utriusque fidem in solidum secutus, vel eandem rem duobus similiter commodavi; fiunt duo rei promittendi, quia non tantum verbis stipulationis, sed et ceteris contractibus, veluti emtione, venditione, locatione, conductione, deposito, commodato, testamento § 1 Sed si quis in deponendo penes duos paciscatur, ut ab altero culpa quoque praestaretur, verius est, non esse duos reos, a quibus impar suscepta est obligatio. Non idem probandum est, quum duo quoque culpam promisissent, si alteri postea pacto culpa remissa sit, quia posterior conventio, quae in alterius persona intercessit, statum et naturam obligationis, quae duos initio reos fecit, mutare non potest; quare si socii sint, et communis culpa intercessit, etiam alteri pactum cum altero factum proderit.

Одно, что не подлежитъ сомнѣнію въ этомъ мѣстѣ, это что Папиніанъ имѣетъ въ виду къ контрактамъ любаго образованія приложить такія начала, которыя собственно возникли и развились на контрактахъ *verbis*. За этимъ идетъ вопросъ, какимъ образомъ и въ какой степени возможно приложеніе одинаковыхъ началъ къ явленіямъ столь мало сходнымъ? Прежде всего надо разяснить себѣ, можетъ ли изъ самой сдѣлки, изъ ея

формы и способа совершения быть въ данномъ случаѣ яже, что стороны хотятъ именно корреспондентно обязательству. Достаточно-ли того, что я двумя лицами далъ вещь въ ссуду или у двухъ лицъ депонировалъ ее, чтобы отсюда прямо можно было заключить о настрѣеніи должниковъ одѣлывать какъ *duo rei promittendi*? Мы видели выше, что въ позднѣйшую эпоху классицизма корреспондентъ даже изъ стипуляцій принимался при условіи, *si hoc actum inter eos sit*. Объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ-же Папиніанъ и Ульпіанъ. ¹⁾ Кромѣ этого въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ Ульпіана мы находимъ прямо выраженнымъ, что при тѣхъ-же контрактахъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Папиніанъ, можетъ вовсе не быть корреспондентной ответственности должниковъ, хотя вещь депонирована и коммодирована обоимъ.

Si apud duos sit deposita res, adversus unumquemque eorum agi poterit, nec liberabitur alter, si cum altero agatur; non enim electione, sed solutione liberantur.

Si duobus vehiculum commodatum sit, vel locatum simul, Celsus filius scripsit, quaeri posse, utrum unusquisque eorum in solidum an pro parte teneatur?

Et ait, duorum quidem in solidum dominium vel possessionem esse non posse, nec quemquam partis corporis dominum esse, sed totius corporis pro indiviso pro parte dominium habere. Usus autem balnei quidem, vel porticus, vel campi uniuscujusque in solidum esse, neque enim minus me uti, quod et alius uteretur. — verum in vehiculo commodato vel locato pro parte quidem effectum me usum habere, quia non omnia loca vehiculi teneam; sed

1). Ср. L. 3 пр. L. 11 § 1 и 2. D. h. t.

esse verius ait, et dolum, et culpam, et diligentiam et custodiam in totum me praestare debere. Quare duo quodammodo rei habebuntur, et si alter conventus praestiterit, liberabit alterum, et ambobus competit furti actio. ¹⁾)

Если изъ способа совершенія реальныхъ и консензуальныхъ контрактовъ никогда не можетъ быть ясно, какъ изъ типическаго обряда корреальной стипуляцїи, желаніе сторонъ обязатья въ качествѣ двухъ rei promittendi, то понятнымъ образомъ только особое pactum ²⁾) можетъ быть пригоднымъ для этой цѣли, и Папиніанъ дѣйствительно выражаетъ это требованіе, говоря о вѣритель—*utriusque fidem in solidum secutus*, и требуя, чтобъ соглашеніе съ тѣмъ и другимъ шло на одну мѣру отвѣтственности, ибо *verius est, non esse duos reos, a quibus impar suscepta est obligatio*.

Несомнѣнно, что въ обоихъ случаяхъ, которые ближе разъяснены Папиніаномъ (*depositum* и *commodatum*), цѣль установленія пассивнаго корреалитета есть именно обезпеченіе депонента или коммоданта. ³⁾)

Въ чемъ-же достоинство именно этой формы обезпеченія и какимъ образомъ Папиніанъ могъ придти къ тому, чтобъ допустить приложеніе понятія корреальности къ совершенно чуждой природѣ ея сферѣ матерьяльныхъ контрактовъ?

1) L. 1 § 43 D. 16. 3. L. 5 § 15. D. 13. 6. Обширную экзегезу этихъ мѣстъ и изслѣдованіе вопроса объ отвѣтственности наслѣдниковъ договаривающихся (L. 22 D. 16. 3 и L. 3 § 3 D. 13. 6.) предлагаетъ Риббентропъ, § 19.

2) Особенно подробно о такого рода соглашеніяхъ и вмѣстѣ толкованіе на текстъ идущее на 120 стр. (! отъ 150—273) у Demangeat. Здѣсь собственно базисъ ученія Demangeat, но недостатокъ историческаго метода мѣшаетъ ему воспользоваться его-же собственной правильной постановкой вопроса.

3) Мы видимъ здѣсь случай примѣненія понятія корреалитета вопреки Demangeat и многимъ другимъ и согласно съ Риббентропомъ, только иначе объясняя себѣ возможность и интензивность корреальности въ данномъ случаѣ, чѣмъ Риббентропъ.

Вотъ наше объясненіе. Въ контрактахъ матеріальныхъ, которые здѣсь имѣть въ виду Папиніанъ, возможны такія отступленія отъ самыхъ существенныхъ требованій корреальной конструкціи, что прямо изъ природы ихъ никогда не способно само собой возникнуть то абстрактное, существенно-одностороннее, строгое требованіе, которое необходимо для того, чтобъ существовало весь механизмъ корреалитета. Изъ формы возникновенія контракта (*re, consensu*), изъ содержанія обязательствъ, какъ оно развивалось позже (*сьюналлагма*), изъ отношенія права къ иску (искъ можетъ быть *bonae fidei, formula* можетъ быть *in factum concepta*) нѣтъ никакой возможности конструировать ту технику, которою опредѣляется вся природа явленія корреальности. При *deposit'ѣ*, напр., конечно не *asseritatio* нужна, чтобъ развязать всё отношеніе. Было бы странно требовать тутъ тѣхъ обрядовъ, которые условлены формализмомъ словесныхъ сдѣлокъ, когда вопросъ вовсе не о формѣ, а о возвращеніи вещи взятой на сохраненіе. Совершенно тоже должно сказать и объ консензуальныхъ контрактахъ. Далѣе, при *deposit'ѣ* искъ можетъ быть поставленъ *in factum*,—тогда какая возможность допустить консультирующее дѣйствіе *litis contestatio*?

Все это возраженія, которыя много разъ повторялись даже тѣми писателями, которые далеко не столь строго проводятъ необходимость связи корреалитета съ формальными обязательствами, какъ мы это дѣлали. Но дѣло въ томъ, что у большинства нашихъ предшественниковъ вовсе не проведено границы между эпохой первоначальнаго развитія явленія, въ условіяхъ строгаго формализма, и послѣдующимъ, свободнымъ примѣненіемъ корреальности, какъ отвлеченнаго понятія въ совершенно иную и несравненно болѣе широкую сферу. И въ этомъ, мы полагаемъ, существенная причина многочисленныхъ недоразумѣній, порождаемыхъ мнѣніемъ Папиніана.

Вмѣсто однихъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ образовалось явленіе, юристъ видитъ теперь скрывавшееся за ними содержаніе, ихъ смыслъ, отрѣшенный

отъ необходимой прежде обрядности. Въ способности возсоздать, независимо отъ формальныхъ реквизитовъ отношенія, внутреннія черты его видна та сила критики явленій, та ясность сознанія, которой достигли коринтеи римской юриспруденціи. Они приходятъ къ исторической реминисценціи тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми условливалась самая возможность возникновенія извѣстныхъ формъ. Мы видѣли выше, что для установленія абстрактнаго обязательства нужно слово, которое прямо должно исходить отъ лица *personae sui juris*, слово въ простомъ, матерьяльномъ смыслѣ, и тогда—*uti lingua punciassit—ita jus esto*. Мы видѣли, что въ этихъ старыхъ формальныхъ сдѣлкахъ вербальнымъ образомъ закрывается отъ суда все внутреннее содержаніе акта. Всѣ отношенія являются какъ имѣющія свою послѣднюю основу въ волѣ стипулятора или промиссора. Вся внутренняя сторона неизвѣстна. Это особенно ярко выражается именно въ корреалитетѣ. Здѣсь скрыто всё и видны только абстрактныя линіи договорныхъ отношеній. Два должника могутъ стать рядомъ другъ съ другомъ, чтобъ гарантировать лучше вѣрителя. Но они не говорятъ этого именно. Они дѣлаютъ это. Въ чемъ достоинство акта? Въ той энергической постановкѣ двухъ обязательствъ, гдѣ оба берутъ на себя всю отвѣтственность не какъ одинъ за другаго, а одинъ за другаго, какъ за самого себя. Въ чемъ, практическій смыслъ такой гарантіи? Въ томъ, что у cadaго есть всё побужденія чловѣка дѣйствующаго отъ своего имени и по своему слову, отъ себя лично. Въ чемъ энергія постановки вопроса со стороны вѣрителя? Въ томъ, что онъ каждому оказываетъ всё довѣріе (*utriusque fidem in solidum secutus*), каждое обязательство (*nomen*) одобряетъ заранѣе въ равной мѣрѣ (*bonum fecit*).

Несомнѣнно, что это составляло внутренній смыслъ того выработаннаго формализма, который мы видѣли выше. И у Папиніана этотъ смыслъ института является сознаннымъ совершенно независимо отъ формы. Это, говоримъ мы, живая реминисценція внутреннихъ моти-

вовъ явленія, которая ищетъ себѣ свободнаго выраженія въ любой формѣ.

Для сферы совершенно иной примѣняются тѣже начала, и только то, что формою условлено, одной формою, то должно отойти, какъ случайное нѣчто. Внутреннія свойства энергической постановки обоимъ обязательствъ всѣ на лицо. Оба должника, которые хотятъ дать обезпеченіе кредитору, являются каждый отвѣчающимъ за себя. Всѣ внутренніе мотивы, служащіе гарантіей бдительности каждаго, суть тѣже, что и въ корреальной стипуляціи. Съ точки зрѣнія моральной это больше обезпечиваетъ вѣрителя, чѣмъ солидарная отвѣтственность. Съ другой стороны самъ вѣритель, *utriusque fidem in solidum secutus*, только въ этой постановкѣ характера отвѣтственности можетъ искать юридической гарантіи своего права, и совершенно такъ, какъ при корреалитетѣ, искомъ съ одного консумируетъ свое право, хотя формальной невозможности искать съ другаго, какъ въ обязательствахъ *verbis*, здѣсь вовсе нѣтъ.

Любопытно, что въ этой ширинѣ и свободѣ примѣненія ученіе является только у Папиніана.

Ни у одного изъ классиковъ вопросъ не поставленъ такъ обще. Всѣ другіе только такъ сказать частнымъ образомъ отрѣшаются отъ необходимаго условія проявленія корреалитета въ извѣстной формѣ. Всѣ другіе способны только въ извѣстной сферѣ отношеній мыслить существенныя черты корреального сопоставленія обязательствъ независимо отъ необходимыхъ для этого условій, въ самой природѣ двухъ стипуляцій лежащихъ. У Папиніана понятіе является свободнымъ отъ формальныхъ реквизитовъ для самой обширной сферы отношеній, изъ реальныхъ, консензуальныхъ контрактовъ, изъ актовъ послѣдней воли. Вездѣ одинаково возможно его аналогическое приложеніе. — Какой смыслъ для насъ можетъ имѣть то, что у *одного Папиніана* встрѣчается эта полнота отрѣшенія понятія отъ конкретныхъ условій его проявленія? Въ нашихъ глазахъ это прежде всего свидѣтельство силы мысли, способной разомъ по-

бѣдить все тѣ препятствія, которыя иная мысль побуждаетъ лишь шагъ за шагомъ. Съ другой стороны, для насъ, съ историко-юридической точки зрѣнія, это свидѣтельство того, что лишь эпоха позднѣйшаго классицизма способна была критически и совершенно свободно отнестись къ явленіямъ стараго формализма, старой обрядности.—Что извлекаетъ для себя догматики изъ того, что одинъ *только* Паниніанъ высказывается въ пользу возможности коррeалитета при *emptio venditio, commodatum* и проч?—Одно чувство скорби о малой доказательности *одного мѣста*, которое вовсе не поддержано другими параллельными, хотя бы напр. изъ Урзея Ферокса или Фуфидія.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ обширный кругъ сдѣлокъ (*negotia*), въ которыхъ въ это позднѣйшее время могло найти себѣ примѣненіе понятіе коррeальности. Что содержало въ себѣ это понятіе теперь,—это мы увидимъ лишь позже, когда будутъ опять ясны все моменты юридическаго отношенія. *Negotia*, разсмотрѣнныя нами, суть обязательства возникающія изъ договора. Въ тестаментѣ, въ легатѣ *per damnationem* тоже форма обязательства служить средствомъ для цѣлей обогащенія легатара. ¹⁾

1) Въ источникахъ мы находимъ очень любопытный примѣръ употребленія именно коррeальной конструкціи для совершенно оригинальной цѣли. Помпоній говоритъ намъ: *Qui duos reos ejusdem pecuniae habet, Titium atque Maevium, ita legavit: quod mihi Titius debet, Maevio heres meus dato, quod Maevius debet, Sejo dato. His verbis onerat heredem, nam quum actiones suas heres Maevio praestiterit adversus Titium, videtur Maevius facto ejus liberatus esse* (послѣднія слова важны для подтвержденія нашего толкованія текста изъ Павла на стр. 190, L. 20 D. 34. 3.) *et idcirco Sejo heres tenebitur. L. 13. pr. D. de legatis II.* Очевидно, указаніе на оба обязательства отдѣльно дѣлается здѣсь только для того, чтобъ продемонстрировать волю завѣщателя дать двумъ лицамъ отдѣльно ту же сумму. Но я думаю, что изъ этого мѣста весьма трудно извлечь аргументъ для мнѣнія альтернативистовъ, что до известнаго времени обязательство того или другаго находится на степени только могущаго возникнуть, а не существующаго дѣйствительно.

И такъ актами воли въ приложеніи къ сдѣлкамъ ограничивается пока сфера примѣненія понятія. Во многихъ отношеніяхъ эта сфера совпадаетъ съ той, въ которой примѣнялась стипуляція въ своемъ первоначальномъ значеніи общаго способа совершенія обязательствъ. Но тутъ уже каждая изъ возможныхъ цѣлей сопоставленія двухъ стипуляцій, обезпеченіе, прокуратура (въ *actiones adjectitiae qualitatis*), получила совершенно своеобразное выраженіе въ особыхъ институтахъ, такъ что связь съ прототипомъ можетъ быть только искусственно возстановляема.

Но и этой областью однихъ сдѣлокъ вовсе не ограничивается примѣненіе понятія корреальности.

Та черта, которою теперь единственно и самымъ надежнымъ образомъ можно опредѣлить аналогическіе съ корреалитетомъ признаки и ясно отдѣлить эти явленія отъ простой солидарности, именно прекращеніе искомъ одного возможности искать другому, независимо отъ результата, не встрѣчается прямо выраженной въ случаяхъ нераздѣльности предмета обязательства. ¹⁾

Наоборотъ мы находимъ её въ нѣкоторыхъ случаяхъ ноксальныхъ исковъ, когда вредъ нанесенъ общимъ рабомъ или общимъ животнымъ.

У Юлія Павла читаемъ:

Si detracta noxae deditioe quasi cum conscio domino actum sit, qui non erat conscius, abso-

1) По связи вопроса со многими другими ученіями объ обязательствахъ, сервитутахъ, процесѣхъ, мы здѣсь не останавливаемся на немъ особенно и отсылаемъ читателя къ книгѣ Савинья, объ обязат., стр. 367, также Вангерова и Виндшейда (Учебн., въ 1-мъ по 7-ому изд., стр. 15, во 2-омъ, по 3-ьему изд. § 2 99). Мѣста, въ которыхъ видятъ то солидарную, то корреальную отвѣтственность, суть L. 192 pr. D. 50. 17. L. 65 D. 21. 2. L. 80 § 1 D. 35. 2. L. 2 § 2 L. 4 § 1 L. 72 pr. L. 139 de V. O. L. 25 § 9—14, 16 D. 10. 2. L. 11 § 1—4 D. 39. 3. L. 40 § 2—4 D. 39. 2. L. 1 § 21 D. 38. 5 L. 22 D. 16. 3. L. 31 D. 3. 1. L. 22. D. 44. 2. (Helmolt § 9).

lutione facta et finito iudicio, amplius agendo cum noxae deditioe exceptione rei iudicatae summovebitur, quia res in superius iudicium deducta et finita est ¹⁾).

У него-же находимъ еще свидѣтельство, гораздо менѣ спорное, гдѣ совершенно ясно, что лицо, принимающее на себя роль отвѣтчика по иску, разсматривается какъ настоящий отвѣтчикъ, при чемъ истецъ не долженъ, однако, отсюда извлекать никакихъ выгодъ, и altero convento, alter quoque liberabitur.

Qui servum alienum responderit suum esse, si noxali iudicio conventus sit, dominum liberat; aliter atque si quis confessus sit, se occidisse servum, quem alius occidit, vel si quis responderit se heredem, nam his casibus non liberatur, qui fecit, vel qui heres est. Nec haec inter se contraria sunt; nam superiore casu ex persona servi duo tenentur, sicut in servo communi dicimus, ubi altero convento alter quoque liberatur; at is, qui confitetur, se occidisse vel vulnerasse suo nomine tenetur; nec debet impunitum esse delictum ejus, qui fecit, propter eum, qui respondit, nisi quasi defensor ejus, qui admisit, vel heredis, litem subit hoc genere: tunc enim in factum exceptione data summovendus est actor, quia ille negotiorum gestorum, vel mandati actione recepturus est, quod praestitit. Idem est in eo, qui mandatu heredis heredem se esse respondit, vel quum eum alias defendere vellet. ²⁾

1) Это мѣсто представляетъ очень большія трудности при истолкованіи ср. Риббентр. § 26, Helmolt § 10, Кунце, стр. 231, гдѣ онъ и actio popularis разсматриваетъ какъ eine publicistische Anwendung der strengen korrealität.

2) L. 20 pr. D. 11. 1.

Это чрезвычайно отдаленное примѣненіе тѣхъ-же началъ, которыя *могутъ* быть выражены въ формѣ корреального обязательства. Одинъ становится на мѣсто другого, какъ бы онъ былъ субъектомъ того-же обязательства, при этомъ совершенно также отвлечено отъ себя, какъ въ корреалитетѣ. Такой случай прямо противупоставляется другому, гдѣ у обоеихъ субъектовъ есть одинаковая фактическая основа отвѣтственности, ибо каждый отвѣчаетъ за свою вину. Если изъ такихъ отдаленныхъ и совершенно частного характера примѣненій корреальной конструкции мы будемъ заключать къ ея подлинной природѣ, то понятно, что обязательство корреальное окажется *единымъ*. По нашему мнѣнію это ничего болѣе какъ явленіе совершенно позитивнаго примѣненія той стороны корреальной конструкции, которая теперь одна еще отличала ея природу отъ природы обязательства солидарнаго. Также какъ въ матерьяльныхъ контрактахъ стороны могутъ, если хотять, поставить свои обязательства въ елективное отношеніе, также и тутъ *electio*, примыкающая къ *litis contestatio* рѣшаетъ окончательно вопросъ, кто будетъ отвѣтчикомъ. Но это уже не корреалитетъ въ его первоначальномъ развитіи, а та совершенно абстрактная сущность его, которую мыслили позднѣйшіе классики, вполне отрѣшаясь отъ конкретнаго явленія и противупоставляя его явленію солидарности. ¹⁾

Мы остановимся еще на одномъ спорномъ вопросѣ, въ которомъ всего очевиднѣе постоянное колебаніе границы отдѣляющей корреальность отъ солидарности, пока наконецъ она теряетъ всякую внѣшнюю распознаваемость, и только принципы того и другаго остаются еще различными. Мы разумеѣмъ известное мѣсто изъ Ульпіана, которое читается такъ:

Si in sepulcro alieno terra congesta fuerit
jussu meo, agendum esse Quod vi aut clam mecum

1) На случаяхъ *ноксальнѣе* *актовъ* останавливается особенно Бринцъ стр. 14 и слѣд.

Labeo scribit; et si communi consilio plurimum id factum sit, licere vel cum uno vel cum singulis experiri; opus enim, quod a pluribus pro indiviso factum est, singulos in solidum obligare; si tamen proprio quis eorum consilio hoc fecerit, cum omnibus esse agendum, scilicet in solidum. Itaque alter conventus alterum non liberabit, quin imo perceptio ab altero; superiore etenim casu alterius conventio alterum liberat. Praeterea sepulcri quoque violati agi potest. ¹⁾

Мы объясняем себѣ коды мыслей Ульпіана слѣдующимъ образомъ. Вопросъ идетъ о томъ, какъ и кто долженъ отвѣчать въ томъ случаѣ, когда засыпается кладбище, которое принадлежитъ мнѣ. ²⁾ Ульпіанъ предусматриваетъ такіа возможныя модификаціи. Если это дѣлается по приказу одного лица, ³⁾ то и искъ долженъ быть противъ него направленъ. Въ основѣ нарушенія права лежитъ этотъ приказъ, который, конечно, предполагаетъ извѣстную степень обязательности его для выполняющихъ. Но возможно, что одного такого лица нѣтъ, и тогда всѣ лица, которыхъ рѣшеніе замѣняетъ приказъ, должны подлежать отвѣту. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ истецъ можетъ опираться или на *общемъ рѣшеніи* свазивать сюда землю, или на *фактъ*, на *прямомъ правонарушающемъ дѣяніи*. Въ первомъ случаѣ, если истецъ желаетъ и находитъ возможнымъ на *общемъ постановленіи* (*consilium commune*) основать свое требованіе, тогда результатъ будетъ существенно

1) L. 15 § 2 D. 43. 24. Риббентропъ очень неослѣдовательно въ истолкованіи этого мѣста, ибо требуетъ, чтобы здѣсь alterius conventio имѣла смыслъ petitionis effectualis, тогда какъ самъ выше дѣлаетъ упреки прежнимъ экзегетамъ въ томъ, что они давали такое значеніе понятію litis contestatio (ср. стр. 104 и 2).

2) Эти сепулкра тянутся въ Италіи обыкновенно отъ города по дорогамъ.

3) Положимъ, здѣшняго префекта.

тотъ же, что и въ случаѣ обязательнаго приказа даннаго однимъ. Ему предоставляется *vel cum uno, vel cum singulis experiri*, т. е. онъ можетъ выбрать или одного, который будетъ отвѣчать за это распоряженіе, или со всякаго изъ постановившихъ онъ потребуетъ долю. Положеніе такихъ отвѣтчиковъ есть существенно тоже, что нѣсколькихъ корреальныхъ должниковъ. Истецъ взыскиваетъ съ нихъ или *pro rata* или *in solidum*. Но тогда, говоритъ Ульпіанъ, *alterius conventio alterum liberat*. Отчего это происходитъ? Оттого, что основой притязанія истца служить не непосредственное правонарушающее дѣйствіе, а общее постановленіе.

Но истецъ можетъ дать совершенно другое направленіе иску, ¹⁾ если онъ не на общемъ постановленіи, а на дѣяніи будетъ его основывать. Тогда важно различать—совершили ли всѣ это дѣяніе разомъ, за одно, *pro indiviso*. Въ такомъ случаѣ они всѣ суть солидарно обязанные, и искъ съ одного не освобождаетъ другихъ, а лишь въ регертію, въ матеріальномъ удовлетвореніи, притязаніе находитъ себѣ цѣль и вмѣстѣ съ этимъ прекращается. Если, наконецъ, дѣло не было сдѣлано съобща, разомъ, а всякій дѣлалъ по своему усмотрѣнію, то лишь со всѣхъ вмѣстѣ возможно искать *in solidum*, стало быть съ каждаго *pro rata*. ²⁾

1) Мы предполагаемъ, что онъ выбираетъ способъ дѣйствія. Случаи могутъ, конечно, и такъ противустоять одинъ другому, что истецъ долженъ преслѣдовать тѣхъ, кто приказалъ, и тѣ, которые только слѣдовали приказу или дозволенію, вовсе не отвѣчаютъ, или наоборотъ, тѣхъ только, кто совершалъ дѣяніе. Различныхъ сочетаній можно себѣ представить очень много: тѣже постановляли, которые и выполнили (сходъ сельскій), истецъ преслѣдуетъ ихъ не на основаніи дѣянія, а на основаніи незаконнаго постановленія, или на оборотъ, и они допускаютъ это основаніе, хотя оно не есть истинное ср. L. 20 D. 11. 1.

2) Это мѣсто, въ которомъ достаточно различить разныя основанія иска (общее постановленіе или дѣяніе), чтобъ оно стало совершенно яснымъ, имѣетъ нѣкоторую знаменитость по трудностямъ, которыя въ немъ умѣли отыскать. Суарецъ де Мендоза говоритъ о немъ: *quae lex anxium me habuit non parumper: te-*

Съ какими-же противоположеніями мы встрѣчаемся въ этомъ текстѣ? Съ давно знакомыми намъ и такъ часто повторяющимися въ источникахъ: корреального, солидарнаго и проратарнаго.

Мы видѣли такимъ образомъ большое разнообразіе случаевъ примѣненія понятія корреальности далеко за предѣлы условій, въ которыхъ оно первоначально образовалось. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возможно ближе или дальше наслѣдить связь примѣненія съ первоначальнымъ типомъ, родство природы, но однако никакъ не съ положительно-формальной стороны. Только внутреннія свойства, только отрицательно-формальная сторона корреалитета продолжаетъ еще держаться. Обязательство остается въ случаяхъ примѣненія, какъ и въ подлинныхъ, само себѣ цѣлью, а не разсматривается только какъ средство для матерьяльной цѣли, для регсер-

nebrosa sane est..... и далѣе posterior difficultas mihi crux, mihi culeus, non video enim, quemadmodum in prima specie sufficiat sola unius conventio, in posteriori exigatur solutio.... И надо сознаться, что Риббентропъ еще продолжаетъ пребывать въ этомъ мѣстикѣ, когда говорить,—хотя не столь краснорѣчиво какъ Мендоза: *warum aber bei einem opus communi consilio plurium factum die solidarische Verbindlichkeit der einzelner Thäter aus einem anderen Grunde abgeleitet und demnächst zum offenbaren Nachtheil des Beschädigten ganz anders beurtheilt worden sein sollte, als bei anderen Delicten, dürfte sich schwerlich auf eine befriedigende Weise erklären lassen* (стр. 103). Если понятно, что при *jussus* отвѣтственность падаетъ на *jubent'a*, то какъ же не понять возможности и въ случаѣ общаго рѣшенія на этомъ-же началѣ основанной отвѣтственности? Надо для этого только не ставить въ связь двухъ понятій по ихъ созвучію. Понятіе *commune consilium* получаетъ свой характеръ отъ выше стоящаго *jussus*; а *suo consilio* противоплагается не съ *commune*, а съ *opus pro indiviso*. Что юристы именно такъ различаютъ основанія иска—дѣяніе и соглашеніе, и что въ обоихъ случаяхъ прилагается различная мѣра, это ясно и изъ сейчасъ (выше) взятаго нами мѣста Юлія Павла L. 20 D. 11. 1. Несправедливости въ отношеніи къ потерпѣвшему никогда не будетъ, если лица, которыя приказываютъ, подлежатъ всей мѣрѣ отвѣтственности, какая въ данномъ случаѣ необходима, и кромѣ того, истецъ не обязанъ непременно выбирать одного, а можетъ, какъ и при корреалитетѣ, искать доли съ кого хочетъ.

tio. Съ этими чертами самобытности два обязательства противуполагаются въ *legatib*, два обязательства стоятъ рядомъ въ искахъ *adjectitiae qualitatis*, у сопоручителей и проч., наконецъ здѣсь, гдѣ *communi consilio* рѣшено было занять известное пространство земли. Если въ прежнихъ случаяхъ можно съ ясностью угадать, для какой цѣли сопоставляются два самостоятельныхъ обязательства, если въ нихъ скрывалась или цѣль обезпеченія, или цѣль прокуратуры, то съ какою изъ многихъ возможныхъ цѣлей абстрактнаго сопоставленія двухъ стипуляцій сближается послѣдній изъ рассмотрѣнныхъ нами случаевъ? Ближе всего, мы думаемъ, онъ подходитъ къ той цѣли, для которой, по мысли *Petringa*, тоже была удобна эта конструкция, именно—замѣны понятія юридическаго лица (см. стр. 144). Изъ многихъ, участвующихъ въ рѣшеніи, каждый обязываетъ себя отдѣльно отвѣчать, но обязательство каждаго есть такое-же какъ и обязательство другаго, и искомъ съ одного прекращается все притязаніе къ нимъ. Здѣсь въ смыслѣ пассивномъ, въ смыслѣ долга, въ смыслѣ отвѣтственности, многіе рѣшившіе отвѣчаютъ каждый за себя, какъ въ пассивномъ коррелитетѣ. Для *actiones populares* тоже самое явленіе имѣетъ мѣсто въ активномъ смыслѣ. Тамъ также всякій можетъ искать, но тотъ, кто прежде подалъ искъ, тотъ и преградилъ этимъ возможность еще другаго иска.

Полнѣе и совершеннѣе всего, въ оборотномъ смыслѣ, самобытная постановка нѣсколькихъ обязательствъ выразилась въ контрактѣ *verbis*. Но тотъ-же самый принципъ виденъ и въ другихъ явленіяхъ. Тамъ онъ выражается въ совершенно пластической формѣ. Тамъ форма и содержаніе вполнѣ покрываютъ другъ друга. Это *jugis elegantia*, которая даетъ полную осозательность явленію. Здѣсь надо раскрывать, угадывать тотъ-же принципъ, ибо онъ не имѣетъ никакой соответствующей формы. Онъ существуетъ здѣсь теоретически. Не прираженный ни къ какой необходимой формѣ, онъ распознается легко только тамъ, гдѣ стороны именно выразятъ волю быть *duo rei promittendi* или *stipulandi*. Въ дру-

гихъ случаяхъ его діагностика въ практическомъ смыслѣ не надѣжна.

Въ Римѣ, пока существовала отрицательно-формальная сила контракта, пока жива была реминисценція прежняго значенія стипуляціи, діагностика была возможна. Позже постепенно теряется и отрицательно-формальная сила контракта, и тогда корреальное обязательство можно было принять только тамъ, гдѣ есть прямо данное указаніе или въ волю лицъ или въ законѣ.

Еще труднѣе, чѣмъ опредѣлить присутствіе корреальности въ данномъ случаѣ, конструировать всѣ ея функціи! Въ этомъ послѣднемъ отношеніи источники непрерывно противопоставляютъ ее съ солидарностью, и можно сказать, только изъ этого противопоставленія получается та ясность ея разумѣнія, которая прежде давалась прямо съ виду. Это противопоставленіе опять носить въ себѣ больше теоретическіе, чѣмъ практическіе моменты. Но въ немъ все таки ясно видна принципиальная противоположность обоихъ явленій. Многочисленныя мѣста, въ которыхъ мы встрѣчаемъ это противопоставленіе, всѣ говорятъ что въ корреальности *electione*, въ солидарности *perceptione unius tota solvitur obligatio*. Все отношеніе въ первомъ случаѣ разрѣшается выборамъ того или другаго обязательства. Все отношеніе во второмъ случаѣ разрѣшается уплатой по обязательству.

Какой-же принципъ первой и какой принципъ второй конструкціи? Мы думаемъ, что опредѣляющее начало корреальной конструкціи лежитъ въ томъ, что здѣсь каждое изъ обязательствъ сохраняетъ свойство самостоятельнаго имущественнаго объекта, какое оно получило въ стипуляціи. Обязательство существуетъ также индивидуально, какъ вещь. Ни достоинство вещей не измѣряется обязательствами, ни достоинство обязательства не измѣряется вещами.

Разъ принято обязательство, какъ оно совершенно также функционируетъ въ юридическомъ оборотѣ, какъ деньги. Прежде этого не нужно было особенно выго-

варивать. Это само собой было ясно изъ вербальнаго обряда. Теперь, если рѣчь о коррeальности,—надо это именно выразить. Еще позже этого нельзя будетъ выразить, и тогда затеряется всякая граница между коррeальностью и солидарностью.

Какой принципъ солидарности обязательствъ въ римскомъ правѣ? Совершенно противоположный. Здѣсь обязательство не въ себѣ самомъ заключаетъ цѣль, а лишь служить средствомъ для достиженія другой цѣли. Если мы имѣемъ двухъ солидарно обязанныхъ, то искомъ съ одного мы еще ничего не опредѣлили; мы еще не сказали, что это *potest* есть *bonum*. Если заплатить,—мы теряемъ притязанія къ другому, ибо материальная цѣль достигнута, средство оказалось хорошимъ. Не заплатить,—обязательство негодно, и мы обращаемся къ другому для той-же цѣли.

Принципъ перваго есть самобытная, принципъ втораго служебная роль обязательства.

Гдѣ сфера, въ которой развились та и другая форма? Сфера первой есть, конечно, сдѣлка, сфера второй—отвѣтственность возникающая изъ правонарушений. Первая форма есть зиждущая, вторая есть охраняющая.

Такое противоположеніе есть изначала въ той и другой, но его нѣтъ надобности выставлять тамъ, гдѣ есть полная осязательность явленій въ самой ихъ природѣ, гдѣ ихъ нельзя смѣшать. Сначала въ стипуляціи есть и положительно и отрицательно формальный элементъ. Позже остается одно отрицательно формальное свойство обоихъ обязательствъ въ коррeалитетѣ. Оно признается юристами со всей ясностью. Гражданскій оборотъ могъ создать новую форму, въ которой нашла бы себѣ выраженіе эта идея ¹⁾. Но онъ не создалъ ее.

1) Если не въ словѣ, то въ письмѣ, хоть съ греческаго образца, гдѣ слово никогда не имѣло такого значенія въ дѣловомъ мѣрѣ, какъ въ Римѣ. Быть можетъ съ этой точки зрѣнія также римляне очень презрительно говорили—*græca fides*. См. тоже о пресловутой неблагонадежности Локрійцевъ у Гнейста, стр. 422, 425.

Лишенный всякой энергии городской быть падающей империи неспособен был ни к чему творческому, и лишь гораздо позже, в начавших новую эпоху существования городах северной Италии, давно сознанная римскими юристами идея абстрактного обязательства нашла себя выражение в новой форме, в форме векселя, которого практические функции пошли гораздо дальше путей, определившихся в римском обороте с требованиями, но изучение природы которого так много выигрывает от сопоставления его с римскими абстрактными обязательствами.

Как организовалась корреальность в новых условиях безформенности, мы покажем позже. Теперь нам необходимо обратиться к явлению, которое ей обыкновенно противопоставляется, к солидарности ¹⁾.

Что принцип материальный есть определяющий понятие солидарности ²⁾ это видно постоянно в источниках. Таким образом, Ульпиан сопоставляет материальные контракты с обязательством вознаградить за деликт.

...si plures fecerint, vel corrumpent, vel mandaverint, omnes tenebuntur ³⁾.

1) Не надо думать, чтобы мы исчерпали здесь всевозможные случаи применения корреального обязательства, которые встречаются в источниках. Этой задачи мы не преследовали. Ее легко впрочем восполнить с помощью указанных нами в разных местах догматических сочинений; опять и для солидарности мы будем иметь в виду только характерные черты, а не догматическое перечисление и выписку всех мест. Для наших целей достаточно проследить за противоположением принципом оboих явлений.

2) Выражение in solidum встречается в источниках в очень широком смысле, perfectam ac solidam Fr. Vat. § 288, но и в более точном, в противоположность с понятием доли, portio, там же § 282, in solidum и pro parte L. 4 D. 2. 9. L. 192 pr. D. de R. I., также integrum и pro rata L. 9 § 1 D. 2. 11.; но также in solidum противопоставляется с in quantum facere potest L. 5 § 1 D. 14. 5.

3) L. 7 § 5 D. 2. 1.

Иногда юристъ беретъ реальный моментъ въ сдѣлкѣ и въ гражданскомъ преступленіи, сопоставляя то и другое.

Ex maleficio nascuntur obligationes, veluti ex furto, ex damno, ex rapina, ex injuria, quae omnia unius generis sunt, nam haec re tantum consistunt, id est ipso maleficio, quum alioquin ex contractu obligationes non tantum re, sed etiam verbis et consensu ¹⁾.

Когда такъ или иначе, изъ матеріальнаго контракта или изъ гражданскаго преступленія, возникаетъ отвѣтственность нѣсколькихъ лицъ, то повидимому было бы совершенно просто подвергнуть каждаго отвѣтственности за долю, такъ чтобы изъ этихъ долей составилось цѣлое, которое и погашаетъ убытки. Двое разби-ли окно въ моемъ домѣ (положимъ, по простой неосторожности), или два хозяина общаго дома нарушили контрактъ, по которому я у нихъ жилъ. Каждый хочетъ отвѣчать только за долю ущерба. Они совершенно правы, и въ результатѣ ни одинъ не обязанъ нести убытокъ за другаго; но я, истецъ, хочу имѣть защиту моего права, независимо отъ ихъ расчетовъ между собой. Если законъ допустить мнѣ защитить его противъ каждаго изъ нарушителей только въ той долѣ и мѣрѣ, въ какой онъ былъ причиною ущерба, то въ иныхъ случаяхъ это будетъ равняться полнѣйшей невозможности защиты, и всегда затруднительность ея будетъ возрастать вмѣстѣ съ случайнымъ моментомъ количества нарушителей. Римская юриспруденція совершенно ясно сознавала практическую важность вопроса о способѣ дѣйствія истца въ такихъ случаяхъ, и мы имѣемъ цѣлый рядъ рѣшеній, которыхъ смыслъ расчитанъ на предупрежденіе этой опасности для права. Обязательство, его образованіе, является здѣсь въ роли прямо охраня-

1) L. 4 D. 44. 7.

тельной, и какъ всегда у римскихъ практиковъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо. Разсмотримъ эти свидѣтельства. Ульпіанъ говоритъ:

Si plures navem exerceant, cum quolibet eorum in solidum agi potest, (Гай) ne in plures adversarios distringatur, qui cum uno contraxerit. ¹⁾)

Совершенно тотъ-же взглядъ и при томъ указаніе на то, что этимъ только опредѣляется способъ дѣйствія истца, а вовсе не результаты для нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, находимъ у Гая въ другомъ текстѣ:

Si quis cum servo duorum pluriumve contraxerit, permittendum est ei, cum quo velit dominorum in solidum experiri; est enim iniquum in plures adversarios dstringi eum, qui cum uno contraxerit.... Nec tamen res damnosa futura est ei, qui condemnatur, quum possit rursus ipse iudicio societatis vel communi dividendo, quod amplius sua portione solverit, a socio sociisve consequi. ²⁾)

Оба эти текста взяты изъ толкованій названныхъ писателей къ эдикту, этому главному фактору развитія началъ эквитета, примѣнительности къ случаю (prout res incidit),—дѣлей, которыхъ вовсе не вѣдало jus civile. А вотъ и та совершенно индивидуальная мѣрка, которую самъ эдиктъ предлагаетъ для извѣстнаго круга сдѣлокъ. Рыночная юрисдикція считала справедливымъ для нѣкоторыхъ родовъ торговли (стр. 156) установить особый способъ дѣйствія. Мы говоримъ о работорговцахъ, которые всегда дѣйствуютъ сообща, какъ наши цыгане на конныхъ площадяхъ. Практическій принципъ, который

1) L. 1 § 25 L. 2 D. 14. 1.

2) L. 27 § 8 D. 15. 1.

выставляет эдилль, для того чтобъ дать охрану праву, выраженъ въ словахъ:

ne cogeretur emtor cum multis litigare, quamvis actio ex emto cum singulis sit pro portione, qua socii fuerunt. ¹⁾

Такой-же взглядъ выраженъ у Юліана въ одной цитатѣ Ульпіана. Вопросъ идетъ о томъ, какъ слѣдуетъ искать съ нѣсколькихъ господъ одного раба—прикащика, по долямъ ли, которыя они имѣютъ въ правѣ собственности на него, или по равнымъ долямъ, или по количеству товара, или наконецъ *in solidum* съ каждаго. Юристъ отвѣчаетъ—*in solidum unumquemque conveniri posse; et quidquid is praestiterit, qui conventus est, societatis iudicio, vel communi dividendo consequetur.* ²⁾

Всего яснѣе эта точка зрѣнія на нѣсколько обязательствъ, какъ на средство получить матерьяльное удовлетвореніе, видна тамъ, гдѣ основа обязательствъ заключается въ правонарушающемъ дѣйствіи (или въ *quasi delictis*) и стало быть цѣль иска есть вознагражденіе вреда. По вопросу объ *effusum* и *dejectum* у цѣлаго ряда юристовъ, которые здѣсь эксперпированы по очереди для выраженія одной мысли, читаемъ:

Si plures in eodem coenaculo habitent, unde dejectum est, in quemvis haec actio dabitur (Ulp.), quum sane impossibile est scire, quis

1) Прибавимъ здѣсь въ подтвержденіе нашего толкованія на текстъ Помпонія (стр. 156), что мѣсто взятое въ нашъ титулъ принадлежитъ къ *Edictsmasse*.

2) L. 13 § 2 D. 14. 3 (*Ulpianus libro XXVIII ad edictum*). Для *locatio* см. напр. L. 13. С. 4. 65. Для купли и *actio redhibitoria* см. особ. L. 31 § 10 D. 21. 1. Для *mandatum* и *tutela* источники даютъ огромное изобиліе рѣшеній, которыя опять съ большой тщательностью сопоставляются въ догматическихъ работахъ. См. напр. у *Helmolt'a* § 11 и 12.

dejecisset, vel effudisset (Gajus), et quidem in solidum. Sed si cum uno fuerit actum, ceteri liberabuntur (Ulp.) perceptione, non litis contestatione, praestituri partem damni societatis iudicio, vel utili actione ei, qui solvit (Paulus) ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основаніемъ иска противъ нѣсколькихъ служитъ *dolus*, мы находимъ постоянно возвращающуюся ту же точку зрѣнія солидарной отвѣтственности.

Si plures dolo fecerint, omnes tenentur; sed si unus praestiterit poenam, ceteri liberantur, quum nihil intersit ²⁾).

Ульпіанъ говорить о двухъ опекунахъ, которые преслѣдуются за *dolus communis*, при чемъ *transactio* съ однимъ не идетъ въ пользу другаго:

nec immerito, quum unusquisque doli sui poenam sufferat. Quodsi conventus alter praestitisset, proficiet id quod praestitit, ei, qui conventus non est; licet enim doli ambo rei sint, tamen sufficit unum satisfacere, ut in duobus, quibus res commodata est vel deposita, quibusque mandatum est ³⁾).

То же самое часто имѣетъ мѣсто въ случаяхъ нераздѣльности предмета требованія или такихъ свойствъ дѣйствія, что оно можетъ быть совершенно каждымъ только вполнѣ ⁴⁾. Вотъ нѣкоторые примѣры:

1) L. 1 § 10 L. 2 L. 3 L. 4 D. 9. 3.

2) L. 1 § 4 D. 2. 10.

3) L. 15 D. 27. 3. Ср. еще L. 7 D. 27 8. Позднѣйшее римское право допускало много различныхъ т. н. бенефицій, очень видоизмѣнившихъ принципы солидарной отвѣтственности. Они обыкновенно всѣ перечисляются въ догматическихъ учебникахъ.

4) Мѣста выше, стр. 222.

Et ideo si divisionem res promissa non recipit, veluti via, heredes promissoris singuli in solidum tenentur. Sed quo casu unus ex heredibus solidum praestiterit, repetitionem habebit a coherede familiae herciscundae iudicio ¹⁾.

Duobus quis mandavit negotiorum administrationem; quaesitum est, an unusquisque mandati iudicio in solidum teneatur? Respondi, unumquemque pro solido conveniri debere, dummodo ab utroque non amplius debito exigatur ²⁾.

Si plures sint, qui auctores fuerunt, perceptione ab uno facta et ceteri liberantur, non electione. Et ideo, si nihil, aut non totum servatum sit, in reliquos non denegandam in id quod deest, Sabinus scribit ³⁾.

Совершенно такое-же сопоставление обязательств, какое во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто въ *нассисномъ* смыслѣ, встрѣчается и *активно*. Такимъ образомъ, тамъ гдѣ нѣсколько лицъ наследуютъ одному, имѣвшему искъ, и предметъ иска есть неделимый, всякій наследникъ ищетъ in solidum.

Viae, itineris, actus, aquaeductus pars in obligationem deduci non potest, quia usus eorum indivisus est, et ideo si stipulator decesserit pluribus heredibus relictis, singuli solidam viam petunt ⁴⁾.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, вмѣсто иска на долю, искъ дается in solidum, весь вопросъ ограничивается способомъ дѣйствія, все дѣло въ выборѣ cum quo ро-

1) L. 2 § 2 D. de V. O. Еще L. 7 D. 33. 3.

2) L. 60 § 2 D. 17. 1. Въ известныхъ случаяхъ можно требовать отъ одного совершенія дѣйствія, потому, хотя оно выполнено, отъ другаго, см. напр. L. 6 § 1 D. 2. 13.

3) L. 7 § 4 L. 8 D. 27. 6.

4) L. 17 D. 8. 1.

tissimum agat, ¹⁾ но эта *optio*, этотъ выборъ касается только вопроса—съ кѣмъ съ первымъ будетъ искъ, а не съ кѣмъ изъ двухъ. Матерьяльное основаніе иска или отвѣтственности есть всегда данное. Всегда, съ самаго начала, ясно, что каждый есть собственно истецъ или отвѣтчикъ на долю, но этотъ вопросъ о внутреннемъ отношеніи нѣсколькихъ истцовъ или нѣсколькихъ отвѣтчиковъ оставляется пока въ сторонѣ и впередъ, *aequitatis, utilitatis causa*, выводится цѣлое притязаніе. Всякое изъ обязательствъ, идущихъ такимъ образомъ *in solidum*, не представляетъ собою ничего внутреннимъ образомъ отдѣльнаго отъ другаго. Всякое есть только средство, для того чтобъ проще и короче достигнуть матерьяльнаго удовлетворенія.

Если мы, засимъ, обратимся къ источникамъ, для того чтобъ въ нихъ прослѣдить противуположеніе обоихъ способовъ сочетать обязательства, корреально и солидарно, то намъ съ величайшей ясностью представится именно эта самобытная постановка каждаго изъ обязательствъ въ корреальности и, наоборотъ, совершенно служебное, имѣющее смыслъ только средства для матерьяльной цѣли, сопоставленіе нѣсколькихъ солидарныхъ обязательствъ. Корреальныя обязательства *могутъ* быть также сопоставлены въ данномъ случаѣ для матерьяльныхъ видовъ, но этимъ не опредѣляется ихъ природа. Мы видѣли выше, что сама стипуляція способна служить для замѣны матерьяльныхъ контрактовъ. Но это только одинъ изъ видовъ ея примѣненія, а не подлинная ея природа. Точно тоже и въ сочетаніи двухъ формальныхъ обязательствъ. Оно способно служить матерьяльнымъ цѣлямъ, но не въ этомъ специфическое его свойство. Наоборотъ, въ солидарности сама природа сопоставленія такова, что ни для чего, кромѣ опредѣленной матерьяльной цѣли, она не можетъ быть пригодною.

1) L. 7 D. 27. 8.

Возьметъ тѣ мѣста, въ которыхъ ясно сказывается именно это противоположеніе:

Plures ejusdem pecuniae credendae mandatores, si unus iudicio eligatur, absolute non liberantur; sed omnes liberantur pecunia soluta. ¹⁾)

Reos principales vel mandatores simpliciter acceptos eligere vel pro parte convenire, vel satis non faciente, contra quem egeras, primo, post ad alium reverti, cum nullus de his electione liberetur, licet. ²⁾)

Право вѣрителя въ случаѣ солидарности опредѣляется у Марцелла, когда всѣ состоятельны такъ:

quamquam fortasse justius sit, etiam si solvendo omnes erunt, electionem conveniendi quem velit, non auferendam actori, si actiones suas adversus ceteros praestare non recuset. ³⁾)

Въ указанномъ выше спорномъ текстѣ изъ Ульпіана ⁴⁾):

(для солидарности) alter conventus alterum non liberabit, quin imo perceptio ab altero; (для корреальности) alterius conventio alterum liberat.

Также у Ульпіана для депозита:

adversus unumquemque agi poterit, nec liberabitur alter, si cum altero aga-

1) L. 52 § 3 D. 46. 1.

2) L. 23 C. 8. 41.

3) L. 47 D. 19. 2.

4) L. 15 § 2 D. 43. 24.

tur; non enim electione, sed solutione liberantur. ¹⁾

У него-же, по другому поводу:

perceptione ab uno facta ceteri liberantur, non electione. ²⁾

Мы полагаемъ, что этихъ свидѣтельствъ совершенно достаточно, для того чтобъ убѣдиться въ правильности выраженной нами мысли.

Мы переходимъ за симъ къ другой сторонѣ вопроса, къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя повлекла за собой существенно измѣнившаяся сфера примѣненія изучаемаго нами понятія.

II Вліяніе измѣнившейся сферы примѣненія корреальности на разныя фазы юридическаго отношенія.

Что касается вопроса о томъ, какъ возникаетъ корреальность въ новыхъ условіяхъ, то онъ разъясненъ нами достаточно въ предшествующемъ отдѣлѣ. Если здѣсь мы возьмемъ именно то, что есть особеннаго, новаго въ способѣ образованія корреалитета, то это новое, въ противоположность прежнему, будетъ заключаться въ безформенности, въ недостаткѣ строго-опредѣленнаго и необходимаго обряда, безъ котораго не можетъ возникнуть юридическое отношеніе. Говоря вообще, довольно если видна воля сторонъ, намѣреніе установить этого рода отношеніе,—и оно будетъ имѣть мѣсто, хотя и этимъ нельзя ограничить случаевъ его примѣненія.

За симъ, оба обязательства, внѣ всякаго сомнѣнія и совершенно согласно природѣ самостоятельной постановки каждаго изъ нихъ, способны видоизмѣняться

1) L. 1 § 43 D. 16. 3.

2) L. 7 § 4 D. 27. 6.

одно независимо отъ другаго. Папиніанъ свидѣтельствуетъ намъ для одного изъ самыхъ отдаленныхъ случаевъ приложенія коррeальности, именно для depositum, что pactum, состоявшееся позже съ однимъ изъ depositar'овъ не измѣняетъ природы обязательства, и мы полагаемъ, смыслъ этого свидѣтельства заключается въ томъ, что другое, рядомъ стоящее обязательство сохраняетъ всю свою силу въ прежнемъ видѣ. Различіе, которое Папиніанъ проводитъ здѣсь для socii socii и non socii, есть совершенно соотвѣтствующее различію, показанному нами выше для коррeальныхъ обязательствъ установленныхъ verbis.

Non idem probandum est, cum duo quoque culpam promisissent, si alteri postea pacto culpa remissa sit, quia posterior conventio, quae in alterius persona intercessit, statum et naturam obligationis, quae duos initio reos fecit, mutare non potest.

Quare, si socii sint, et communis culpa intercessit, etiam alteri pactum cum altero factum proderit. 1)

Можно сказать, что здѣсь на вопросъ о дѣйствіи безформеннаго соглашенія на коррeальныя обязательства, когда они суть тоже безформенно возникающія, испытывается въ самой сильной степени выдержанность аналогическаго примѣненія ихъ въ новыхъ условіяхъ. Корреальность для того именно устанавливается, чтобъ оба обязательства существовали рядомъ и совершенно самобытно. Модификаціи одного вовсе не суть въ тоже время необходимо и модификаціи другаго. Это не изъ свойствъ формы, а изъ свойствъ обязательствъ истекающая консеквенція. Посему она удерживается естественнымъ образомъ и тамъ, гдѣ положительно-формаль-

1) L. 9 § 1 D. h. t.

ная сторона не составляет непремѣннаго реквизиата сдѣлки.

Во множествѣ случаевъ тенерешняго примѣненія корреалитета прежніе вопросы, о дѣйствиі *actum de non petendo, fidejussio*, *poena* и проч. имѣють очень малое практическое значеніе; ибо примѣненіе этой формы носитъ на себѣ такъ часто совершенно прекорящій, моментальный характеръ. Такъ въ легатѣ, гдѣ заинтересованные, конечно, ищуть какъ можно скорѣе воспользоваться матерьяльной выгодой назначенія. Поэтому въ источникахъ мы не находимъ нигдѣ вопросовъ о модификаціи каждаго изъ обязательствъ послѣдующими сдѣлками или событіями въ случаяхъ дальнѣйшаго примѣненія корреальности. Понятнымъ образомъ тамъ, гдѣ индивидуально характеризованныя дѣянія или вещи (*species*) составляютъ предметъ общанія, — тамъ возможны многія существенныя отступленія отъ основныхъ началъ, на которыхъ держится конструкція въ своемъ нормальномъ видѣ. Но очевидно римская практика мало давала мѣны этимъ вопросамъ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видоизмѣненій, частью доказанныхъ выше (стр. 155), мы не могли бы представить ни одного важнаго разъясненія иначе, какъ придумывая сочетанія, независимо отъ источниковъ. Одно что важно отмѣтить, — это что юридическія отношенія, которыя по самой природѣ своей всегда связаны съ известнымъ лицомъ, не могутъ быть конструируемы для двухъ лицъ въ качествѣ двухъ субъектовъ обязательствъ:

Si id, quod ego et Titius stipulamur, in singulis personis proprium intelligatur, non poterimus duo rei stipulandi constitui, veluti quum usufructum, aut dotis nomine dari stipulemur; idque et Julianus scribit. Idem ait, et si Titius et Sejus decem aut Stichum, qui Titii sit, stipulati fuerint, non videri eos duos reos stipulandi, quum Titio decem tantum, Sejo Stichus aut decem debeantur; quae sententia eo pertinet, ut quamvis vel huic, vel illi decem solve-

rit, vel Sejo Stichum, nihilominus alteri obligatus maneat; sed dicendum est, ut, si decem alteri solverit ab altero liberetur. ¹⁾

И такъ, всегда необходимо извѣстное безразличіе отношеній обоихъ субъектовъ къ предмету обязательственнаго дѣйствія, и чѣмъ дальше идетъ отступление отъ этого нормальнаго требованія, тѣмъ меньше выдержанности заключаетъ въ себѣ вся конструкція.

Гораздо болѣе важную сторону вопроса составляютъ способы, которыми корреальная конструкція приводится къ своей цѣли и прекращается.

Собственно здѣсь и заключается весь поворотъ конструкціи къ совершенно инымъ функціямъ, чѣмъ въ эпохѣ формализма, и очевиднѣйшіе признаки ея вырожденія.

Мы думаемъ прежде всего остановиться на томъ способѣ прекращенія, который всегда давалъ характеръ всему явленію и въ которомъ до конца укрывалась его послѣдняя оригинальная черта. Мы разумѣемъ *litis contestatio*. Достаточно вспомнить, въ какихъ строгихъ условіяхъ въ прежнее время ей принадлежали абсолютно консумирующая и новирующая сила въ отношеніи къ прежнему обязательству (стр. 192), чтобъ съ увѣренностью сказать, что теперь въ прежнихъ формальныхъ причинахъ нельзя болѣе искать отвѣта на вопросъ о дѣйствіи *litis contestatio*. Выше было показано, что *differentia* между обоими обязательствами можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть видна съ самаго начала, и тѣмъ не менѣе къ нимъ должны быть приложены начала корреальности, когда этого хотятъ стороны. Затѣмъ, во многихъ другихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о консумпціи обязательствъ *ipso jure* вслѣдствіе формальныхъ причинъ.

Въ виду этого и *исключительно для новыхъ условій*, въ которыхъ прилагались теперь начала корреальности,

1) L. 15 h. t.

возраженія Гиртаннера и Фиттинга противъ господствующей теории совершенно справедливы.

Keller утверждаетъ, что искомъ консумируется право, содержаніе интѣнціи, что эта консумція идетъ въ пользу *ответчика* и противопоставляется *истцу*. И такъ *res judicata jus facit inter partes*, но вѣдь другой вѣритель или другой должникъ не есть сторона въ прежнемъ искѣ,—тогда какимъ же образомъ на нихъ будетъ простираться свое дѣйствіе чужой процессъ?

Сверхъ того, въ эту позднѣйшую пору однимъ формальнымъ актомъ никогда не уничтожается все существо притязанія и *residuum* натурального обязательства есть наименьшее, что мы должны были бы принять у другаго должника или у другаго вѣрителя; если бы стали дѣйствіемъ формы объяснять себѣ послѣдствія иска для обоихъ обязательствъ ¹⁾.

И такъ не къ положительно-формальному моменту, а къ отрицательно-формальному, къ отсутствію данной матерьяльной *causa*, которою опредѣлялась бы цѣль сопоставленія обоихъ обязательствъ должно сводить послѣдствія иска по одному для существованія другаго обязательства.

Въ солидарности ясно, что всѣ обязательства суть только средства для матерьяльнаго результата взысканія, и отношеніе ихъ одного къ другому опредѣляется именно матерьяльнымъ исходомъ иска. Въ корреальности такой внѣшней мѣрки не существуетъ, не ею опредѣляется воля, а наоборотъ, волею лица опредѣляется отношеніе обоихъ обязательствъ одного къ другому. Не силой формы, а независимо отъ формы они оба поставлены въ такое отношеніе; и всѣ акты, прекращающіе то и другое, дѣйствуютъ не въ силу своихъ формальныхъ свойствъ, а въ силу содержащагося въ нихъ элемента воли. Тотъ или другой изъ двухъ вѣрителей хочетъ требовать, или одинъ вѣритель хочетъ искать съ извѣстнаго должника, и этимъ актомъ воли опредѣляется ис-

1) Фиттингъ § 10 и 11.

ключающее отношеніе этого требованія или этого долга къ другому.

Свойство сопоставленныхъ обязательствъ таково, что вовсе нѣтъ необходимости материально опредѣлить ихъ отношеніе, вовсе не нужно, чтобъ одинъ изъ должниковъ заплатилъ или одинъ изъ вѣрителей получилъ уплату. Эти материальные способы могутъ тоже произвести теперь погашеніе обоихъ обязательствъ, какъ и при простой солидарности. Но не въ этомъ особенность явленія. Особенность его въ томъ, что безъ материальнаго критерія, простымъ выборомъ одного изъ обязательствъ уже опредѣляется ихъ взаимное отношеніе. Оба обязательства изначала приняты какъ *bona prima*, они поставлены въ отношеніе исключающихъ одно другое вполнѣ или въ опредѣленной мѣрѣ имущественныхъ объектовъ, а не въ простое отношеніе двухъ средствъ для одной цѣли. Такимъ образомъ, если одно изъ обязательствъ обращается къ цѣли материальнаго удовлетворенія, если по немъ ищутъ, то по другому уже нельзя будетъ искать, ибо они не суть кумулятивно, какъ въ солидарности, а только елективно сопоставленные обязательства *eiusdem potestatis*. Въ солидарности, искать съ одного, потомъ съ другаго—не значитъ упражнять два раза тоже право, ибо право здѣсь заключается въ томъ, чтобъ придти къ материальному удовлетворенію. Пока я не пришолъ къ нему—я не исчерпалъ своего права. Въ коррeальности, наоборотъ, право упражнять то или другое обязательство не поставлено въ связь съ материальнымъ результатомъ, и если я ищу сперва по одному обязательству, потомъ по другому, то я два раза упражняю тоже право, я два раза дѣлаю выборъ между ними, я выбираю сперва одно, отказываясь отъ другаго, потомъ другое, заявляя этикетъ о неудовлетворительности перваго, тогда какъ въ самой сдѣлкѣ, служащей основаніемъ иска, я отказался дѣлать это различіе (*utriusque fidem in solidum secutus*), или въ ней нѣтъ элементовъ, для того чтобъ его сдѣлать (тестаментъ, *commune consilium* и проч.).

Отъ матерьяльнаго исхода нека во всякомъ случаѣ не должно зависѣть прекращеніе права еще разъ искать. Но отчего именно съ моментомъ *litis contestatio* и въ эту пору соединяется дѣйствіе прекращенія корреальныхъ обязательствъ? На это отвѣтомъ можетъ служить природа ея, какъ акта, рѣшающаго множество вопросовъ матерьяльнаго права. ¹⁾

Въ эту пору упадавшаго духа формы, свободнаго отношенія къ началамъ формализма, природа этого акта и сила его не могла оставаться тою-же, какою мы изображали ее выше. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ изслѣдователей вопроса о вліяніи процесса на матерьяльное право, профессоръ Германъ Бухка ²⁾, въ очень обширномъ трудѣ, посвященномъ именно этой матеріи, такъ говоритъ о дѣйствіи *litis contestatio* въ позднѣйшее время на корреальныя обязательства.

Ураазумѣвая только внѣшнимъ образомъ тотъ фактъ, что согласно старому праву всѣ заинтересованныя въ обязательствахъ освобождались посредствомъ *litis contestatio* съ однимъ изъ должниковъ, позднѣйшая практика представляла себѣ это какъ слѣдствіе осуществленнаго искомъ права выбора, и оттуда возникло ученіе, что *выборамъ* одного освобождаются другіе. ³⁾

Наше изслѣдованіе даетъ намъ право сдѣлать здѣсь одну поправку. Если въ самомъ дѣлѣ позднѣйшая юриспруденція пришла къ тому, что *litis contestatio* дѣйствуетъ какъ актъ выбора, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть не внѣшнимъ образомъ понятое прежнее явленіе, а наоборотъ, отрѣшенно отъ формы взятое содержаніе его. Въ самомъ дѣлѣ, если мы независимо отъ формы возьмемъ вопросъ о дѣйствіи *litis contestatio*, то

1) Надо строго различать эту сторону вопроса отъ процессуальной. Мы, конечно, остановимся только на нѣкоторыхъ пунктахъ ученія, которое въ цѣломъ крайне обширно.

2) Die Lehre vom Einfluss des Processes auf das materielle Rechtsverhältniss, historisch und dogmatisch dargestellt, von d-r Hermann Buchka, 2 части, 1846 и 47 г.

3) См. указан. сочин., т. 2-ой, стр. 35.

окажется, что и прежде въ актѣ скрыто было это содержание—разъ на всегда сдѣланнаго выбора между двумя обязательствами *eiusdem potestatis*. Когда я предъявилъ искъ къ одному, то, съ формальной точки зрѣнія, я новировалъ обязательство, и за симъ слѣдовала, съ законами логической необходимости, консумція другаго. Но въ чемъ-же матерьяльный смыслъ такъ опредѣляющагося отношенія обоихъ обязательствъ? Конечно, въ томъ, что одно изъ нихъ есть избранное, другое отвергнутое, одно приводится въ дѣятельное состояніе, другое пребываетъ въ состояніи покоя. По формальнымъ причинамъ въ одномъ первомъ, выведенномъ въ судъ, выразится всё притязаніе, заключавшееся прежде въ двухъ обязательствахъ. Теперь не къ силѣ формальнаго акта, а къ внутреннему его содержанию, къ его смыслу сводится вопросъ о его вліяніи на оба обязательства. Имѣетъ ли теперь тоже содержаніе понятіе о *litis contestatio* какъ способъ прекращенія какъ прежде (*novatio, consumtio*)?

Мы можемъ сказать, что *litis contestatio* есть и теперь моментъ рѣшительный для процессуальной постановки вопроса, но содержаніе этого понятія, когда имъ опредѣляется вліяніе на корреальную конструкцію, есть теперь болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Говоря, что обязательство другаго прекращается *litis contestatione, conventionē* или *petitione*¹⁾, классики такъ часто присоединяютъ къ этому еще точнѣйшее опредѣленіе,—*non percceptione*, отбѣняя этимъ именно отрицательную сторону дѣйствія *litis contestatio*. Они хотятъ этимъ выразить только, что не матерьяльнымъ удовлетвореніемъ, а независимо отъ матерьяльнаго удовлетворенія происходитъ погашеніе обоихъ обязательствъ, силой сдѣланнаго выбора, *electione*, силой содержащагося въ *litis contestatio* рѣшительнаго въ процессуальномъ смыслѣ акта воли. Посему мы и находимъ постоянную смѣну одного понятія другимъ (*to intentione, to elec-*

1) См. приведен. выше мѣста.

tionē, при чемъ, конечно, въ высшей степени вѣроятно, что компиляторы вытѣсняли послѣдней формой первую) и постоянное противоположеніе *обоихъ* понятію *perceptio*.

Извѣстно, что и при простомъ солидарномъ сопоставленіи двухъ обязательствъ выборъ тоже имѣетъ мѣсто и *litis contestatio* тоже рѣшаетъ вопросъ, — но не о томъ, *кто изъ двухъ*, а лишь о томъ, *кто прежде* будетъ отвѣчать. — Чѣмъ условлено это различіе дѣйствія выбора тутъ и тамъ? Несомнѣнно, *природой обязательствъ*, которыя въ солидарности отвѣчаютъ одно за другое, а въ корреальности каждое за себя; природой ихъ — материальной, зависимой, условной въ солидарности и отвлеченной, отрицательно-формальной, самобытной въ корреальности. Если не такова ихъ природа въ самой основѣ, то на нихъ переносится аналогически качество абстрактности.

Замѣтимъ еще, что съ предъявленіемъ на долю иска противъ одного въ корреальности я, независимо отъ результата, могу только на остальное искать противъ другаго. Наоборотъ, искъ противъ одного, чѣмъ бы онъ ни кончился, хотя освобожденіемъ отвѣтчика, не мѣшаетъ при солидарности искать опять всё съ другаго ¹⁾.

И такъ въ *litis contestatio* скрывается теперь рѣшающая сила выбора, которымъ разрушается вся конструкція согласно природѣ входящихъ въ составъ ея обязательствъ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ корреальность является позитивно примѣненной, особенно въ легатѣ, гдѣ надо разрѣшить вопросъ — кто пріобрѣтетъ выгоду или на кого падетъ тяжесть, — тамъ классики отдѣляютъ еще одну сторону: въ вопросѣ о дѣйстви *litis contestatio*. Они видятъ въ скорѣйшемъ предъявленіи извѣстнымъ лицомъ иска признакъ бодѣбительной воли, и это качество въ ихъ глазахъ составляетъ рѣшающій критерій для вопроса, кто изъ

1) Мѣсто на стр. 238 и Гай IV, § 56 и 122.

двухъ легатаровъ исключитъ своимъ требованіемъ требованіе другаго.

Мы возьмемъ нѣкоторыя свидѣтельства, въ которыхъ прямо видна такая точка зрѣнія. Но правильное отношеніе къ этимъ свидѣтельствамъ получается лишь тогда, когда они сопоставлены съ другими, которыя касаются тоже вопросовъ о сдѣлкахъ лукративнаго характера. Юлій Павелъ говоритъ:

Non solet deterior conditio fieri eorum, qui litem contestati sunt, quam si non, sed plerumque melior; nemo enim persequendo deteriorem causam, sed meliorem facit. ¹⁾

Въ *actiones populares* искъ и всѣ выгоды его о-своиваются чрезъ *litis contestatio* тѣмъ, кто дѣятельнѣе. Если прежде въ основѣ этого могли лежать соображенія формальнаго свойства, то позже они очевидно отошли на второй планъ, ибо Юлій Павелъ говоритъ:

nam et si quis egerit, ita demum consumit publicam actionem, si non per collusionem actum sit. ²⁾

Гай рассматриваетъ прямо того, кто вывелъ свое притязаніе въ судъ какъ болѣе бдительнаго:

In compensationem etiam id deducitur, quo nomine cum actore lis contestata est, ne diligentior quisque deterioris conditionis habeatur, si compensatio ei denegetur. ³⁾

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между двумя лицами долженъ быть рѣшенъ вопросъ, кому изъ двухъ должна

1) L. 86 и 87 D. de R. I.

2) L. 30 § 3 D. 12. 2.

3) L. 8 D. 46. 2.

прийти вещь, если права того и другого одни и тѣ же,—рѣшаетъ владѣніе.

In pari causa potior est possessor ¹⁾, или—
possidentis melior est conditio. ²⁾

По этому: •

cum unius rei in duos donatio confertur,
potior est ille, cui res tradita est. ³⁾

И въ виду этого, дѣйствіе *litis contestatio* въ тѣхъ случаяхъ приложенія корреалитета, гдѣ имѣетъ мѣсто лукративное обращеніе имущества двумъ или многимъ лицамъ, такъ что у онерированнаго образуется нѣсколько обязательствъ, разрѣшается чрезъ *litis contestatio* именно по этому-же началу первенства, преимущества права приближившагося къ осуществленію передъ оставшимъ въ этомъ смыслѣ. У Ульпіана читаемъ:

Sic evenit, ut interdum, si pluribus testator honorem habere voluit, et de pluribus sensit, quamvis unum legatum sit, tamen ad persecutionem ejus plures admittantur, ut puta si decem fuerunt ejusdem rei stipulandi et heres vel fideicommissarius rogatus est, ut iis solveret; hic enim, si omnium interest, et de omnibus sensit testator, fideicommissum relictum omnes petere poterunt. Sed utrum in partem agent, an in solidum, videamus; et credo, prout cujusque interest, consequentur. Unus igitur qui occupat, agendo totum consequitur, ita ut caveat, defensum iri adversus ceteros fideicommissarios eum, qui solvit, sive socii sunt, sive non ⁴⁾.

1) Pauli R. S. I. 11. 1.

2) L. 1 § 1. D. 43. 33.

3) Pauli R. S. V, 11, 4; Fr. Vat. § 315.

4) L. 11 § 21. D. de legat. III. Здѣсь видно, сколько своеобразныхъ моментовъ заключаетъ въ себѣ легатъ. Важно обратить вни-

У Павла видна таже точка зрѣнія на *litis contestatio* какъ на актъ выбора, хотя ближайшимъ образомъ касающагося только вопроса о томъ, какой изъ двухъ предметовъ (вещь или ея цѣна) долженъ достаться кому-то изъ легатаровъ:

tunc enim uni pretium, alii ipsa res assignatur electione rei, vel pretii servanda ei, qui prior de legato sive fideicommisso litem contestatus est, ita tamen, ut non habeat licentiam altero electo ad alterum transire ¹).

Несомнѣнно, что эта же точка зрѣнія можетъ имѣть мѣсто и вообще тамъ, гдѣ нельзя опредѣлить, *non potest reperiri*, какое изъ двухъ обязательствъ и почему должно консумировать другое, *cur altera potius quam altera consumeretur*. Если формальныхъ причинъ недостаточно для отвѣта на вопросъ, то отвѣтъ можетъ быть конструированъ на этой фактической причинѣ. Предъявить искъ—тоже что овладѣть вещью (*occupare agendo*), сдѣлать *suam conditionem meliorem* (при активной корреальности), но въ то же время, по отношенію къ должнику, это значитъ исчерпать все содержаніе его обязательства, или, въ отношеніи ко многимъ должникамъ (пассивная корреальность), исчерпать все содержаніе своего права и обязательно для себя принять его долгъ какъ разрѣшающій обязательства всѣхъ другихъ.

И такъ именно въ случаяхъ лукративнаго характера обязательствъ, гдѣ послѣднюю цѣль составляетъ *даровое стлжаніе*, чистое *lucrum*, корреальная конструк-

маіе на то, что часто вопросъ, кого хотѣлъ почтить *testator*, есть очень трудный и въ высшей степени важный для судьбы легата. Насколько индивидуализируется положеніе каждого вслѣдствіе особаго свойства назначенія—мы не будемъ говорить. Вопросъ объ матеріальномъ удовлетвореніи есть вѣдь всегда благонадежный, ибо вѣдь это *delibatio* наслѣдства съ гипотекарнымъ искомъ.

1) L. 33 D. 30. 1.

ція дѣйствительно пріобрѣтаетъ характеръ игры (Glücks-spiel). Но лежитъ ли это въ ея свойствахъ, или это условлено совершенно постороннимъ ей элементомъ *лукративности* всей сдѣлки? Мы думаемъ, что отвѣтъ не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ этого чуждаго момента (Incum), гдѣ идетъ рѣчь просто о взысканіи по тому или другому обязательству, тамъ выборъ дѣйствуетъ совершенно независимо отъ того, лучше или хуже стало положеніе истца или отвѣтчика. Возможно, что одинъ изъ вѣрителей, предъявивъ искъ, сдѣлалъ этимъ свое положеніе очень дурнымъ, точно такъ, какъ делегатаръ принятіемъ стипуляціи отъ делегата, ибо взялъ на свой страхъ обязательство, которое послѣ окажется ничего не стоющимъ. Точно также возможно, что избранный должникъ не заплатитъ, а между тѣмъ его обязательство идетъ всё таки въ счетъ въ полной суммѣ, такъ что онъ будетъ въ выгодѣ.—Но всѣ такіе вопросы суть для корреальной конструкціи совершенно праздные, и рѣшающимъ будетъ не выгода или невыгода, а выборъ, одинъ выборъ.

Искъ и скрытый въ немъ смыслъ избранія можетъ идти не на всю сумму по одному обязательству, а на доли по каждому. Эта сторона вопроса не представляетъ собою большаго интереса, и мы обходимъ ее, избѣгая излишней обширности книги ¹⁾.

Вопросъ о томъ, какимъ процессуальнымъ средствомъ будетъ защищаться другой должникъ, когда выборъ сдѣланъ, есть для насъ въ высшей степени простой. Если прежде формы консумціи дѣйствовали абсолютно-разрѣшающимъ другое обязательство образомъ, *ipso jure*, то теперь отвлеченное отъ формъ понятіе

1) Никто, разумѣющій дѣло, не заключитъ отсюда, чтобы авторъ считалъ возможнымъ не изслѣдовать вопроса и въ этомъ смыслѣ обойти его. Мы хотимъ только сказать, что излагать здѣсь результаты изслѣдованія не считаемъ важнымъ. Если бы мы не различали такимъ образомъ разныхъ вопросовъ, то книга получила бы размѣры, не соответствующіе специальности нашей тѣмы.

electio заключаетъ въ себѣ совершенно тоже содержаніе. Другой отвѣтчикъ или другой истецъ будетъ встрѣченъ не возраженіемъ (exceptio rei in iudicium deductae), а отрицаніемъ долга. ¹⁾

Мы переходимъ къ другимъ способамъ прекращенія корреального обязательства въ позднѣйшую эпоху. Начнемъ съ понятія solutio. ²⁾ Прекращеніе силы вербального контракта актомъ реального совершенія составляетъ, какъ мы видѣли выше (стр. 176 и слѣд.), отступленіе отъ началъ строгаго формализма, которымъ нѣкогда опредѣлялся весь характеръ гражданскаго оборота. Теперь, когда сфера примѣненія корреальности расширилась далеко за первоначальные предѣлы, конечно, не могло уже болѣе быть рѣчи о необходимости именно только извѣстными *формальными* способами прекращать обязательства, входящія въ составъ корреальной конструкции. Въ виду этого совершенно понятно, что мы находимъ столь часто въ источникахъ сопоставленными—*asserptio, litis contestatio* и *solutio*, какъ совершенно одинаковые способы прекращенія корреалитета.

Ex hujusmodi obligationibus et stipulantibus solidum singulis debetur et promittentes singuli in solidum tenentur. In utraqve tamen obligatione una res vertitur, et vel alter debitum accipiendo vel alter solvendo omnium perimit obligationem et omnes liberat. ³⁾

Тѣ писатели, которые, болѣе или менѣе рѣшительно, отказываются признать разницу между солидарностью

1) Подробности см. у Фиттинга §

2) Понятіе имѣетъ болѣе обширный смыслъ, какъ *dissolutio*, и болѣе тѣсный—*уплаты*. Последнее часто встрѣчается, первое рѣже см. напр. L. 54 L. 80 D. 46. 3. L. 4 § 7 D. 42. 1. L. 47 и 176 D. 50. 16. ср. еще L. 19 h. t. L. 8 § 5 L. 31 § 1 D. 46. 2. L. 34 § 1 D. 46. 3. L. 69 D. 46. 1. L. 16 D. de leg. II.

3) § 1 I. h. t. Ср. еще напр. L. 27 § 6 D. 2. 14. D. 3 § 1 D. h. t. и многія другія, приведенныя выше.

и коррeальностью, видятъ въ одинаковомъ дѣйстви уплаты на ту и другую очень существенную поддержку своего мнѣнія. Это ошибка совершенно очевидная, ибо хотя уплата тутъ и тамъ прекращаетъ оба обязательства, но въ солидарности одинъ должникъ платитъ за всѣхъ, одинъ вѣритель принимаетъ уплату за себя и за другихъ, тогда какъ въ коррeалитетѣ каждый уплачиваетъ свой долгъ и каждому производится уплата по его обязательству, ¹⁾ *perinde ac si solus stipulatus esset.*

Съ другой стороны, какъ было тоже показано выше (стр. 37), присоединеніе лица *solutionis causa* къ обязательству разсматриваютъ иногда какъ сходное съ коррeальной конструкціей сопоставленіе. ²⁾ Здѣсь будетъ умѣстно привести нѣкоторыя свидѣтельства, изъ которыхъ видна вся ошибочность этого сближенія.

Accessio vero in obligatione, говоритъ Юлій Павелъ, ³⁾ aut rei aut personae fit; personae, quum mihi aut Titio stipulor.

Совершенно тотъ-же акцессорный характеръ отмѣчаетъ и Гай въ лицѣ присоединенномъ къ стипуляціи *solutionis causa*. Посему я (*stipulator*) могу къ долгу безусловному присоединить такое лицо подъ условіемъ, и наоборотъ, никогда къ условному долгу *solutionis causa adjectus* не приводить безусловно, — тогда

inutilis erit tota stipulatio....., quia nisi, quod a me, vim acceperit obligatio, adjectio nihil potest valere. ⁴⁾

Ульпіанъ прямо противопоставляетъ такое лицо съ субъектомъ обязательства:

1) Развѣ, см. выше, въ данномъ случаѣ *correi* обязался *pro te*, или институтъ принялъ специальное направленіе обезпеченія, какъ въ *fidejussio*. Для *confidejussores* тоже что для *correi*.

2) Фиттингъ о томъ и другомъ — *ganz ähnliches Verhältniss.*

3) L. 44 § 4 D. 44. 7.

4) L. 141 § 7 D. de V. O.

quia non acquirendae obligationis gratia, sed solutionis causa personam filii apprehendisse intelligatur. ¹⁾

Тоже у Марцелла:

Si mihi aut Titio decem stipulatus fuerim, Titius fidejussorem accipere non potest, quia solutionis tantum causa adjectus est. ²⁾

Такое лицо можетъ быть всегда удалено простымъ актомъ воли вѣрителя. ³⁾

Повилному при такихъ свидѣтельствахъ трудно сомнѣваться, что одно полномочіе принять уплату не сдѣлаетъ еще лицо субъектомъ обязательства.

Уплата въ корреалитетѣ, сдѣланная тому ли, другому—ли, вполне или отчасти, есть удовлетвореніе по обязательству, въ отношеніи къ которому она производится. Уплата по одному прекращаетъ другое по той простой причинѣ, что сопоставленіе обязательствъ ни здѣсь, ни въ солидарности не имѣетъ цѣлью двойнаго полученія денегъ (см. выше стр. 134).

Оригинальныя модификаціи явленія, гдѣ конструкція, неимѣющая существеннаго реквизиата корреальности, тождества предмета, въ извѣстныхъ условіяхъ можетъ дать тотъ-же результатъ, какъ и корреальная стипуляція, была указана нами выше. ⁴⁾

Уплата можетъ послѣдовать по другому обязательству только при условіи, что первое не выведено въ судъ. ⁵⁾

1) L. 56 § 2 D. 45. 1.

2) L. 23 D. 46. 1. L. 57 § 1 D. 46. 3. можетъ служить доказательствомъ того, какъ въ римскомъ правѣ долго рядомъ съ новыми явленіями удерживались старыя формы.

3) L. 51 D. 46. 3.

4) L. 15 h. t.

5) L. 16 h. t.

Уплата долей, составляющих вмѣстѣ цѣлое, хотя бы доли шли на погашеніе отдѣльныхъ обязательствъ, прекращаетъ всю конструкцію. ¹⁾

Въ матерьяльномъ смыслѣ залогъ и *expromissio* равняется уплатѣ. ²⁾

Намъ остается анализировать еще тѣ способы прекращенія обязательствъ, которыхъ традиція идетъ изъ эпохи формализма. Это *novatio* и *asservilatio*.

Что касается первой, то намъ знакомо уже изъ краткаго очерка успѣховъ современной нѣмецкой литературы (стр. 104 и слѣд.) измѣнившееся значеніе этого института въ позднѣйшую эпоху. Самая яркая черта, которою отмѣчается теперь ея дѣйствіе на прежнее обязательство, видна для насъ, конечно, на самомъ корреальномъ обрядѣ, гдѣ идущая на *idem* стипуляція другаго вѣрителя или должника только тогда погашаетъ прежнее обязательство, когда есть *animus novandi* ³⁾.

Характеру эпохи вовсе не противна кумуляція средствъ для одной цѣли, и въ этомъ смыслѣ *consequens est dicere, pristinam obligationem durare et sequentem accedere*. Если новация должна произвести разрѣшеніе корреальной конструкціи, то лишь при томъ условіи, что она въ данномъ случаѣ равняется уплатѣ. Только *verbis*, только формальнымъ обрядомъ, конечно, нельзя прекратить обязательствъ въ новомъ кругѣ примѣненія корреальности, и если здѣсь будетъ имѣть мѣсто этотъ способъ, то за намъ скрывается всегда реальный моментъ, *re et verbis* происходитъ погашеніе.

Венулей, который, когда онъ говоритъ отъ себя, есть настоящій свидѣтель позднѣйшаго взгляда на явленіе, задаетъ вопросъ:

Si duo rei stipulandi sint, an alter jus novandi habeat, quaeritur, et quid juris unusquisque sibi acquisierit?

1) L. 34 § 1 D. 46. 3. L. 15 D. de leg. II.

2) L. 5 § 3 D. 18. 1. Догматическаго характера подробности мы обходимъ. У Галя особенно важны II, § 83 и 84. III, 91.

3) L. 3 D. h. t.

Засимъ онъ утверждаетъ, что какъ уплата одному (*uni recte solvi*), такъ и искъ (*unum in iudicio petentem totam rem in litem deducere*), такъ, наконецъ, и акцептиция одного прекращаетъ обязательства обоихъ (*regimi utrisque obligationem*), совершенно такъ, какъ бы каждый изъ нихъ одинъ стипулировалъ. Отличіе отъ стипуляціи одного заключается только въ томъ, что дѣйствіемъ (*factum*), актомъ воли другаго, съ которымъ у насъ общее право (*commune jus*, конечно право выбора), мы можемъ лишиться должника (*amittere debitorem*). Что же для новаци? Вотъ заключеніе текста:

Secundum quae, si unus ab aliquo stipuletur, novatione quoque liberare eum ab altero poterit, quum id specialiter agit, eo magis quum eam (sc. novam) obligationem similem solutioni esse existimemus. 1)

Что-же отсюда слѣдуетъ? Что новая стипуляція, если ее принимаютъ какъ уплату, то она и дѣйствуетъ какъ уплата. По поводу этого сближенія, которое очень часто встрѣчается въ источникахъ, многіе, также какъ и по поводу самой *solutio*, указываютъ на то обстоятельство, что и на солидарныя обязательства *novatio* въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ также. Мы опять, въ виду этихъ возраженій, повторимъ, что въ подлинной корреляльности и уплата и *novatio* происходитъ *non alterius nomine, sed suae obligationis.* 2) Съ другой стороны, по словамъ Помпонія, *solutio* есть натуральный способъ прекращенія обязательствъ. 3) Если нельзя этого-же сказать о новаци, то несомнѣнно, однако, что въ ней теперь всегда скрывается сатисфакціонная сила. Но сатисфакція, составляющая, пожалуй, тоже натуральную цѣль обязательства, не есть единственная

1) L. 31 § 1 D. 46. 2.

2) L. 12. 8 D: de V. O.

3) L. 107. D. 46. 3.

и опредѣляющая цѣль корреальной конструкціи, и она совершенно-иначе, чѣмъ солидарность, можетъ прекратиться (*litis contestatione*) и тогда, когда эта натуральная цѣль осталась еще въ извѣстномъ отдаленіи.

Для позднѣйшей практики эта точка зрѣнія на новацию, какъ на суррогатъ уплаты, есть единственно правильная. ¹⁾

Что касается акцептиляціи, то мы видѣли ее выше въ ея подлинной роли въ сферѣ формализма. Несомнѣнно, что и теперь она способна явиться въ той-же роли; но рядомъ съ этимъ развиваются лобопытные отклоненія и примѣненія этого понятія у позднѣйшихъ классиковъ. У Юлія Павла и Ульпіана *acceptilatio*, которая какъ таковая не имѣетъ силы (*inutilis*), способна сохранить силу безформеннаго соглашенія ²⁾. Она, да-лѣе, оказывается пригодной для контрактовъ реальныхъ и консензуальныхъ ³⁾

Засимъ, и это одно открываетъ выходъ изъ затрудненій, которыя представляетъ изученіе этой формы въ позднѣйшее время, писатели этого времени постоянно сближаютъ дѣйствіе ея съ дѣйствіемъ уплаты. Ульпіанъ прямо держится этой точки зрѣнія въ вопросѣ о вліяніи акцептиляціи на корреальную конструкцію:

Si ex pluribus obligatis uni accepto feratur,
non ipse solus liberatur, sed et hi, qui secum
obligantur. Nam cum ex duobus, pluribusve

1) См. Савинья, *Oblig.*, I, стр. 165, но только для позднѣйшаго времени это вѣрно. Ср. еще *L. 9 § 3. D. 13. 7.* Дѣйствіе новаго обязательства на различныя акцессорныя сдѣлки въ прежнежъ, также новация на долю см. въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, напр. *Salkowski*, указан. выше, § 11.

2) *Cp. L. 8 pr. D. 46. 4. L. 27 § 9. D. 2. 14.*

3) *L. 5 pr. D. 18. 5. L. 19 D. 46. 4.*

*ejusdem obligationis participibus uni accepto fertur, caeteri quoque liberantur: non quoniam ipsis accepto latum est, sed quoniam velut solvisse videtur is, qui acceptilatione solutus est*¹⁾.

Вездѣ въ юриспруденціи задача открыть внутренній моментъ, имѣ опредѣлить силу акта, не оставляя его на той степени только формальной извѣстности, которую ограничивалось прежнее время, а съ этой точки зрѣнія, конечно, ближе всего было приписать ей тоже дѣйствіе, какое имѣетъ *solutio*. Опять и тутъ многіе отказываются видѣть разницу между корреальнымъ и солидарнымъ обязательствомъ. Мы усматриваемъ ее тамъ-же, гдѣ (см. выше) она есть и для *solutio*

Мы должны далѣе имѣть въ виду и другіе очень разнообразныя способы прекращенія корреалитета, которые вообще имѣютъ мѣсто для всякаго рода обязательствъ, ибо чѣмъ безразличнѣе въ формальномъ смыслѣ становилась сама конструкція, тѣмъ далѣе должны были развиваться и дѣйствующія на нее средства прекращенія. Мы остановимся только на болѣе важныхъ пунктахъ²⁾.

Прежде всего рассмотримъ дѣйствіе *constitutum*. Вопросъ составляетъ очень избитую тѣму у всѣхъ изслѣдователей явленія. Мѣсто, на которомъ сосредоточивается общее вниманіе, принадлежитъ Юлію Павлу. Вотъ оно:

Idem est, et si ex duobus reis stipulandi alteri constitutum, alteri postea solutum est, quia

1) L. 16 pr. D. 46. 4. Ср. еще L. 7 § 1 D. 34. 3: *acceptilatio solutioni comparatur*.

2) Очень подробно объ этомъ у Кунце, стр. 192, гдѣ онъ ставитъ особую рубрику для *depositio judicialis*,—тогда какъ, конечно, сказать объ этомъ что либо для корреалитета воособенности нѣтъ никакой возможности.

loco ejus, cui jam solutum est, haberi debet is, cui constituitur. ¹⁾

Трудность толкованія заключается въ томъ, что собственно назначеніе *constitutum* не въ томъ, чтобы погашать, подобно уплатѣ, прежнее обязательство, а лишь въ томъ, чтобы утвердить старый долгъ новымъ исковымъ средствомъ. ²⁾ Для этого мы имѣемъ совершенно несомнѣнныя указанія источниковъ:

Ubi quis pro alio constituit se soluturum, adhuc is, pro quo constituit, obligatus manet. ³⁾

Кунце, чтобы объяснить вліяніе *constitutum* на корреляльную конструкцію, считаетъ необходимымъ создать новое понятіе *преторской новации*, а за симъ дѣйствіе ея уже легко объясняется аналогіей съ простой новацией. ⁴⁾

Фиттингъ сводитъ вліяніе конститута на оба обязательства къ понятію *electio*, къ вліянію выбора (стр. 202). Мы совершенно раздѣляемъ его мнѣніе. Нельзя сомнѣваться, въ виду обоихъ свидѣтельствъ Павла, что одно изъ обязательствъ совершенно прекращается посредствомъ *constitutum*, заключеннаго по другому. Но въ то же время нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ Савиньи, въ этомъ дѣйствіи его полнѣйшаго сингуляритета, котораго возможность условлена полнымъ перерожденіемъ положительно-формальной природы корреляльныхъ обязательствъ. Въ этомъ смыслѣ для насъ важно то, что

1) L. 10 D. 13. 5. Кунце указываетъ еще и другой текстъ Юлія Павла, приведенный нами выше, см. стр. 143. Ученіе о *constitutum* въ послѣднее время сдѣлало важные успѣхи, см. особенно Вара, *Anerkennung*, § 30, Сальпиуса, *Novation*, § 49.

2) Савиньи, *Oblig.*, I, 168.

3) L. 28 D. 13. 5.

4) *Singularsuc.*, § 48.

такое дѣйствіе конститута не засвидѣтельствовано ни кѣмъ, кромѣ Юлія Цавда.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Спеволы, учителя Папиніана, въ лицѣ самаго Папиніана и его двухъ великихъ учениковъ, Павла и Ульпіана, критическое и свободное отношеніе мысли къ элементамъ обѣихъ историческихъ системъ римскаго права достигаетъ своего вѣнца.

Дальнѣйшіе вопросы, о *compensatio, transactio*, давности и проч. имѣютъ только догматическій интересъ для современнаго права. ¹⁾

1) Ср. обширные экскурсы объ этихъ вопросахъ у Кунце § 47 и слѣдующ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ко времени Юстиніана весь смыслъ формъ и функций абстрактнаго обязательства исчезъ окончательно. Нельзя сказать, чтобъ это было дѣломъ законодательства. Мы видѣли выше, что estipulacія только факультативно заключала въ себѣ элементы отвлеченнаго обязательства. Къ концу развитія именно эта способность ея оказывается совершенно излишнею. Отвлеченная estipulacія выходитъ изъ употребленія, безъ всякаго акта, которымъ совершился бы переворотъ въ системѣ обязательствъ. Новообразованія матерьяльныхъ контрактовъ замѣняютъ ее вполнѣ и повсюду. Очевидно, элементы формализма становятся совершенно чуждымъ жизни явленіемъ и ихъ мѣсто занимаетъ иная, матерьялизирующая тенденція.

Соотвѣтственно этому въ институтахъ, тѣсно связанныхъ съ ея формальной природой, идетъ сперва въ практикѣ, потомъ и окончательно въ Юстиніановскомъ законодательствѣ постоянный склонъ въ эту же сторону, и здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ актовъ, которыми, согласно новымъ требованіямъ жизни, отмѣняются одинъ за другимъ остатки прежняго формализма. Въ знаменитой *const. ultima C. de novationibus* ¹⁾ вмѣсто прежнихъ формальныхъ презумцій для

1) Мы можемъ еще за прошлый годъ отмѣтить новую обширную попытку истолковать законъ въ *Zeitschrift f. Rechtsgesch.*, 1873, 1 Band, 2 Heft, статья Röver'a. Изучать ее мы уже не имѣли времени.

animus novandi освобождающее дѣйствіе новаци поставлено въ зависимость отъ прямо выраженной въ этомъ смыслѣ воли лицъ. ¹⁾

Что касается ближайшимъ образомъ корреалитета, то рѣшающую, въ смыслѣ прямой отиѣны его (для пассивныхъ случаевъ), мѣру мы находимъ въ L. 28 C. de fidejuss. 8. 41. отъ 18-го октября 531 года. Императоръ говоритъ:

Generaliter sancimus, quemadmodum in mandatoribus statutum est, ut contestatione contra unum ex his facta alter non liberetur, ita et in fidejussoribus observari. Invenimus etenim, in fidejussorum cautionibus plerumque ex pacto hujusmodi causae esse prospectum, et ideo generali lege sancimus nullo modo electione unius ex fidejussoribus vel ipsius rei alterum liberari, vel ipsum reum, fidejussoribus vel uno ex his electo, liberationem mere-ri, nisi satisfactum sit creditori, sed manere jus integrum, donec in solidum ei pecuniae persolvantur vel alio modo ei satisfiat.

Idemque in duobus reis promittendi constituimus, ex unius rei electione praejudicium creditori adversus alium fieri non concedentes, sed remanere et ipsi creditori actiones integras, et personales et hypothecarias, donec per omnia ei satisfiat.

Практическія соображенія, которыя руководятъ волей законодателя, выражены тутъ-же. Онъ указываетъ на то, что эта цѣль постоянно достигается особыми соглашениями между сторонами, сопровождающими всякую подобную сдѣлку, и для того чтобы.

1) Савин., стр. 272. Бэръ видитъ въ содержаніи законѣ строгую презумцію противъ новирующей силы послѣдующей стипуляціи стр. 158.

simplicitas suscipientium contractus

не вредила интересамъ кредитора, Юстиніанъ возводитъ этотъ фактически нормальный порядокъ въ общую, независимую отъ предусмотрительности контрагентовъ, законодательную норму.

Такимъ образомъ между солидарнымъ обезпеченіемъ и корреальнымъ обязательствомъ изглаживается вся разница, нѣкогда такъ глубоко и рѣзко отличавшая оба института. Вмѣсто творческаго, въ обратномъ смыслѣ, значенія конструкціи, она сходитъ на степень такого же простаго охранительнаго средства, какимъ были и поручители въ эту пору.

Если справедливо, что реформа Юстиніана касалась только случая пассивнаго корреалитета, то заключенія отсюда къ тому, чтобы активная корреальность сохраняла прежнее свое значеніе, суть, конечно, ошибочныя, и все что мы въ правѣ сказать въ виду приведеннаго нами закона, должно строго ограничивать отрицательнымъ результатомъ: активное сопоставленіе двухъ обязательствъ осталось неотмѣненнымъ въ законодательномъ смыслѣ. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, чтобы оно имѣло въ эту пору прежнее значеніе въ гражданскомъ оборотѣ?

Мы сомнѣваемся въ этомъ, ибо конструкція пала не вслѣдствіе причинъ въ ней только лежащихъ, а вслѣдствіе измѣнившагося въ самыхъ основахъ общаго характера гражданскаго оборота.

Совершенно позитивное нововведеніе давности для случаевъ корреального обязательства, незадолго предшествовавшее выписанной выше конституціи, также какъ въ высшей степени спорное содержаніе Nov. 99 ¹⁾ не представляютъ для насъ никакого историко-юридическаго интереса, и мы оставляемъ вопросъ въ томъ ви-

1) Савинья, § 26, совершенно отвергаетъ практическую важность рѣшаемаго здѣсь случая. Впрочемъ попытки толкованія этой новеллы очень многочисленны ср. Вангерова, по 7 изд., III. стр. 78.

дѣ, въ какомъ онъ до сихъ поръ продолжаетъ раздѣлять мнѣнія вождей современнаго догматизма.

Вопросъ о регрессѣ, который мы считаемъ совершенно чуждымъ для подлиннаго корреалитета, становится все болѣе важнымъ по мѣрѣ того, какъ границы корреального обязательства съ солидарнымъ теряютъ распознаваемость, и мы думаемъ, что полной ясности вопросъ о способѣ и цѣли регресса достигнетъ только тогда, когда наука и практика придетъ къ простому заключенію, что одни случайные остатки отжившаго института не въ состояніи дать твердой исходной точки для рѣшенія вопросовъ первѣйшей практической важности. Въ этомъ смыслѣ протестъ многочисленныхъ новыхъ изслѣдователей вопроса противъ всякой необходимости дѣлать различіе между простой солидарностью и корреальностью въ общемъ правѣ есть несомнѣнно совершенно основательный. Теперешнее мѣсто института вовсе не въ традиціяхъ Юстиніановскаго законодательства, а лишь въ новообразованіяхъ позднѣйшаго оборота съ обязательствами, въ которыхъ снова ожили элементы формализма, давшіе съ самаго начала смыслъ и жизнь явленію.

Мы не ставили себѣ цѣлью дать читателю исчерпывающей отчетъ многочисленныхъ теперешнихъ попытокъ приноровить остатки корреальной конструкторіи къ потребностямъ и характеру современнаго оборота. Мы продолжаемъ думать, что только изученіе явленія на подлинной его почвѣ способно дать надежный критерій для всякихъ вопросовъ о его примѣненіи. Только этого критерія, этого опредѣляющаго принципа, этой основы конструкторіи мы и искали въ памятникахъ классическаго права. Читатель легко дастъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько мы обязаны результатами нашего изысканія успѣхамъ современной нѣмецкой литературы римскаго правовѣдѣнія. Но прямо пригодными для насъ въ смыслѣ истолкованія системы римскаго формализма были далеко не всѣ попытки изученія корреальности. Мы заподозрили правильность обоихъ главнѣйшихъ опытовъ объяснить явленіе, по крайней мѣрѣ съ его генетичес-

кой стороны. Но оба, по нашему мнѣнію, солиднѣйшихъ изслѣдователя вопроса изучали корреальность тоже прямо держась источниковъ. Поэтому оба они, вмѣстѣ съ Demengeat, Helmholtz'омъ, Rückert'омъ, Кунце, Girtanper'омъ постоянно служили намъ спутниками въ нашей работѣ. Этими именами, однако, вовсе не ограничивается кругъ писателей, касающихся нашего вопроса. Остается много другихъ, совершенно иначе опредѣлявшихъ свои задачи. У иныхъ мы находимъ не столько прямое отношеніе къ источникамъ, сколько попытки примирить уже выработанныя ученія другъ съ другомъ. Таковы Samhaber, Brackenhöft. Далѣе, есть писатели, давшіе совершенно иной размѣръ вопросу, изслѣдованія которыхъ уходятъ вовсе изъ предѣловъ нашей задачи, каковы особенности Баронъ, съ его Gesamtrechtshältnisse, куда онъ относитъ между прочимъ и корреальность. Труды такого рода невольнымъ образомъ все дальше и дальше уходятъ отъ насъ, по мѣрѣ того какъ вы ближе и точнѣе сосредоточиваете вниманіе именно на источникахъ. Этимъ вовсе не предосуждается ихъ внутреннее достоинство, но, по своему свойству, они не могутъ составлять средства для вашихъ цѣлей, а на оборотъ сами должны составлять цѣль изученія и оцѣнки.

Наша задача есть конченная, въ тѣхъ тѣсныхъ границахъ, которыя мы поставили себѣ. Не тамъ конечно, гдѣ явленіе потеряло свой характеръ, а тамъ гдѣ оно получило его сосредоточивался для насъ весь интересъ нашей работы. Опредѣлившаяся въ римскомъ формализмѣ конструкція, которой существенные, отвлеченные отъ прежней формы, логическіе реквизиты примѣнялись позже въ другой сферѣ, не есть пропавшій для права историческій опытъ. Ея ненадобность въ извѣстныхъ условіяхъ оборота не есть свидѣтельство непригодности ея въ другихъ. Та выработанная техника обмѣна обязательствъ, которой образцомъ служить эта конструкція, нигдѣ, конечно, не повторяется въ прежнемъ видѣ, но смыслъ, скрывавшійся въ ней и опредѣлившійся позже, даетъ въ результатъ навсегда побѣжден-

ную трудность въ вопросѣ о природѣ обязательства. Оно не есть только средство для цѣлей матерьяльныхъ. Оно способно само образовать собою самобытный объектъ обмѣна, опредѣляющій, связывающій, разрешающій также свободно и, конечно, еще легче, чѣмъ матерьяльныя вещи, величайшее разнообразіе юридическихъ отношеній. Облеченная въ другую одежду, болѣе роскошную, говоритъ Кунце, но все та же римская идея абстрактнаго обязательства является и теперь торжествующей въ безчисленныхъ новыхъ формахъ гражданскаго оборота. Ея источникъ лежитъ въ изумительномъ практическомъ инстинктѣ римлянъ. Въ формахъ ими созданныхъ, въ ихъ практикѣ, простой и типической, мысль привыкаетъ узнавать логическіе элементы любого сложнаго образованія. Не въ ихъ опредѣленіяхъ, не въ этихъ понятіяхъ обязательства, гдѣ обязательство всегда является только какъ средство для матерьяльной цѣли, а въ ихъ институтахъ видна его подлинная природа, его независимая, свободная отъ матеріи, самобытная сила.

Кто не сдѣлалъ себѣ яснымъ этого свойства обязательства, для того конструкція, которую мы анализировали здѣсь, останется навсегда неразгаданной проблемой.

Н. Дюсернуа.

Оглавление.

Введение стр. 1—18.

Общее значение вопроса 3. Характеръ развитія институтовъ римскаго гражданскаго права 4. Способъ изслѣдованія 5. Двѣ теоріи. Догматизмъ и историко-юридическій методъ 6—10. Формализмъ 10—12. Практическое свойство задачи 13. Связь съ другими вопросами 14—15. Воля какъ послѣдній критерій достоинства сдѣлки 16. Характеръ современнаго права 17. Опытъ Phering'a 18.

ОТДѢЛЪ I.

Критическая оцѣнка двухъ теорій стр. 19—40.

Литературная замѣтка 19. Риббентропъ и источники 21. Единство обязательства, объективный составъ и субъективныя отношенія 22. Кажущаяся простота 23. Слѣдуетъ ли искать готовой теоріи у классиковъ?—24. Слово obligatio 25. Что такое субъективныя отношенія?—27. Неправильное отношеніе къ источникамъ 28. Состояніе ученія у Савиньи 29. Упрекъ Demangeat 30. Практическія задачи въ Германіи 31. Отношеніе Фиттинга къ свидѣтельствамъ источниковъ 32. Дополненіе его индекса 33. Новая точка зрѣнія 34. Въ какомъ видѣ является вопросъ?—35. Количественное и качественное отношеніе къ источникамъ 36. Сравненіе и его результаты 37 и 38. Вопросъ о принципахъ у Demangeat 40.

ОТДѢЛЪ II.

Эпоха первоначальнаго развитія норреальности стр. 41—202.

Гдѣ подлинная форма образованія норреальности? Какіе здѣсь заключаются вопросы?—42. Легать или

II.

стипуляція?—43. Исходная точка Фиттинга въ легатѣ 44. Откуда особенности корреальной конструкціи въ легатѣ?—46.

ГЛАВА I.

Ученіе о стипуляціи стр. 49—115.

I. Литературный очеркъ 49—70.

Повдно наступившая очередь вопроса о формальномъ обязательствѣ 50. Либѣ и вопросъ о принципахъ 51. Формальный и матерьяльный принципъ въ обязательствѣ 52. Формализмъ какъ предшествующая стадія развитія института 53. Образование въ этихъ условіяхъ стипуляціи 54. Принципіальное противуположеніе формального и матерьяльнаго договора 55. Обязательство какъ самостоятельный объектъ гражданскаго оборота 57. Выдѣленіе каузальнаго момента 58. Христіансенъ объ обрядныхъ рѣчахъ 59. Происхожденіе кондикціоннаго процесса по Савиньи 61. Общее движеніе въ литературѣ 63. Гнейстъ о формальныхъ контрактахъ 65. Пощадрѣйшій взглядъ Савиньи 66. Юристы практики 68.

II. Результаты 70—115.

Бэръ и Сальпиусъ 71. Исторія обязательствъ 72. Положительно и отрицательно-формальныя сдѣлки 73. Недоразумѣніе Арндтса и Унгера 74. Акты абстрактнаго переноса имущества 75. Аналитическое упрощеніе фактическаго состава 76. Процессуальныя опасности для права 77. *Историческая функція стипуляціи* 79. Особый характеръ развитія римской системы обязательствъ 80. Представляетъ ли разложеніе сдѣлки на элементы признакъ только извѣстной эпохи или только римской системы?—81. Стипуляція для сюналлагмаческихъ сдѣлокъ 83. *Clausula doli* и *stipulatio adjecta causa* 84. Вырождающийся абстрактный характеръ стипуляціи 85. Формальное обязательство у Юстиніана 86. Состояніе источниковъ 87. *Mutuum* какъ суррогатъ формальнаго обязательства 88. Реальный моментъ на второмъ планѣ 89. *Exceptio non numeratae pecuniae* 90. Давность 91. Опѣнка института съ моральной точки зрѣнія 92. *Оборотная функція стипуляціи* 94. Заслуга Сальпиуса 95. Делегація 96. Деньги и обязательства 99. Двойная отрѣшенность силы сдѣлки 100. Титулированная

III.

делегация 101. Автономический принцип оборота 103. Падение 104. Учение о новации 105. Одни формальные реквизиты 106. *Aliquid novi* у Гая и Юстиниана 109. *Consensus* и *satisfactio* в позднейшую эпоху 112. Иной характер гражданского оборота 113. Переворотъ въ учении у Ульпиана 113 L. 8 C. de novat. 8 42. 114.

ГЛАВА II.

Учение о корреляльныхъ стипуляціяхъ въ системѣ формализма стр. 115—202.

ОБЩИЯ ЧЕРТЫ ФОРМАЛИЗМА 116.

I. Какъ устанавливается коррелянное обязательство *verbis* 117—147.

Обрядъ по Юстиніану 118. Общие моменты съ новацией и делегацией и различія 119. Нѣтъ признака преемственности 120. Требованіе симультанности 121. Практическая основа конструкціи 123. Иное положеніе позже 124. Образованіе и примѣненіе 125. Формальные реквизиты двухъ стипуляцій 126. Деньги и другіе предметы обязательства 127. *Species* и *erga* 129. Корреляность и солидарность 130. *Duo rei stipulandi v. promittendi* у Юліана 131. Цѣль конструкціи. Отрицательный отвѣтъ 133. Возможныя цѣли: а, делегация 134. б, обезпеченіе; отношеніе къ *fidejussio* 135. Еще черта въ исторіи развитія римскихъ институтовъ 137. *Reus promittendi pro te* и *fidejussor in rem suam* 139. Обходъ закона 140. с, цѣли представительства 142. д, корреляность и юридическое лицо 144. Независимый отъ конкретной цѣли характеръ конструкціи 145.

II. Условія, индивидуализирующія каждое обязательство 147—170

Societas 148. *Pacta* 149. *Pactum* и *acceptilatio* у Юлія Павла 150. Поручительство и залоги 151. Одинъ *fidejussor* по тому и другому обязательству 153. *Mora* 154. Толкованіе на L. 18 D. h. t.—155 и 234 прим. *Confusio* 159. Сліяніе обоихъ обязательствъ въ одномъ лицѣ 160. Погашеніе обязательствъ, отдѣльно каждого, чрезъ *confusio* 163. Какъ дѣйствуетъ *confusio*?—164.

IV.

Capitis deminutio 168.

III. Какими способами прекращается корреальность? 170—203.

Исходная точка прежнихъ изысканій 171. Electio съ формальной точки зрѣнія 172. Прежнее соответствие способовъ установленія и способовъ прекращенія обязательствъ 174. Сохранившіяся подлинныя свидѣтельства для корреальныхъ обязательствъ 175. Solutio въ старой системѣ 176. Выдержанность всѣхъ сторонъ явленія въ старой и новой системѣ 181. Формальные способы прекращенія 182. Заранѣе данное отношеніе обѣихъ стипуляцій 183. Необходимость формальнаго измѣненія той или другой 184. Неизвѣстность въ солидарности 185. Дѣйствіе новации 186. Aliquid novi 188. Litis contestatio 189. L. 29 D. de liber. leg. 34. 3—190. Въ какихъ искахъ дѣйствуетъ формальная сила litis contest.?—192. Acceptilatio 193. Заключеніе 197.

ОТДѢЛЪ III.

Корреальность у позднѣйшихъ классиковъ 207—260.

Характеристическія черты эпохи формализма 203. Противуположныя явленія позднѣйшаго времени 206. Отрѣшеніе отъ прежнихъ границъ примѣненія понятія 207.

I. Дальнѣйшее примѣненіе понятія корреальности. Солидарность 208—239.

Нуженъ ли прежній обрядъ?—208. Корреальность въ легатѣ 209. Умѣстны ли здѣсь всѣ вопросы подлиннаго корреальтета?—212. Confidejussores 213. Actiones adjectitiae qualitatis 214. L. 9 D. h. t.—215. Солидарность въ матеріальныхъ контрактахъ 216. Какъ приміруются кажушіяся противорѣчія 218. Уединенность свидѣтельства Папиніана 220. Ноксальные и сен 222. Толкованіе на L. 15 § 2 D. 43. 24.—225. Основной принципъ солидарности и корреальности 229. Свидѣтельства источниковъ 233.

V.

II. Вліяніе измѣнившейся сферы примѣненія
корреальности на разныя фазы юридичес-
каго отношенія 239—260.

Litis contestatio какъ актъ выбора 242. Тоже для
солидарныхъ обязательствъ 247. Особое значеніе акта
въ сдѣлкахъ лукративного характера 248. Частные во-
просы 251. *Solutio* 252. *Solutionis causa adjectus* 253.
Novatio 256. *Acceptilatio* 257. *Constitutum* 258.

Заключеніе для Юстиніановскаго права и общее стр.
261—266.

П О П Р А В К И.

Стр.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
1	это одинъ	это одинъ
15	Zahlung	Zahlung
25	Ульпианъ	Ульпианъ
30	cautio	cautio
61	contractus	contractus
72	вопросы, касающіеся	вопросы, касающіеся
79	достигались	достигались
95	пр. 1	сочин. Бернштейна, хотя незави- симо отъ Сальпиуса, но не преж- де его появилось
127	прим. eandem pecunim	eandem pecuniam
129	easdem operas	easdem operas
160	ejus sint potestatis sint	ejusdem sint potestatis
167	вовсе и не увлекая	вовсе не увлекая
170	прим. jus naturale	jus naturale
171	предоставляетъ	представляетъ
185	коснулась	коснулась
201	вырожденія	вырожденіе
213	и отсюда консумціи	и отсюда консумція
229	разрѣшается выборамъ	разрѣшается выборомъ
245	исцомъ	исцомъ
252	пр. 1 Фиттингъ §	Фиттингъ § 34
253	прим. 2 ähnliches	ähnliches
262	для того чтобы.	для того чтобы